Н. П. Дубинин,
И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев

ГЕНЕТИКА ПОВЕДЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Н. П. Дубинин,
И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев

ГЕНЕТИКА ПОВЕДЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

О природе антиобщественных поступков
и путях их предупреждения

Издание второе, переработанное и дополненное

Москва
Издательство
политической
литературы
1989

ББК 67.99(2)8
Д79

Дубинин Н. П. и др.

Д79 Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобществ. поступков и путях их предупреждения /Н. П. Дубинин, И. И. Карпец, В. Н. Кудрявцев.— 2-е изд., переработ. и доп.— М.: Политиздат, 1989.— 351 с.
ISBN 5—250—00358—3

Опираясь на данные криминологических и генетических исследований, авторы книги — видные специалисты в области генетики и правовых наук — рассматривают механизм поведения человека, соотношение в нем социального и биологического, анализируют истоки антиобщественных поступков, природу преступности и способы ее предупреждения. В книге затрагиваются и вопросы дискуссионного порядка. Адресована читателям, интересующимся актуальными проблемами развития человека.

Д $\frac{0302030000-042}{079(02)-89}$ 113—89 ББК 67.99(2)8

ISBN 5—250—00358—3

Введение

Взаимосвязь таких, казалось бы, разных проблем, как наследственная природа человека, его поведение, его ответственность перед обществом и государством, определяется тем, что все они имеют прямое отношение к одной общей теме: месту и роли человека в современном обществе. Является ли современный человек песчинкой в безбрежном мире, «винтиком» в сложном механизме общественных взаимоотношений, пассивным и безвольным объектом воздействия природных и социальных сил, или же он активный созидатель, творец настоящего и будущего, несущий полную ответственность за свои поступки, намечающий и реализующий пути дальнейшего развития цивилизации? Этот вопрос стоит сегодня, как никогда, остро. От самого человечества сейчас зависит, удастся ли вообще сохранить жизнь на нашей планете.

Вопрос о предотвращении ядерной войны — ключевой вопрос современности. Человечество накопило такой ядерный потенциал, что предсказать опаснейшие последствия дальнейшего его наращивания просто невозможно. «Мы подошли к такому этапу в научно-технической революции, когда новые открытия могут еще больше подстегнуть гонку вооружений и создать ситуацию, в которой гораздо труднее будет

даже завязать переговоры,— отмечал М. С. Горбачев.— ...Все мы у черты, за которой могут начаться непредсказуемые процессы» [1].

Проблема поведения и ответственности человека связана не только с международными событиями, но и с внутренними процессами современного общества. И здесь, как и в сфере международных отношений, мы встречаемся с разными, порой противоположными, оценками человеческих возможностей. «Мир поражен раком, и этот рак — сам человек» [2],— заявляет западный ученый А. Грэгг. Подобного рода пессимистическим заявлениям принципиально противоположна позиция подлинных ученых-гуманистов. Так, академик В. И. Вернадский, оценивая прогрессивные возможности человека, утверждал, что уже в наше время «перед его мыслью и трудом становится вопрос о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого» [3]. Перед человеком встают и другие научные и практические проблемы: что надо сделать для того, чтобы в мире не было голодающих; чтобы люди не страдали от стихийных бедствий и болезней; чтобы не существовало режимов расизма и апартеида; чтобы не было локальных войн; наконец, чтобы успешно вести борьбу с преступностью. В основе преодоления всех этих зол должна лежать разумная, гуманистическая политика государств и их правительств, руководствующаяся новым мышлением, новым подходом, базирующимся на утверждении общечеловеческих ценностей. Особая роль в этом подходе принадлежит науке. «Надо, что-

---

[1] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи. М., 1987, т. 3, с. 489, 490.

[2] *Gregg A.* A medical aspect of the population Probleme.— Science, 121 (1955), p. 681.

[3] *Вернадский В. И.* Биосфера (Избранные труды по биогеохимии). М., 1967, с. 356.

бы политика и наука сейчас, как никогда, сотрудничали. Не должно в наше время быть науки, не осмысливающей того, какие политические последствия могут иметь те или иные ее открытия и достижения. И не должно быть политики, не опирающейся на достижения науки, на ее строгий анализ, объективные оценки и прогнозы»[1].

При социализме проблема активности и ответственности человека приобретает особенно актуальный характер. Социалистические общественные отношения не только способствуют многообразным проявлениям творческой активности человека, но и органически нуждаются в ней. По словам Ф. Энгельса, «нормальным состоянием» общественного человека «является то, которое соответствует его сознанию и *должно быть создано им самим*»[2]. Именно это нормальное человеческое состояние представляет собой одну из характерных черт динамически развивающегося, обновляющегося социалистического общества.

Но каковы глубинные истоки творческой активности человека? Не ограничены ли его возможности природными свойствами? Не определяют ли эти свойства его цели и интересы, формы и направленность поведения, не снимают ли его ответственность за собственные поступки? Да и можно ли их считать «собственными» поступками личности, или же они запрограммированы в наследственном веществе? Ответ на эти вопросы в значительной степени зависит от того, как понимается соотношение социального и природного в развитии человека.

Социально-биологическая проблема активно исследуется в работах ряда советских авторов[3]. Она об-

---

[1] *Горбачев М. С.* Избранные речи и статьи, т. 3, с. 494.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 510.

[3] См. работы К. А. Абульхановой-Славской, Д. К. Беляева, В. С. Бойко, Н. П. Бочкова, А. В. Брушлинского, Л. П. Буевой,

суждалась на научных конференциях, ряде симпозиумов и международных конгрессов. Принципиальная позиция марксизма-ленинизма состоит в том, что социальные явления не могут быть объяснены с биологических позиций. Однако это не исключает необходимости исследовать конкретное соотношение биологического и социального в человеке как индивиде. «Для нас стало азбучной истиной, что человек создается обществом, что человек — существо общественное, что его социальные условия являются определяющими в его развитии, поведении и т. д.,— отмечал академик П. Н. Федосеев.— Но мы также и против упрощенных представлений о том, что нет никаких природных детерминаций существования человека. Человек есть общественное существо, но как часть природы он и биологическое существо»[1].

В обширной литературе по вопросам о соотношении социального и биологического, издающейся у нас и за рубежом, представлен неоднозначный набор мнений. Наряду с диалектико-материалистическим подходом к проблеме выделяются высказывания, носящие биологизаторский характер, либо же, напротив, проявляется недооценка роли биологического. Утверждается, например, что все стороны духовной жизни человека так или иначе детерминируются его генами и поэтому для формирования нового человека потребуется изменить генетические свойства современных людей. Многие этические нормы поведения предлагается рассматривать в этологическом плане,

---

С. Н. Давиденкова, Т. В. Карсаевской, Б. М. Кедрова, В. И. Кремянского, Б. Ф. Ломова, А. А. Малиновского, Б. А. Никитюка, И. В. Равич-Щербо, В. Ф. Сержантова, Ю. И. Семенова, К. Е. Тарасова, В. К. Федорова, И. Т. Фролова, Г. П. Царегородцева, Ю. Г. Шевченко, Е. В. Шороховой, А. В. Хрипковой и др.

[1] *Федосеев П. Н.* Проблема социального и биологического в философии и социологии.— Биологическое и социальное в развитии человека. М., 1977, с. 19.

т. е. с позиций поведения животных. В других же случаях все сводится к социальной среде и места для природного, биологического в человеке вообще не остается.

Анализируя дискуссии последних лет о соотношении социальных и биологических факторов развития человека, академик И. Т. Фролов пишет: «Марксизм отвергает различного рода биологизаторские подходы в понимании человека и его сущности, а также представления о нем как о существе, обладающем «двойственной природой», хотя в существовании человека на разных стадиях его развития имеют большее или меньшее значение и биологические факторы, действующие в опосредствованном и преобразованном... виде»[1].

Особенно остро стоит проблема социального и биологического, когда речь идет о таких ситуациях, таких формах и типах человеческого поведения, в которых поляризуются сами человеческие взаимоотношения (о проявлениях добра или зла; героизме, творческом труде или социальной пассивности; ответственном отношении к делу или нарушении норм человеческого общежития, антиобщественных поступках, наконец, преступлениях). И это вполне понятно, ибо именно в экстремальных ситуациях, в конфликтах и противоречиях проявляются как лучшие, так и худшие стороны людей; поступки, совершенные в этих условиях, привлекают наиболее пристальное внимание науки, литературы, искусства, общественного мнения.

Антиобщественные поступки людей — правонарушения и преступность — представляют в этом отношении специфический интерес. Прежде всего следует отметить, что проблема преступности — ее природы,

[1] *Фролов И. Т.* Перспективы человека. М., 1983, с. 76.

характера, причин, ее порождающих, путей борьбы с ней — всегда была предметом внимания различных наук — общественных, а в значительной степени и естественных (например, при изучении лиц, совершающих преступления). Тему преступления как формы человеческого поведения, его истоков, наказания за него не обошел своим вниманием, вероятно, ни один сколько-нибудь известный писатель. Достаточно назвать В. Гюго и Ч. Диккенса, Л. Толстого и Ф. Достоевского. Мы не говорим уже о детективной литературе, в которой можно встретить не только произведения с увлекательными сюжетами, но и книги, содержащие достаточно глубокий анализ мотивов и причин преступного поведения. Укажем и на такой примечательный факт, что у истоков создания криминальной полиции Англии, известной ныне под названием Скотланд-Ярда, стоял английский писатель Г. Филдинг.

С помощью преступлений нередко достигались и достигаются поныне определенные политические цели. Убийства и подкупы, похищение людей и терроризм, клевета и подделка документов — вот далеко не полный перечень преступных способов достижения политической власти, которыми пестрит и история общества, и сегодняшняя действительность.

Сказанное свидетельствует об актуальности проблемы и объясняет интерес к ней. Но главное — это все же установление причин антиобщественного поведения, преступности, поиски путей борьбы с этим злом. А в том, что это — вредное для нормального функционирования человеческого общества явление, в принципе разногласий не было и нет. Впрочем, не было ли? И нет ли? Когда изучаешь проблему глубже, оказывается, что были и есть люди, если прямо и не провозглашавшие «полезность» преступности, то молчаливо (или косвенно) дававшие это понять. Тесно связаны с этим и некоторые теоретические и идео-

логические концепции, например, по вопросу о том, вечна ли преступность или ее можно преодолеть, избавив человечество от тех немалых материальных и моральных потерь, которые она приносит.

Не менее острые споры вызывает проблема личности людей, совершающих преступления. Казалось бы, это «чисто академическая» проблема. Но на поверку споры эти оказываются весьма широкими и многоплановыми. Они связаны с оценкой человека как существа мыслящего, созидающего жизнь или разрушающего ее, а также с оценкой тех социальных систем, в рамках которых живет и действует человеческая личность. Они связаны, далее, и с такой проблемой, как отнюдь не редкое стремление увековечить жестокость, расовую исключительность, с утверждениями о возможности или невозможности исправления и перевоспитания людей вообще, а не только преступников. Наконец, эти споры связаны и с вопросами о том, какими методами, с помощью каких средств можно сделать человека лучше; существуют ли люди «первого» и «второго» сорта, исправимые и неисправимые; есть ли нации и народы, имеющие превосходство над другими и право возвышаться над ними; имеются ли социальные группы, которым «от природы» предназначено господствовать над другими.

Таким образом, проблема антиобщественного поведения представляет собой лишь часть более общих проблем, а нередко и тот оселок, на котором проверяется прогрессивность или реакционность мыслителя, ученого, политика. При этом понятно, что те или иные идеи появляются не сами по себе, а в конечном счете для практики, для претворения их в жизнь. Практика же борьбы с преступностью может быть реалистичной или оторванной от жизни, гуманной или жестокой, перспективной или оставляющей без всяких надежд на успех. Наконец, сама эта практика является

составной частью социальной политики, методов и принципов руководства обществом в целом.

В научном отношении вопрос о причинах антиобщественного поведения представляет интерес для решения социально-биологической проблемы еще и потому, что в этой области — пожалуй раньше, чем в других,—уже были проведены многочисленные конкретные исследования, дающие достаточно богатый материал для определенных заключений. Именно на правонарушителях изучались в последнее время хромосомные аномалии, поведение близнецов, психические отклонения и т. д. В течение 70—80-х годов состоялось несколько международных криминологических конгрессов, на которых уделялось большое внимание как социальным, так и биологическим аспектам затрагивавшихся проблем.

В настоящей работе сделана попытка сопоставить между собой данные соответствующих исследований и ответить на несколько вопросов. Главные из них (применительно к теме работы) следующие: 1) Что известно сейчас генетике о наследовании человеческого поведения? 2) Каково соотношение социальных и биологических факторов, оказывающих воздействие на поведение человека, в том числе и антиобщественное? 3) Как влияет это соотношение на ответственность человека перед государством и обществом? 4) В чем причины преступности и иных правонарушений, каковы их природа и характер? 5) Как могут и должны быть использованы социальные методы и средства предупреждения преступлений, в каком соотношении они находятся (и находятся ли) с возможностями и достижениями генетики?

Для ответа на эти вопросы следует прежде всего коснуться эволюции человека, которая привела к появлению вида Homo sapiens — «человека разумного», и проанализировать, в чем состоит диалектика

взаимодействия социального и биологического в индивидуальном развитии современного человека. Данные аспекты составляют основу всей социально-биологической проблемы. Вполне понятно, что ответ на указанные вопросы, требующий комплексного, междисциплинарного подхода, отнюдь не предрешает многих других вопросов, относящихся к проблеме социального и биологического в целом. Вместе с тем представляется, что прояснение даже некоторых аспектов социально-биологической проблемы будет способствовать дальнейшему научному продвижению вперед.

В генетике и криминологии, как и в других науках, имеются разнообразные концепции и мнения, порождающие много споров и дискуссий. Философские аспекты генетики довольно сложны, и поэтому вполне естественно наличие разных точек зрения[1]. По мнению авторов, необходимо стремиться к дальнейшему сближению существующих позиций, укреплению взаимопонимания, сотрудничества ученых — представителей разных наук. При этом важно иметь в виду, что «выводы, получаемые в разных дисциплинах, относятся к одному и тому же объекту — человеку. Он включен в многообразные связи и отношения с действительностью, но сам по себе живет и действует как единое целое; отразить эту целостность на теоретическом уровне — задача комплексной науки о человеке»[2]. Объединение усилий специалистов естественных и общественных наук, совместная разработка ими актуальных вопросов науки — необходимое условие решения этой важной задачи.

---

[1] См.: *Бочков Н. П.* Методологические и социальные вопросы современной генетики человека.— Вопросы философии, 1981, № 1, с. 62.

[2] Социализм и прогресс человечества. Глобальные проблемы цивилизации. М., 1987, с. 432—433.

Глава I

СОЦИАЛЬНОЕ И БИОЛОГИЧЕСКОЕ В ЧЕЛОВЕКЕ

1. Биологическое в человеке

Для познания взаимодействия социального и биологического в человеке определяющее значение имеет исторический метод. Дарвинизм обнаружил решающие факторы биологической эволюции организмов: наследственность, изменчивость и естественный отбор; он показал нерасторжимую генетическую связь человека с животным миром, установив, что человек произошел от одного из видов животных. При этом представляет особый интерес, как в пределах биологической эволюции появилась новая форма отражения, благодаря которой на базе трудовых, общественных отношений стало возможным преобразование наших предков в современных людей.

Здесь возникают два вопроса. Во-первых, как при переходе от исходного животного вида к предкам человека возникла способность к целенаправленному труду? Во-вторых, в чем состояла сущность процессов эволюции, которые, преобразуя предков человека на протяжении многих миллионов лет, создали «человека разумного»?

Что касается первого вопроса, то мы еще не имеем на него полного и исчерпывающего ответа. Можно лишь констатировать, что путем генетической эволюции особи исходного вида животных приобрели

способность такого отражения действительности, при котором оказалось возможным перейти к разумным целенаправленным действиям. Скачок из царства животных к человеку происходил на протяжении миллионов лет эволюции гоминид и предполагал взаимодействие новых биологических свойств отражения с определяющим влиянием труда. Если бы не было влияния труда, ранний предок человека не дал бы начало виду *Homo sapiens*. Безусловно верно, что «первый *исторический* акт... индивидов, благодаря которому они отличаются от животных, состоит не в том, что они мыслят, а в том, что они начинают *производить необходимые им жизненные средства»* [1].

Вопрос о сущности становления вида «человек разумный» получил новые подходы в концепции гармонизирующей эволюции. Согласно этой концепции, главным фактором биологической эволюции предков человека было влияние социальных потребностей. Путем отбора мутаций и их рекомбинаций постепенно преобразовывалась генетическая программа, которая все больше отвечала необходимости, порождаемой формирующимися общественными отношениями. Это выражалось в нараставшей социализации биологических свойств человека.

Животные предки человека имели биологическую сущность. Процесс их гармонизирующей эволюции был проявлением единства биологического и социального. Именно под влиянием возникавших социальных потребностей стала постепенно изменяться направленность само́й биологической эволюции предков человека, и к моменту возникновения вида «человек разумный» сложилась особая генетическая программа, свойственная только этому виду. Эту программу можно назвать «социализированной». Генетическая

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. соч. в 9 т. М., 1985, т. 2, с. 14.

программа отразила в молекулярных структурах ДНК необходимость сложного мозга, развитой руки, прямохождения, анатомических особенностей гортани, обеспечивающих возможность членораздельной речи, высокочувствительных сенсорных органов — зрения и слуха и многого другого, что составляет морфологические телесные особенности человека. Именно в этом выразилась прежде всего специфика эволюции биологических черт человека — при сохранении значительных степеней свободы в функциях мозга, рук, сенсорных органов и т. д., что в целом делает человека необыкновенно пластичным.

Биологическое в человеке имеет огромное значение для его жизнедеятельности. Для человека как общественного существа биологическое выступает в качестве необходимой предпосылки развития его надбиологических свойств. «Человек разумный» в своем онтогенезе, т. е. в процессе индивидуального развития, как бы воспроизводит общие черты своего происхождения. В течение времени от оплодотворения яйца до рождения человек хотя и обладает социализированной генетической программой, но, будучи только биологическим существом, подчиняется лишь законам биологии. После рождения человека на базе биологических предпосылок происходит сложный процесс формирования сознания, мышления, языка. Этот период в развитии ребенка связан с преобразованием его биологической сущности в общественную и характеризуется тем, что внешнее в виде социальной программы постепенно становится внутренним, преломляясь через интеллект и чувственно-эмоциональную сферу человека. Происходит становление личности как индивидуализированной совокупности общественных отношений.

Генетическая программа человека не потеряла своего значения, однако ее роль существенно измени-

лась: в процессе эволюции эта программа приобрела свойства, обеспечивающие готовность новорожденного к последующему развитию в адекватных социальных условиях. Такая готовность имеет достаточно универсальный характер и является типологическим свойством всех представителей вида «человек разумный». Все люди благодаря биологическим особенностям их мозга способны развивать сознание и связанную с ним способность членораздельной речи. Универсальность такой готовности хорошо видна на примере языка. Сознание и речь развиваются практически у каждого ребенка. Существенно отметить, что, как таковые, они не записаны в структурах ДНК, а возникают в процессе общения. Об универсализме человеческих предпосылок к речи убедительно свидетельствует тот факт, что ребенок способен овладеть любым языком, который он слышит после рождения. Ребенок любой расы, любой нации, любой этнической группы, попадая в соответствующее окружение, ничего не знает из словаря своих биологических родителей и начинает говорить на языке тех людей, которые его воспитали.

Важной особенностью мозга является его неспециализированность. Благодаря существованию комплексов, ансамблей взаимодействующих нейронов, служащих материальной базой познания и деятельности, человек создает и использует в своем сознании и поведении неограниченное число программ.

Признавая социализированный характер биологических свойств человека, не следует упускать из виду, что как живое существо он подчиняется вместе с тем фундаментальным биологическим законам и в этом отношении обладает особенностями, присущими всему живому на Земле. Развитие человека основано не на поглощении биологического социальным и не на их тождестве. Целостность человека, обладающе-

го единой социальной сущностью и наряду с этим наделенного природными силами живого, чувственного существа, основана на диалектике взаимодействия социального и биологического.

2. *Социальная сущность человека*

Взаимодействие социального и биологического в человеке основано на том принципе, что более простая форма движения материи — в данном случае биологическая — эволюционно явилась основой для возникновения высшей, более сложной формы, в данном случае общественной. Общественная форма движения несводима к биологической, однако в целостной системе человека между ними налицо неразрывная связь, взаимодействие и единство.

Социальная сущность человека возникла на гребне биологической эволюции. Ф. Энгельс писал: «...уже самый факт происхождения человека из животного царства обусловливает собой то, что человек никогда не освободится полностью от свойств, присущих животному...»[1]. Биологическое в человеке имеет огромное значение, поскольку оно выступает в качестве необходимой материальной предпосылки для развития его социальной сущности.

Общественное содержание человека с его трудовыми способностями и социальными потребностями — это новое свойство, неизвестное остальной природе. Человек появляется на свет, не имея сознания, врожденных идей. Труд, интеллект, человеческие эмоции и воля — все это возникает прежде всего как отражение человеком исторически сложившихся общественных отношений.

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 102.

Для каждого данного поколения действует объективно обусловленная, нередко стихийно сложившаяся «социальная программа», в которой находят свое отражение состояние материальной и духовной культуры, тип общественных отношений, уровень развития производительных сил, а также те конкретные материальные и идеальные взаимоотношения, посредством которых формируется это поколение. «Социальная программа» вещественно представлена технологией, памятниками искусства, архитектурой, средствами передвижения и множеством других «очеловеченных» предметов. Она выражена и в знаковых системах — научной и художественной литературе, живописи, музыке, нормах права. Каждое новое поколение формируется и через разнообразные взаимоотношения людей в больших и малых социальных группах. Именно в обществе и только в нем возникают общественные и индивидуальные потребности и мотивация поведения людей.

Мысль о существовании социальной формы передачи исторического наследия человечества высказывалась неоднократно. Еще Т. Морган указывал на то, что у человека есть «два процесса наследственности: один — вследствие материальной непрерывности (половые клетки) и другой — путем передачи опыта одного поколения следующему поколению посредством примера, речи и письма»[1]. С. Н. Давиденков называл этот второй процесс «преемственностью»[2]. Он представляет собой более высокую, подлинно человеческую форму движения материи по сравнению с био-

---

[1] *Морган Т.* Экспериментальные основы эволюции. М.— Л., 1936, с. 169.

[2] См.: *Давиденков С. Н.* Эволюционно-генетические проблемы в невропатологии. Л., 1947, с. 109. См. также: *Дитль Г.-М., Газе Г., Кранхольд Г.-Г.* Генетика человека в социалистическом обществе. М., 1981, с. 113—115.

логической передачей врожденных признаков организма.

Основным парадоксом социального и биологического в человеке является кажущаяся несовместимость устойчивости генофонда человечества за время его истории с колоссальным прогрессом общественных отношений, развитием сознания, интеллекта, чувственно-эмоциональной сферы.

В 1981 году в Афинах проходил организованный ЮНЕСКО международный симпозиум, посвященный анализу современных теорий по расовому вопросу. Крупнейшие специалисты из 18 стран — генетики, биологи, антропологи, социологи, историки — приняли коллективное заявление, в котором, в частности, говорится: «Первостепенная роль культуры делает людей уникальным биологическим видом и лишает основания любые объяснения поведения человека, основанные исключительно на изучении поведения животных. Нет оснований для того, чтобы объяснять различия в поведении групп генетическими различиями» [1].

Развитие социальной сущности человека в каждом поколении происходило как бы заново, после того как каждый ребенок вступал в общение с другими людьми. Эта особенность противоречила генетической специализации, которая могла бы ограничивать возможности последующих поколений формировать социальную сущность людей. Вследствие ведущей роли социального как фактора эволюции генетические предпосылки развития человека все более и более приобретали черты необходимого соответствия социальным потребностям.

Можно полагать, что естественный отбор, приводящий к изменению видов в природе, потерял для че-

[1] Курьер ЮНЕСКО, 1981, июнь, с. 28.

ловека свое направляющее влияние. Правда, как полагает Н. П. Бочков, «ни археологические, ни антропологические данные не позволяют оценить исторические изменения в генофонде, а следовательно, и отрицать биологическую эволюцию человека»[1]. Естественный отбор еще значителен на эмбриональной стадии (преждевременные роды и т. д.). Однако бесспорно, что «не он является движущим фактором прогрессивного развития человечества и не он определяет теперь развитие человека как биологического вида и социального существа»[2].

3. Наследственность и мозг

Универсализм генетической готовности к вхождению ребенка в социальную среду в наибольшей степени связан с развитием мозга. Мозг как биологическая структура, будучи органом тела, безусловно имеет генетическую детерминированность, достигнутую в процессе гармонизирующей эволюции. Эта детерминированность со времени появления первых представителей рода человеческого и до наших дней почти не изменилась. Однако возможности мозга как органа мышления, развивающегося после рождения ребенка под влиянием общения с людьми и окружающей среды, по мере хода истории и обогащения социальной программы раскрываются все более полно из поколения в поколение.

В результате возникает удивительный процесс социально детерминированного прогресса мозга как материального органа мышления. В каждом последую·

---

[1] *Бочков Н. П.* Методологические и социальные вопросы современной генетики человека.— Вопросы философии, 1981, № 1, с. 56.

[2] Там же.

щем поколении для каждого отдельного человека заново на базе общей исходной генетической детерминации мозга происходит становление все более усложненной структуры и системы мозга. Такая особенность социальной детерминации развития мозга индивида, при отсутствии у новорожденного сознания и появлении его на этапе взаимодействия с людьми, обеспечивает формирование у ребенка после рождения всех черт человека как общественного существа. «Громадная пластичность мозга, тренируемость и обучаемость людей исключают фатальное значение генетической программы...» [1]

Все сказанное относится к людям с нормальной генетической программой. В случае же ее нарушения материальная организация мозга более или менее сильно страдает. Поражение генетической программы вызывает резкое противоречие между социальными потребностями и биологическими возможностями.

Следует учитывать, что генетическая уникальность каждого человека включает индивидуальные биологические отличия, являющиеся предпосылками формирования личности. Нельзя полагать, будто бы гены определяют некий стандарт личности, а среда налагает на него индивидуальные отпечатки. В действительности и там, и тут есть как общее, так и особенное — общечеловеческие и индивидуально-личностные черты.

Важной стороной психической деятельности человека является то, что она имеет характер творческого процесса. Можно сказать, что универсализм как предпосылка и творчество как процесс — это основные формы развития социальной сущности при вступлении ребенка в общественную жизнь. Обе они так-

---

[1] *Беляев Д. К.* Современная наука и проблемы исследования человека.— Вопросы философии, 1981, № 3, с. 15.

же предопределены генетически и реализуются в социальной жизни.

Творческая сторона деятельности мозга не есть врожденное свойство человека в виде генетически детерминированной системы нейронов. Возможность творчества обусловливается генетическим строением мозга, но само творчество как процесс реализуется человеком только после рождения и выступает как отражение тождества и противоречий мышления и бытия. В первую очередь оно реализуется в трудовой деятельности, являющейся специфической человеческой чертой. Сам процесс труда становится для человека насущной потребностью.

Становление творческого начала у людей, которые по своим врожденным особенностям, казалось бы, обречены на животное существование, было продемонстрировано в замечательном эксперименте И. А. Соколянского и А. И. Мещерякова со слепоглухонемыми[1]. Было показано, что без специального обучения у них не развивается сознание и даже человеческое бессознательное. Из итогов эксперимента следует, что бессознательное у человека в конечном счете зависит от сознания. Бессознательное представляет собой сгусток опыта истории и личного опыта человека; исходным его источником является познание, связанное с реальной общественной практикой. Возвращаясь в сферу сознания, запасы опыта могут подвергаться творческой обработке, как это свойственно всей деятельности мозга в процессе отражения. В итоге бессознательное, вовлекаясь в ткань сознания, становится источником нового познания.

---

[1] См.: *Мещеряков А. И.* Слепоглухонемые дети. М., 1974; *Гургенидзе Г. С., Ильенков Э. В.* Выдающееся достижение советской науки.— Вопросы философии, 1975, № 6; *Ильенков Э.* Становление личности: к итогам научного эксперимента.— Коммунист, 1977, № 2.

Учет влияния врожденных особенностей личности имеет большое значение при анализе индивидуализированного взаимодействия биологического и социального. Что же относится к этим особенностям?

После работ И. П. Павлова общепризнано, что *темперамент* в своей основе является врожденной чертой человека и характеризует динамические особенности психической деятельности индивида. Согласно И. П. Павлову, темперамент детерминируется действием трех основных свойств центральной нервной системы: силой, уравновешенностью, подвижностью процессов возбуждения и торможения. Их комбинация приводит к появлению четырех типов темперамента: сангвиник — сильный, уравновешенный, подвижный тип нервной системы; флегматик — сильный, уравновешенный, инертный; холерик — сильный, неуравновешенный; меланхолик — слабый.

Следует иметь в виду, что *сам по себе темперамент не дает возможности судить о содержательной стороне личности* и не характеризует ее возможностей, отражая лишь динамическую сторону человеческих поступков. Вместе с тем окончательное формирование темперамента во многом зависит от морально-волевых сторон характера, связанных уже с содержательной стороной деятельности человека.

Характер — более сложная система в человеческой психике; для его формирования ведущим служит влияние условий жизни и деятельности человека. Свойства темперамента существенно преобразуются при их включении в характер. В результате *никакой темперамент не служит препятствием для развития общественно ценных свойств личности, равно как и отрицательных ее свойств.* Генетически детерминированные свойства темперамента — это лишь предпосылки воспитания, обучения, формирования характера, развития умственных и физических способностей.

Для выяснения наследственно детерминированных динамических свойств нервной системы большой интерес представляют методы дифференциальной психофизиологии, изучающей наиболее простые психологические и нейрофизиологические акты, которые характеризуют индивидуальные различия людей. Такой подход позволяет вычленять отдельные элементы в нейрофизиологических основах поведения человека.

Основатель этого направления Б. М. Теплов выдвинул идею о наличии ряда элементарных наследственно обусловленных свойств нервной системы (СНС), в связи с чем была поставлена задача установить природу нейрофизиологических элементов в поведенческих актах[1]. В. Д. Небылицин показал, что для выявления причинно-следственных связей между особенностями нейрофизиологии человека и его поведением следует сопоставлять развитие биоэлектрических процессов мозга с простыми элементами поведения[2]. Согласно теории СНС, основные свойства нервной системы обусловлены динамикой протекания процессов возбуждения и торможения, разнообразное сочетание которых и составляет основу поведенческих реакций с их индивидуальными различиями.

Б. М. Теплов высказал мысль, что ценность идеи о типах нервной системы заключается в понимании их как комплексов и своеобразных сочетаний нейрофизиологических процессов, обеспечивающих развитие индивидуальности и целостность нервной системы. В связи с этим первостепенной задачей научного изучения механизмов индивидуальных различий является глубокое экспериментальное исследование физиологической сущности первичных параметров СНС, на осно-

[1] См.: *Теплов Б. М.* Проблемы индивидуальных различий. М., 1961.

[2] См.: *Небылицин В. Д.* Психофизиологические исследования индивидуальных различий. М., 1976.

ве которых формируется структура динамических проявлений индивидуальности. В. Д. Небылицин ввел трехчленное деление процессов нервной системы: 1) возбуждение; 2) торможение; 3) производный индекс — уравновешенность.

В 1949 году Дж. Моруцци и Г. Мэгун открыли неспецифическое активирующее влияние ретикулярной системы ствола головного мозга (медиальные структуры ствола, гипоталамус и неспецифические таламические ядра) на кору больших полушарий, что потребовало пересмотра теории о типах нервной системы. В. Д. Небылицин показал, что возбуждение ретикулярной системы, вызывая повышение корковой возбудимости, приводит к облегчению электрокортикальных реакций. Таким образом, ретикулярная формация служит неспецифическим активатором корковых функций. Динамичность тормозного процесса связывается с активностью кортикальных образований и прежде всего лобных долей коры головного мозга.

И. В. Равич-Щербо, используя электроэнцефалографические, двигательные и сенсорные методики, исследовала силу, подвижность и лабильность нервной системы[1]. Изучая сравнительное проявление этих особенностей у однояйцевых и у обычных близнецов, она пришла к выводу, что большинство прослеженных ею динамических показателей, характеризующих свойства нервной системы человека, генетически детерминированы. Вместе с тем при развитии этих элементарных свойств не происходит простого «развертывания во времени» генетически заданной программы. Об этом особенно четко свидетельствуют факты зависимости психофизиологических признаков от возрастных изме-

[1] См.: *Равич-Щербо И. В.* Возможный экспериментальный подход к изучению биологического и социального в человеке.— Биологическое и социальное в человеке. М., 1977.

нений и от условий среды. Показатели, характеризующие элементарные динамические свойства нервной системы, изменяются при изменении внешних условий. Это касается как произвольных, так и непроизвольных реакций.

Таким образом, *даже формально динамическая сторона психических процессов — при очевидной генотипической обусловленности ее элементов в условиях нормального генотипа — не представляет собою жесткого, генетически детерминированного «каркаса» при развитии личности.* Реализация этих процессов в большей мере зависит от условий развития, которые несут в себе и компоненту врожденного, биологического, и компоненту прижизненного опыта [1].

Главное же в том, что свойства нервной системы в пределах нормы, как таковые, прямо не влияют на содержание психики человека и на результативность его деятельности. Они касаются лишь динамической стороны поведения, оказывая влияние, например, на темпы усвоения знаний, на быстроту и устойчивость формирования навыков.

В сфере познания природное в человеке распространяется прежде всего на чувственное познание и на динамическую сторону функционирования мозга. Как известно, чувственное познание осуществляется с помощью органов чувств — зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса,— которые связывают человека с внешним миром. Все элементы сенсорной, чувственной сферы подвержены биологическим вариациям. Каждый человек обладает уникальным сочетанием этих элементов. Отсюда следует, что биологическое, несомненно, накладывает отпечаток на ощущения, восприятия и представления. Однако человеческое познание не ограничива-

---

[1] См., например: *Дитль Г.-М., Газе Г., Кранхольд Г.-Г.* Генетика человека в социалистическом обществе, с. 40, 111.

ется ступенью чувственного познания, а происходит и на уровне абстрактного мышления в соединении с практикой. В. И. Ленин писал: «От живого созерцания к абстрактному мышлению *и от него к практике* — таков диалектический путь познания *истины,* познания объективной реальности» [1].

Абстрагирование, в отличие от простого восприятия предметов и явлений как прямого следствия функционирования органов чувств, представляет собой творческую способность человеческого ума, которая возникла как закрепление многократно повторявшихся в прошлом процессов труда и приобретения знаний.

Очевидно, что существует генетическая изменчивость морфологических структур и физиологии мозга.

Как известно, основными функциональными компонентами нервной системы являются нейроны, связи между которыми осуществляются через синапсы. В этой цепи имеются возможности для генетической изменчивости (мембраны могут иметь структурные различия, влияющие на их проницаемость, разной активностью могут обладать ферменты и т. д.). Влияние на функционирование мозга может оказывать и генетическая изменчивость других органов. Это касается, например, метаболических влияний со стороны печени и почек, желез внутренней секреции, таких, как передняя и задняя доли гипофиза, надпочечники, половые железы, щитовидная и паращитовидная железы.

Последнее время широко обсуждается проблема влияния пептидов на деятельность мозга. Установлена связь нейропептидов с ощущением боли, памятью, психическими болезнями, регуляцией температуры тела, кровяным давлением. Очевидно, что нейрофизиологические процессы базируются на действии генетической программы. Индивидуальные различия этой програм-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 29, с. 152—153.

мы, казалось бы, должны создавать индивидуальные различия в интеллекте. Однако материалы современной нейрофизиологии и нейропсихологии свидетельствуют и об универсальном характере мозговой деятельности. Это касается даже развития синаптических связей. По некоторым данным, первые синапсы у человека обнаруживаются уже на стадии 4—6-недельного плода. Это обеспечивает огромный путь их развития в течение эмбриональной жизни. Пластичность мозга сохраняется и после рождения. Даже те структуры мозга, которые детерминируются генетической программой, развиваются полноценно только при наличии адекватной сенсорной и другой нагрузки, т. е. при вовлечении в качественно особую деятельность, свойственную мозгу человека. П. Г. Костюк отмечает: «Деятельность мозга качественным образом отличается от деятельности других систем организма тем, что она обеспечивает высшую форму взаимодействия организма с внешней средой — отражение ее в форме субъективных образов, запоминание и обработку последних в ходе мыслительных процессов и построение осмысленной деятельности» [1].

Принципиальная сложность проблемы механизмов мозговой регуляции состоит в том, что человеческий мозг как система формируется только в условиях социальной среды. Р. Грегори называет глаз человека «разумным» [2]. Человеческий глаз сообщает информацию мозгу, в котором заключен не только результат непосредственного воздействия предметов объективного мира, но и общественно-практический опыт истории человечества. Это наложило отпечаток даже на особенности физиологии ощущения. Ретина, сетчатая

---

[1] *Костюк П. Г.* Методологические проблемы современной нейрофизиологии.— В кн.: Философские и социальные аспекты взаимодействия современной биологии и медицины. М., 1982, с. 16.

[2] См.: *Грегори Р. Л.* Разумный глаз. М., 1972.

оболочка глаза,— это не просто слой светочувствительных клеток; она обладает свойствами вычислительной машины, в которой происходит переработка информации, после чего та в закодированном виде поступает в мозг. Эта предварительная обработка сигналов, поступающих от среды, соответствует своего рода запрограммированным вопросам, задаваемым мозгом. В мозгу полученная информация абстрагируется все в большей степени по мере ее прохождения через определенные скопления нервных клеток. В результате ощущения входят в сознание, приобретая собственно человеческие значение и смысл.

Таким образом, еще на стадии ощущения социальная сущность человека уже накладывает свою печать на биологические основы этого элементарного психического акта, придавая ему качественно особый, человеческий, социологизированный характер, по происхождению связанный с общественно-практической деятельностью. По мере усложнения психических явлений (например, при переходе от ощущения к восприятию) прямая зависимость психики от биологических предпосылок теряет свое значение, поскольку на первый план выступают процессы овладения исторически обусловленными формами деятельности. На этой основе складывается функциональная система самого мозга как органа, связанного с человеческим сознанием и мышлением. А. Р. Лурия отмечал, что функциональные системы мозга характеризуются большой пластичностью, взаимозаменяемостью своих звеньев и широкими возможностями перестройки [1]. К ним применимы такие категории, как системность, многоуровневость и иерархичность.

Универсальность мозговой деятельности, вероятно,

---

[1] См.: *Лурия А. Р.* Лобные доли и регуляция поведения.— В кн.: Лобные доли и регуляция психических процессов. М., 1966.

главная причина того, что до настоящего времени, за малыми исключениями, генетика человека не располагает конкретными данными о наследственных индивидуальных различиях мозга. И все же могут ли индивидуальные вариации мозга в пределах нормы определять характер психических качеств человека? Некоторые авторы склоняются к тому, что на этот вопрос следует дать положительный ответ. Они полагают, что генетические различия людей служат причиной их различий по интеллекту, моральным качествам и связанным с ними особенностям поведения.

Однако научно доказанных фактов в пользу данной точки зрения нет. Ее сторонники опираются на так называемый эволюционно-генетический подход к развитию психики человека. Несомненно, психика животных — это предыстория человеческой психики. Однако появление психики человека представляет собой качественный скачок в явлениях отражения. Как известно, психические явления возможны только при наличии деятельности мозга как морфофизиологической системы. В этом смысле психика является функцией мозга. Но психика не может быть выведена из нейрофизиологических процессов, она представляет собой особое качество, возникающее лишь в процессе общественной деятельности человека. Эту качественную особенность психики нельзя уловить генетическими методами, поскольку она имеет надбиологический характер. На эмпирическом уровне это констатируют специалисты по генетике человека. Так, Ф. Фогель и А. Мотульский, заканчивая обзор данных по генетике поведения, пишут: «В генетике поведения мы сталкиваемся с оценкой и сравнением фенотипов, которые очень далеко отстоят от действия генов. Пока нами сделаны лишь первые шаги в анализе взаимодействующих переменных. Не окажутся ли механизмы еще более сложными? Что, если их развитие у индивида менее строго запро-

граммировано и менее автономно? Не окажется ли, что взаимодействие с внешней средой более существенно для надлежащего развития функций мозга и даже его структуры? И это было бы не удивительно, поскольку мозг человека является самым последним и наиболее сложным продуктом эволюции. Некоторые имеющиеся в нашем распоряжении результаты подтверждают эту точку зрения»[1].

По всей вероятности, в будущем наука создаст методы, которые позволят более эффективно использовать биологические ресурсы мозга. Нельзя, однако, забывать, что психика человека базируется на сложных функциональных системах мозга, формируемых на основе исторического опыта. Не имеет поэтому смысла, говоря об использовании ресурсов мозга, ставить в один ряд быстродействие, зависящее прежде всего от особенностей нейрофизиологии, и, скажем, альтруизм, выражающий общественные черты человека.

Конкретная система связей в мозгу человека, возникающая при анализе явлений и событий внешнего мира, не может быть заранее записана в его генах; она у каждого человека складывается заново под влиянием опыта и воспитания. Мы хорошо знаем, что, сколько бы поколений людей ни училось математике, школьникам каждого поколения приходится заново воспринимать эту абстрактную систему ви́дения мира. То же касается и всех социальных институтов человека, его языка, обучения и таких сложных комплексных оценок, как добро и зло, справедливость и т. д. Не может быть сомнения в том, что биологически люди различны. Они по-разному воспринимают одно и то же воспитательное воздействие, обладают различными природными особенностями, проявляют разные склонности и черты характера. Однако это свидетельствует лишь о

---

[1] *Vogel F., Motulsky A.* Human Genetics. N. Y., 1979, p. 326.

различии биологических возможностей людей, но не о том, что в их генах уже записано отражение тех форм жизни, которые складываются под влиянием существующих общественных отношений. При этом, как известно, для каждого класса в данной общественно-экономической формации характерны своя этика, свое понимание смысла жизни, отношение к человеческой личности, свой объем научно-технических, социальных, политических, правовых и философских знаний.

Таким образом, для сознания биологическое — сенсорные процессы и нейродинамика — это только предпосылки, хотя и важные, для познания законов природы и общества. Что касается личности с ее мировоззрением, то она формируется прежде всего под воздействием социальных факторов. Это же относится и к эмоциональному началу в человеке. Конечно, чувства радости, страха и другие эмоции прямо связаны с сенсорной и нейродинамической сферами, однако их человеческая сущность — направленность, содержание — имеет в первую очередь социальное происхождение и значение.

4. Общество и личность

Социализация биологии человека пронизывает всю его жизнь. В этой связи следует указать на методологическую необоснованность дуализма в подходе к проблеме биосоциального. В. И. Ленин подчеркивал, что противопоставление материального и идеального оправдано только для гносеологических исследований и что «за этими пределами оперировать с противоположностью материи и духа, физического и психического, как с абсолютной противоположностью, было бы громадной ошибкой» [1].

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 259.

В данном отношении некоторые формулировки, встречающиеся в литературе, требуют, на наш взгляд, определенного уточнения. Например, Б. Е. Варшова и Л. С. Выготский, правильно подчеркивая мысль о том, что сознание возникает у ребенка после его общения с людьми, которые учат его речи, писали: «С момента овладения языком все внутреннее развитие ребенка из животной фазы (биологической) переходит в собственно человеческую фазу (социальную)»[1]. Между тем очевидно, что социальное появляется не на основе «животной фазы», а на биологических основах особого существа, новорожденного человека. Ребенок — это уже не животное с самого начала своего существования.

Человек живет в огромном мире социальных потребностей, формирующих его психическую жизнь, которая качественно отлична от психики животных. Генезис человеческих свойств коренится в истории. Все собственно человеческие черты — производственная деятельность, наука, право, мораль, искусство, физическая культура и т. д.— созданы в процессе исторического развития общественных отношений и производственной деятельности. С развитием производительных сил и экономических отношений изменяются социальные, политические, моральные особенности людей. При этом, конечно, природные возможности разных людей при рождении оказываются разными. В. И. Ленин отмечал, что в любом классе отдельные личности отличаются по своим душевным способностям и по физическим силам. Они или варьируют в пределах нормы, или, в случае поражения генетической программы, оказываются дефектными.

То, что люди не равны по своим личностным особенностям, является очевидным фактом. Возражая

[1] *Варшова Б. Е., Выготский Л. С.* Психологический словарь. М., 1931, с. 205.

своим оппонентам, В. И. Ленин посчитал нужным подчеркнуть его очевидность. Он писал: «Когда говорят, что опыт и разум свидетельствуют, что люди *не* равны, то под равенством разумеют равенство *способностей* или *одинаковость* физических сил и душевных способностей людей. Само собою разумеется, что в этом смысле люди *не* равны. Ни один разумный человек и ни один социалист не забывает этого» [1].

Неравенство людей по интеллекту, способностям и другим свойствам необходимо учитывать в педагогике, психологии, социологии. Однако для проблемы человека существенным является вопрос о причинах возникновения личностных различий и о том, передаются ли они потомкам путем биологического наследования. На признании за этими различиями врожденного, биологически наследуемого характера основаны позиции социал-дарвинизма, расизма и евгеники. Как известно, В. И. Ленин отрицал подобное решение вопроса. Подчеркивая, в сущности, значение универсализма человеческого существа, он писал, что наступит время перехода «к уничтожению разделения труда между людьми, к воспитанию, обучению и подготовке *всесторонне развитых и всесторонне* подготовленных людей, людей, которые *умеют все делать*. К этому коммунизм идет, должен идти и *придет*, но только через долгий ряд лет» [2].

Таким образом, указывая на факт неравенства способностей людей, В. И. Ленин вместе с тем видел возможность всестороннего развития каждого человека. Потенциально каждый человек способен овладеть любой формой человеческой деятельности и при этом развиваться не узко односторонне, а широко, гармонично. Такая точка зрения противостоит при-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 24, с. 361—362.
[2] Там же, т. 41, с. 33.

2 Заказ № 7102

знанию фаталистической предопределенности личности действием генов.

В работе «Немецкая идеология» К. Маркс и Ф. Энгельс приводят высказывание одного из идеологов буржуазного индивидуализма и анархизма — М. Штирнера (называя его Санчо): «Прирожденный философский ум сможет проявить себя либо в качестве университетского философа, либо в качестве деревенского философа. Наконец, *прирожденный глупец* всегда останется тупицей. И надо сказать, что прирожденные ограниченные головы бесспорно образуют самый многочисленный класс людей. Да и *почему бы в человеческом роде не быть* тем же самым различиям, которые встречаются во всякой породе животных?» По этому поводу авторы работы пишут: «Санчо и на этот раз выбрал свой пример с обычной неловкостью. Если принять всю его бессмысленную болтовню о прирожденных поэтах, музыкантах, философах, то... его пример, с одной стороны, не доказывает ровно ничего, а с другой — доказывает обратное тому, что́ следовало доказать..» И далее: «Он совсем не задумывается над тем, что способность детей к развитию зависит от развития родителей и что вся эта изуродованность, имеющая место при существующих общественных отношениях, возникла исторически и точно так же историческим развитием может быть снова уничтожена. Даже естественно возникшие родовые различия, как, например, расовые и т. д., о которых Санчо ничего не говорит, могут и должны быть устранены историческим развитием»[1].

Каждая личность несет на себе печать эпохи, класса, нации, коллектива, семьи. Только достигнув уровня личности с ее индивидуальными, неповторимыми чертами, человек становится участником и твор-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 424—425, 426.

цом истории. Согласно философской трактовке, сущность человека представляет собой совокупность общественных отношений. Ее становление требует биологических предпосылок, но ее содержание и дальнейший прогресс определяются социальными закономерностями. «...Общество,— писал К. Маркс,— производит *человека* как *человека*...»[1]

Изучение человека на стыке биологических и социальных наук — одна из важных задач современной науки. Нельзя не согласиться с тем, что «в общей проблематике, относящейся к изучению человека, сейчас на первый план выдвигается проблема (а точнее, область проблем), которую можно обозначить как «соотношение биологического и социального в развитии человека» [2].

Многое в этой области пока не изучено. Требует своего изучения, в частности, вопрос об установлении границ влияния на человека и на его развитие биологических, природных факторов и механизме этого влияния.

Несомненно, только конкретные исследования в состоянии дать ответ на вопрос о механизмах взаимодействия наследственных и приобретенных свойств, в том числе и в сфере поведения людей. Но прежде чем обратиться к данным таких исследований, остановимся очень коротко на основных понятиях генетики человека, необходимых для дальнейшего изложения.

5. Основные понятия генетики человека

Генетика как наука о наследственности и изменчивости организмов возникла на рубеже XIX и XX веков. Официальной датой ее рождения считается

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 42, с. 118.

[2] Проблемы генетической психофизиологии человека. М., 1978, с. 3.

1900 год, когда трое ученых из разных стран (А. Корренс из Австрии, К. Чермак из Швейцарии и Г. Де Фриз из Голландии) в своих исследованиях независимо друг от друга обнаружили, что в передаче отдельных признаков от родителей к потомству существуют определенные закономерности. Правда, изучение литературы показало, что закономерности, выявленные этими учеными, были установлены еще в 1865 году на садовом горохе чешским ученым-естествоиспытателем Грегором Менделем. Таким образом, оказалось, что в 1900 году произошло не открытие законов наследственности, а их переоткрытие.

Каковы же были установленные законы наследственности?

Г. Мендель проводил скрещивание, т. е. перекрестное опыление, разных сортов самоопыляющегося гороха, отличающихся по форме (гладкие и морщинистые) и цвету (желтые и зеленые) семян. При анализе в потомстве какого-либо признака, например цвета семян, оказывалось, что в первом поколении проявляется лишь один из родительских признаков — желтый цвет. Такие признаки были названы *доминантными*. Второй признак — зеленый цвет — в этом поколении исчезал. Такие скрывающиеся признаки получили название *рецессивных*. Данное поколение Г. Мендель оставлял самоопыляться. Полученное от него второе поколение имело семена как желтого, так и зеленого цвета в соотношении 3 : 1, т. е. желтых семян оказывалось в 3 раза больше, чем зеленых (в опытах Менделя 6022 желтых и 2001 зеленых).

Эти и огромное количество других подобных опытов позволили Г. Менделю сформулировать знаменитые законы:

1. Единообразия первого поколения.

2. Расщепления родительских признаков во втором поколении.

3. Независимого комбинирования признаков. Согласно этому закону два различных признака наследуются независимо друг от друга, расщепляясь во втором поколении в соотношении 9 : 3 : 3 : 1.

За период с 1900 года и до наших дней в генетике были сделаны большие открытия. В частности, установлены материальные носители наследственности, существующие в клетке в виде хромосом, в которых заключены молекулы дезоксирибонуклеиновой кислоты (ДНК). В молекулах ДНК хранится и через них передается от родителей потомству генетическая (наследственная) информация. Определены способы хранения и механизмы действия генетической информации в клетке.

К настоящему времени расшифрован генетический код, синтезирован ген — участок ДНК, ответственный за синтез одной молекулы белка-фермента. Ферменты контролируют и реализуют процессы жизнедеятельности клетки и в конечном счете — формирование ряда биологических признаков организма. Вместе с тем огромное влияние на деятельность генов оказывают условия внешней среды. В связи с этим различают два понятия: *генотип* как совокупность всех наследственных факторов — генов, получаемых потомками от родителей; *фенотип* — совокупность внешних признаков, возникающих при взаимодействии генотипа и внешней среды. Следовательно, для формирования фенотипа организма важны как генотип, так и внешняя среда, в которой происходит развитие особи.

Закономерности генетики в большинстве случаев носят универсальный характер. Они одинаково важны и для растений, и для животных, и для человека.

Человек как генетический объект наиболее труден для изучения. Трудность эта состоит прежде всего в

том, что экспериментировать с человеком недопустимо. Нельзя, например, ради эксперимента заставить какую-то пару пожениться и завести детей, как бы ни интересен был этот опыт для науки. Здесь сразу возникают неразрешимые этические проблемы. Кроме того, смена одного поколения у человека происходит за 25 лет (сравните: у мухи-дрозофилы — за 10—12 суток). Количество детей у человека всегда ограничено (у той же дрозофилы каждая самка откладывает сотни яиц). Все это в значительной степени затрудняет анализ наследственных свойств человека и закономерностей их передачи в поколениях.

Вместе с тем важность развития генетики человека очевидна. В частности, первостепенное значение это имеет для решения проблем наследственных болезней. Современные достижения в этой области убеждают, что многие болезни человека или непосредственно наследуются (несвертываемость крови, цветовая слепота, ряд психических заболеваний и т. д.), или же передается предрасположение к ним (например, к туберкулезу). Предрасположенность означает, что лица с этим фактором заболевают чаще, чем те, которые его не имеют.

Наследственные признаки передаются детям от родителей через половые клетки (мужская — сперматозоид и женская — яйцеклетка). Слияние этих двух клеток при оплодотворении приводит к образованию одной клетки — *зиготы*, из которой и развивается человеческий зародыш. Во всех клетках организма человека содержится постоянное количество хромосом — 23 пары (всего 46). Исключение составляют половые клетки — в них находится половинное число хромосом (всего 23). Такое половинное число хромосом называется гаплоидным (от греческого «гаплос» — единственный), а двойной набор — диплоидным (греческое «ди» — два). В диплоидном наборе хромосом

мужчины и женщины наблюдается парность хромосом. В гаплоидном наборе представлено по одной хромосоме из каждой пары.

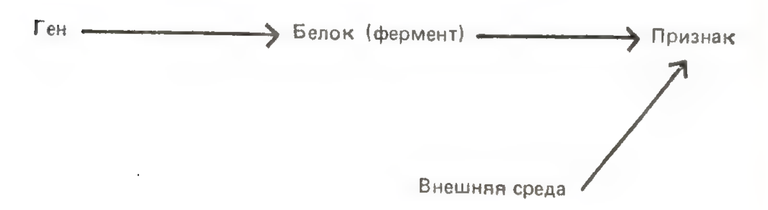
Наличие диплоидного набора хромосом в соматических клетках (т. е. клетках всех внутренних органов, кожного покрова и т. д.) и гаплоидного набора в половых клетках имеет важное значение для организма, поскольку иначе было бы невозможно сохранить постоянство числа хромосом для организмов данного вида. И действительно, развитие организма начинается со слияния двух клеток с половинным набором хромосом. Таким образом, число хромосом удваивается, что и необходимо для обычных соматических клеток.

У женщин каждая хромосома имеет себе пару, а у мужчин две хромосомы являются непарными. Одна из них в 2 раза меньше второй и встречается только у мужчин, ее обозначают символом *Y*. Вторая крупнее и идентична последней паре женских хромосом. Эту хромосому мужчин и последнюю, 23-ю пару хромосом женщин обозначают символом *X*. Следовательно, мужчины и женщины различаются между собой по последней, 23-й паре хромосом: у мужчин — *XY*, у женщин — *XX*. Эти хромосомы называют *половыми*, а остальные 22 пары, одинаковые и у мужчин, и у женщин,— *аутосомами*.

Человек, развивающийся из исходной оплодотворенной яйцеклетки, получает набор генов от матери и от отца. В процессе сложного, многоступенчатого онтогенеза, т. е. развития индивида, унаследованные от родителей гены путем взаимодействия и под влиянием условий окружающей среды определяют проявление различных физических признаков. Как известно, гены определяют синтез белков, которые представляют собой не только строительный материал организма, но и основные компоненты ферментов — биологи-

ческих катализаторов, без которых невозможна ни одна реакция в клетках организма.

Формирование фенотипического признака — результат сложнейших метаболических реакций, протекающих под воздействием определенных условий среды. Упрощенно соотношение гена и признака можно представить в виде следующей схемы:

Приведенная схема отражает, хотя и весьма упрощенно, появление моногенного признака, т. е. тот случай, когда в явлениях наследования различия в одном гене определяют один признак. Такие признаки передаются от родителей в соответствии с законами Г. Менделя.

Типичным моногенным рецессивным признаком у человека является альбинизм, т. е. отсутствие пигмента в коже, волосах и глазах. Альбинизм свойствен также многим видам животных и растений. У человека он встречается во всех расах. В связи с тем, что альбинизм является рецессивным (т. е. подавленным) признаком, он фенотипически проявляется лишь у немногих особей.

Рассмотрим, как будет наследоваться этот признак в семье, где мать — альбиноска, а отец — нормально пигментирован. Предположим, что все дети в этой семье унаследуют признак отца и будут нормально пигментированными. Однако в генотипе эти

дети несут рецессивный ген альбинизма, проявление которого было подавлено присутствием доминантного (преобладающего) гена нормальной пигментированности. Иными словами, хотя дети наследуют признак отца, но в скрытом состоянии они содержат и признак матери. Проявится ли этот материнский признак в потомстве детей — у внуков или правнуков? Это будет зависеть от генотипа по исследуемому признаку у лиц, с которыми вступят в брак дети из данной семьи. Если сын женится на девушке с нормальной пигментацией, то все внуки будут нормально пигментированы. Но половина из них в генотипе все же будет иметь ген альбинизма, перешедший к ним от бабушки. Если же сын женится на нормально пигментированной девушке, у которой в наследственности также есть подобный ген, то среди внуков произойдет расщепление по фенотипу в соотношении: три пигментированных и один альбинос. В семье, где и мать, и отец имеют ген альбинизма, все дети без исключения будут альбиносами.

Окраска радужной оболочки глаз у людей очень разнообразна. Она бывает голубой, серой, зеленоватой, коричневой, черной. Оказалось, что голубой цвет глаз определяется рецессивным геном, темный (коричневый, черный) — доминантным геном. В соответствии с этим в браках, где муж и жена голубоглазые, дети рождаются только голубоглазыми. Однако если муж и жена оба кареглазые, их дети могут быть не только кареглазыми, но и голубоглазыми, так как может проявиться скрытый (рецессивный) признак голубых глаз.

Такой тип наследования обусловлен тем, что данные гены локализованы в аутосомах. Если же гены оказываются локализованными в половых хромосомах, возникает тип наследования, сцепленного с полом. В качестве примера укажем на особенности на-

следования таких отклонений, как гемофилия, миопатия Дюшена, куриная слепота. В браке женщины, больной гемофилией, с нормальным мужчиной среди их детей все мальчики будут больными, все девочки — здоровыми.

Особый интерес представляет полигенное наследование, имеющее место в тех случаях, когда признак определяется не одним, а целым рядом генов. Подобным образом наследуются так называемые количественные признаки. Например, различия в окраске кожи (черная — белая) определяются пятью парами доминантных генов. В потомстве от смешанных браков происходит сложное расщепление, создающее непрерывную гамму цветов у разных потомков — от черного до белого.

В процессах развития особи гены широко взаимодействуют, определяя цепи биохимических явлений. В конечном итоге каждый признак зависит от действия множества генов.

Таким образом, наследственные различия между людьми в физических, физиологических и других признаках обусловливаются различиями в генотипе. Однако эти признаки могут быть не только нормальными, но и аномальными, т. е. с бóльшими или меньшими отклонениями от нормы (физические уродства, наследственные заболевания). В чем причины возникновения подобных аномалий?

Одна из причин — изменение числа хромосом в генотипе. Эти изменения, которые могут касаться не только половых хромосом, но и аутосом, а также структуры хромосом и отдельных генов, имеют наследственный характер и называются *мутациями*. Мутации постоянно возникают в природе и могут затрагивать все признаки организма, как анатомо-морфологические, так и физиологические. Человечество в результате возникновения мутаций в каждом поколе-

нии обладает значительным количеством дефектных генов и хромосомных аномалий, вызывающих разного рода наследственные болезни.

Дело в том, что изменения в молекулярной структуре генов и тем самым в списываемой с них генетической информации, необходимой для протекания биохимических реакций в клетке, приводят к соответствующим изменениям биохимических реакций и к появлению нового качества в клетке и в конечном счете в самом организме. Примером генной мутации у человека может служить болезнь фенилкетонурия, ведущая к умственной неполноценности. Вызывается эта болезнь мутацией гена, контролирующего в норме превращение аминокислоты фенилаланина в тирозин. В результате этой мутации происходит блокирование данного процесса. Большое количество производного фенилаланина — фенилпировиноградной кислоты накапливается в крови, спинномозговой жидкости и моче, что и приводит к слабоумию.

В настоящее время имеются сведения о 2811 мутантных признаках, встречающихся у человека. В основном это разного рода аномалии в виде наследственных отрицательных изменений организма. Они составляют 87 процентов всех мутаций. 13 процентов наследуемых различий приводят к таким изменениям биохимических, иммунологических, физиологических и морфологических признаков, которые представляют собой нормальную изменчивость людей.

Многие отрицательные мутации нарушают развитие нервной системы и, в частности, мозга, в результате чего 3 процента людей рождаются с наследственно обусловленной умственной отсталостью. По этой причине многие дети оказываются не в состоянии усвоить школьную программу.

Наследственные заболевания ставят более или менее серьезные биологические препятствия для нор-

мального развития. Лишь преодолевая их, биологически ущербные люди развивают и проявляют свою социальную сущность. Современная медицина располагает рядом средств, способствующих этому трудному процессу.

Обращаясь к случаям наследственного поражения мозга, изменяющего интеллект в ряду поколений, обычный «здравый смысл» нередко полагает, что подобная же наследственно детерминированная сумма изменений в структуре мозга создает и обычные, нормальные различия в людях — от среднего интеллекта до гения. Такая точка зрения подчас переносится и на другие свойства человека: говорят о генах способностей, таланта, гениальности, доброты, нравственных свойств и т. д. При этом полагают, что будто бы путем изменения биологической природы возможно создать нового, облагороженного человека. Развилось даже целое направление, получившее название *евгеники,* которое ставит целью улучшение, облагораживание человека путем селекции ценных генотипов или же с помощью изощренных методов генетической (генной) инженерии. Делаются предположения, что в будущем путем использования ядер из соматических клеток или другими способами можно будет получить любое количество людей с определенными свойствами (обладающих математическими способностями, художников, физиков, политиков, военных стратегов, рабочих, космонавтов и т. д.).

Однако наука требует достоверных фактов.

Биологические особенности нервной системы детерминируются генами. Генетически обусловленными являются такие стороны проявления психики, как возбуждение и торможение, и тем самым особенности нейродинамических процессов и темперамент. Что же касается высших проявлений психики, то их генетическая обусловленность не находит достаточно убе-

дительных научных подтверждений. По этой причине сложным оказывается и решение вопроса о соотношении биологического и социального в поведении человека, в его конкретных поступках, где одновременно действуют многие системы человеческого организма и личности.

При определении причин и механизма человеческого поведения необходимо учитывать, что каждый человек генетически уникален: анатомически, биохимически, физиологически, нейродинамически, по темпераменту и другим особенностям он неповторим. Его генетической копии нет на Земле сейчас, не было в прошлом и не будет в будущем. Даже однояйцевые близнецы различаются по наборам соматических мутаций.

Проблема осложняется еще тем, что так называемые врожденные различия не являются обязательно генетическими. Условия развития эмбриона, а затем и ребенка на первых этапах после рождения оказывают глубокое влияние на последующее становление функциональной системы мозга. Биологические и психологические особенности, возникающие при таких влияниях, не имеют наследственного характера. Все это говорит о том, перед какими трудными задачами стоит изучение развития психики человека.

Признавая важную роль биологических различий людей, необходимо еще раз подчеркнуть, что главное и ведущее начало в их развитии и деятельности определяется в конечном счете общественной формой движения материи. Весь мир человеческой духовной и материальной культуры — это то новое, чего не существовало на уровне биологического развития животных предков человека и не существует на уровне развития ребенка до его рождения. «Человек разумный» как вид не смог бы выполнить роль мыслящего, деятельного существа, способного к неограниченному

социальному прогрессу, если бы его мысли и поступки были врожденными, генетически запрограммированными. Напротив, история неопровержимо свидетельствует о том, что прогресс человеческого рода базируется на универсальной возможности всестороннего развития его социальной сущности, предпосылками которой служат специфически человеческие и одновременно социально неспециализированные биологические основы.

Глава II

ПРИРОДА АНТИОБЩЕСТВЕННОГО ПОВЕДЕНИЯ

1. Взгляды и теории. Исторический очерк

Наука о преступности и ее причинах сформировалась во второй половине XIX века и получила название *криминология*. Некоторое время ее называли также уголовной этиологией, уголовной социологией или уголовной биологией — в зависимости от того, специалистами каких наук являлись изучавшие преступность ученые.

Следует заметить, что те или иные криминологические концепции, а точнее, взгляды на преступность высказывались и значительно раньше мыслителями, специально этой проблемой не занимавшимися. Первые теоретические построения в этой области мы находим еще у Платона и Аристотеля. Большое внимание проблеме преступности уделяли такие мыслители XVIII века, как Беккариа, Бентам, Вольтер, Гельвеций, Гольбах, Дидро, Локк, Монтескье и другие. Они видели причины преступности в социальной неустроенности общества и плохом воспитании граждан и предлагали законодателям смягчить репрессии и уделять большее внимание предупредительным мерам.

О преступности и ее причинах размышляли социалисты-утописты. Т. Мор видел возможность ее преодоления в переустройстве общества на социалистических началах. Ж. Мелье, разоблачая преступную

деятельность значительной части католического духовенства, призывал к ликвидации общества, основанного на господстве частной собственности. Причины преступности он видел прежде всего в неравенстве людей, порождающем низменные чувства, и в существовании паразитирующих элементов — богатых бездельников. Морелли также полагал, что человек становится преступником вследствие неправильной организации общества, и видел источник всех зол в частной собственности. А. Сен-Симон, Ш. Фурье утверждали, что преступность коренится в самой природе частнособственнического общества, основанного на эксплуатации и угнетении людей, и указывали на безрезультатность борьбы с преступностью с помощью одних лишь уголовных наказаний. На подобных позициях стоял и Р. Оуэн. Для всех социалистов-утопистов характерно, что они не обвиняли самого человека, ставшего на преступный путь, а усматривали причины преступного поведения в порочной организации общества, основанного на частной собственности и эксплуатации людей.

Такие же идеи развивали Ж. П. Марат и А. Н. Радищев. Марат пытался усмотреть истоки преступности в порядках общества, состоящего из «презренных рабов и повелевающих господ». А. Н. Радищев также связывал характеристику состояния преступности с общественным строем государства и с историческими изменениями, происходящими в обществе. Мы вправе считать его и основателем уголовной статистики в России, ибо он поставил в качестве государственной задачи систематический учет совершаемых преступлений.

Революционные демократы — А. И. Герцен, В. Г. Белинский, Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, Д. И. Писарев,— будучи, по сути дела, единомышленниками в понимании существа данной проблемы, ви-

дели причины преступности в самой природе эксплуататорского строя. Так, А. И. Герцен полагал, что преступность как явление общественной жизни подчинена общему закону причинности и объясняется внешними условиями жизни людей. Он придавал, в частности, большое значение экономическому положению населения, таким факторам, как социальное неравенство и нищета[1], и отмечал, что буржуазное общество не способно ликвидировать ни причины, порождающие преступность, ни сами преступления. В. Г. Белинский подчеркивал, что речь должна идти не об отдельных, частных причинах преступности, а обо всей системе общественных отношений. Ближе всех к пониманию классовой обусловленности преступности подошел Н. Г. Чернышевский.

Как уже отмечалось, многие известные писатели стремились в своих произведениях проникнуть в суть преступности как формы человеческого поведения. Возьмем, к примеру, роман В. Гюго «Отверженные» — произведение, где тема преступления разработана им весьма основательно. Словами своего героя — Жана Вальжана писатель вопрошает: «...вправе ли человеческое общество в равной мере подвергать своих членов безрассудной своей беспечности, с одной стороны, и беспощадной предусмотрительности — с другой, навсегда зажимая несчастного человека в тиски между недостатком и чрезмерностью — недостатком работы, чрезмерностью наказания?» Роман Гюго — обличение эксплуататорского общества, порождающего преступления и преступников. Протестуя против наказаний, применявшихся современным ему обществом в борьбе с преступностью, Гюго писал: «Особенностью такого рода наказаний, в которых преоблада-

[1] Подобные идеи можно встретить у русских мыслителей и ранее, в частности у декабристов П. И. Пестеля, С. И. Муравьева-Апостола и др.

ет беспощадность, то есть нечто, притупляющее разум, является то, что они изменяют человека, мало-помалу превращая его путем какого-то бессмысленного преображения в дикого зверя...» [1]

А разве можно остаться равнодушным к судьбе героев романа Л. Н. Толстого «Воскресение», ставших жертвами царского правосудия? «Узнав ближе тюрьмы и этапы,— пишет Толстой,— Нехлюдов увидал, что все те пороки, которые развиваются между арестантами... и все те страшные преступления, совершаемые острожниками... не суть случайности или явления вырождения, преступного типа, уродства, как это на руку правительствам толкуют тупые ученые, а есть неизбежное последствие непонятного заблуждения о том, что люди могут наказывать других. Нехлюдов видел, что людоедство начинается не в тайге, а в министерствах, комитетах и департаментах... что... всем... судейским и чиновникам, начиная от пристава до министра, не было никакого дела до справедливости или блага народа...» [2]

Эти и другие произведения выдающихся писателей существенно дополняли, а порой и корректировали наблюдения и выводы ученых.

Рассмотрим теперь вкратце специальные теории о природе преступности и ее причинах, разрабатывавшиеся в области социальных наук.

История развития учений о природе преступности — это в основном история борьбы двух направлений. Представители одного из них исследовали преступность как социальное явление, представители другого — как явление биологическое. Известны и попытки соединения двух направлений в одно — естественно, на уровне развития науки своего времени.

---

[1] *Гюго В.* Собр. соч. В 15 т. М., 1954, т. 6, с. 109, 112.
[2] *Толстой Л. Н.* Собр. соч. В 14 т. М., 1953, т. 13, с. 417—418.

Хотя исторически идеи о социальном характере преступности были развиты раньше и подробнее, чем представление о ее биологической сущности, все же начало принадлежало не им. В древности и в средневековье, когда уровень развития и общественных, и естественных наук был еще крайне низок, большую роль играли религиозные представления и суеверия. Преступников нередко считали умалишенными, людьми, в которых вселился дьявол, «злой дух». Отказ признать за преступником право на человеческое существование привел к поискам преступного в самом человеке.

Большую роль в развитии буржуазной криминологической мысли сыграла так называемая антропологическая школа уголовного права, основателем которой был итальянский психиатр Чезаре Ломброзо (1835—1909). Имя его давно уже стало нарицательным, как и термины «ломброзианство» и «неоломброзианство». Философской основой его теории явился позитивизм, соединенный с социал-дарвинистскими идеями. Преступление, по Ломброзо,— явление столь же естественное и необходимое, как рождение и смерть человека, как зачатие и болезни, в частности психические. Происхождение преступности — биологическое. (Впоследствии Ломброзо признавал, что в той или иной степени преступность связана и со средой.) В работах «Преступный человек» и «Преступление, его причины и средства лечения» Ломброзо утверждал, что существуют «прирожденные» преступники; они обладают специфическими антропологическими, физиологическими и психологическими признаками и составляют до 35 процентов всех преступников. Ломброзо пытался описать характерный облик такого преступника путем измерений черепа, роста, веса, выявления аномалий строения тела и т. д. На этом основании он пришел, например, к чудовищному вы-

воду о «прирожденной преступности» ряда деятелей французской буржуазной революции, Парижской коммуны и представителей I Интернационала. Так был сделан первый шаг к использованию биологических теорий для борьбы с политическими противниками. Позже Ломброзо, руководствуясь теми же исходными положениями, назвал еще 16 групп факторов, якобы влияющих на преступность, весьма разнообразных и в значительной степени несопоставимых (сюда входили метеорологические, географические, экономические и другие данные, а также расовые признаки). Система мер предупреждения преступлений, по Ломброзо, включала лечение, пожизненную изоляцию и прямое физическое уничтожение «прирожденных» преступников. Несомненно, здесь были заложены основы для внедрения в практику человеконенавистнических мер, получивших государственное признание при фашизме.

Мы намеренно более или менее подробно изложили суть взглядов Ломброзо, ибо его имя наиболее известно широкому кругу людей. Однако не Ломброзо был первым, кто выдвинул идею о прирожденной преступности человека. Предшественниками Ломброзо были так называемые френологи, развивавшие идею о том, что якобы существуют прирожденные биологические свойства, отличающие преступников от непреступников. «Историческое расстояние» между френологами и Ломброзо невелико — всего несколько десятков лет. Однако идеи френологов не получили поддержки; образно говоря, они умерли, едва успев родиться. Впрочем, объективности ради скажем, что их критики скорее интуитивно понимали опасность идей френологов, чем располагали необходимым запасом подлинно научных фактов. Но в науке нельзя пренебрегать и интуицией. С нее нередко начинаются поиски подлинно научных аргументов,

развитие целых направлений исследовательской работы. Однако, поскольку проблема преступности — это проблема и социальная, и правовая, и даже политическая (в той мере, в какой она связана с законодательным закреплением государством, господствующим классом понятия преступного, как и методов и форм борьбы с преступностью), постольку и теории преступности нередко отражают не только то, что объективно доказывает наука, но и то, что хотят видеть в научных достижениях те или иные круги общества. Таким образом, «восхождение» Ломброзо и ломброзианства вскоре после погребения идей френологов отнюдь не случайность. Правда, для того чтобы скрыть антигуманную сущность ломброзианства, ему были приданы все атрибуты научности.

Откровенную реакционность взглядов Ломброзо пытались смягчить его ученики и последователи. Э. Ферри — автор итальянского фашистского уголовного кодекса, затушевывая прямолинейность ломброзианского биологизма, выделял наряду с антропологическими и социальные факторы, влияющие на преступность. Однако, признавая расистские «методы» борьбы с преступниками, он тем самым содействовал пропаганде расовых теорий.

Близкими к биологизаторским были получившие надолго широкое распространение в Западной Европе воззрения, согласно которым преступление — это болезнь. В результате происходило смешение этих понятий. Тысячи душевнобольных сжигались на кострах, содержались в тюрьмах и на каторге за совершенные или приписываемые им преступления. В то же время объявлялись умалишенными лица, сознательно нарушившие закон. Смешение душевной болезни и преступлений имело определенный социальный и политический смысл, ибо облегчало господствующему классу расправу с политическими противни-

ками. В этих условиях голос передовой науки, конечно, был весьма слаб.

В XX веке, особенно во второй его половине, популярность биологических теорий преступности заметно упала. Тем не менее объяснение преступности только или главным образом биологическими причинами продолжает существовать, хотя и в модернизированном виде, с учетом развития естественных наук. Чем же вызвана живучесть биологических теорий в данной области?

Прежде всего это объясняется еще недостаточной изученностью мотивационной стороны поступков человека, глубинных процессов формирования его личности. В самом деле, иногда очень трудно бывает понять причины антиобщественного поведения того или иного лица, особенно если это связано с проявлениями неоправданной жестокости. К тому же еще и сегодня преступление — нарушение закона, установленного людьми,— нередко смешивают с поведением, обусловленным расстройством психики человека, его болезненным состоянием, когда уже неправомерно говорить о преступлении в собственном смысле слова. Наконец, успехи биологических наук, медицины и генетики порождают у широких слоев населения надежды на то, что эти науки помогут людям преодолеть те негативные явления — преступность, алкоголизм, наркоманию, неврозы и т. д.,— с которыми пока еще не справились общественные науки и опирающаяся на них социальная практика.

Главная причина живучести биологических теорий в буржуазном обществе состоит в том, что оно идеологически заинтересовано в идее наследственной предрасположенности человека к преступлениям. Ведь это позволяет объяснить все пороки эксплуататорской системы тем, что преступность, заложенная якобы в природе человека, вечна. Биологические теории

в чистом виде вообще «снимают» социальную характеристику преступности, ее причин и мер борьбы с нею.

В настоящее время биологические теории преступности большей частью сочетаются с социологическими, культурологическими, психологическими или иными объяснениями. Укажем в этой связи на некоторые основные учения о причинах преступности, получившие в настоящее время достаточно широкое распространение.

Немалое число сторонников имеет теория наследственного предрасположения к преступлениям (О. Кинберг, О. Ланге, Е. Гейер, Ж. Пинатель, А. Штумпль и другие). Некоторые из них — юристы, другие — медики. Они полагают, что, поскольку по наследству передаются многие психические свойства, это характерно и для склонности к преступлениям. В такой связи анализируются биографии однояйцевых близнецов или у преступников выискивается дополнительная хромосома.

Разновидностью данной теории является концепция конституционального предрасположения к преступлению. Немецкому психиатру Э. Кречмеру принадлежит идея о связи между физической конституцией человека, психическим складом и типом поведения. Он делил по этим признакам людей на три типа, утверждая, например, что атлетически сложенные люди могут быть склонны к тяжким насильственным преступлениям.

Теория эндокринного предрасположения человека к преступлению (Ди Туллио, Р. Фунес и другие) сводится к признанию основной причиной преступного поведения наличия аномалий в железах внутренней секреции.

Известной популярностью пользуется психоаналитическая теория З. Фрейда и его последователей. Фрейд

рассматривал преступление как проявление врожденных, глубоко заложенных в психике человека бессознательных инстинктов и влечений, главным образом сексуального характера, а также страха смерти. Человек, таким образом, выступал в отрыве от реальных условий своего социального бытия.

Можно было бы упомянуть и о других разновидностях биокриминологических и психобиологических теорий. Однако и сказанного достаточно, тем более что дальнейшее изложение посвящено главному вопросу — соотношению социального и биологического в проблеме антиобщественного поведения, и в частности преступности.

Как уже отмечалось, и философы-просветители, и социалисты-утописты, и революционные демократы рассматривали преступность и ее причины в тесной связи с общественной практикой людей. Обвинить человека в том, что он преступен по природе, несложно. Но сколько тяжких последствий для человеческой личности влечет за собой такое обвинение! Это хорошо видели и чувствовали прогрессивные политические мыслители и ученые, подвергавшие критике биологические концепции, и, может быть, именно по этой причине столь резко отрицали подчас влияние на преступность психобиологических факторов вообще. Заметим, однако, что раскрыть истинное значение социальных факторов, присущих определенной общественно-экономической формации, их влияние на преступность отнюдь не простая задача. Поэтому социологическое направление в криминологии развивалось довольно сложным путем.

Исследование преступности с позиций ее социальной природы начали первыми ученые-статистики. Известный бельгийский социолог А. Кетле, изучая особенности распределения преступников по полу, возрасту, месту и времени совершения преступлений, об-

ратил внимание на связь их поведения с различными сторонами социального бытия. Представляют интерес взгляды на преступность английского ученого Д. Говарда. Он, в частности, полагал, что успехи в борьбе с преступностью и в исправлении преступников может принести разумная организация исполнения наказания, при которой важными составными частями являлись бы производительный труд, воспитание и обучение осужденных. При этом подчеркивалось, что преступники имеют право на человеческое отношение, хотя бы потому, что само общество сделало их преступниками.

Заслуживают внимания исследования французских ученых П. Дюпати и Ж. П. Бриссо, видевших причины преступности в пороках социальной жизни, в политическом и экономическом неравенстве людей. Анализируя статистические данные, Дюпати пришел к выводу, что число ежегодно совершаемых преступлений должно быть всегда приблизительно одинаковым, поскольку существуют общие и постоянные причины преступности. Этот вывод явился преддверием социальных теорий о вечности преступности, которые были развиты в конце XIX — начале XX века Э. Дюркгеймом, Н. Д. Сергеевским, а в современный период — П. Солисом, М. Клайнердом и другими. Наиболее четко мысль о вечности преступности как социального явления выразил французский социолог Э. Дюркгейм, считавший, что нельзя представить общество без преступлений; они, по его мнению, являются элементом любого здорового общества.

Подвергая критике антропологические теории, многие представители социологической теории преступности призывали к социальным реформам, однако, характеризуя причины преступности, они не смогли выделить самые главные среди множества экономи-

ческих, культурных, географических, климатических и других факторов. Социальные причины преступности не связывались ими с основными закономерностями развития общества, с общественными отношениями. Допускалось, что простая сумма конкретных причин отдельных преступлений позволяет раскрыть законы движения преступности.

Представители социологической школы в криминологии обычно придерживались двух- или трехчленной классификации причин («факторов») преступности. Эти факторы делились на *индивидуальные* (пол, возраст, раса и т. д.): *физические* (географическая среда, время года, климат и т. д.); *социальные* в собственном смысле слова (безработица, уровень цен на продукты, заработная плата, потребление алкоголя и т. д.). Характерно, что речь всегда шла о преступности неимущих классов и никогда — о преступности среди буржуазии. В теории факторов, ставшей методологической основой социологических теорий, причудливо сочетались несовместимые и несопоставимые понятия. В одном ряду находились явления действительно существенные и явления, оказывающие на преступность ничтожное влияние. Один из видных американских ученых, Э. Сатерленд, автор теории «дифференциальной ассоциации», назвал теорию факторов «каталогом несопоставимых ценностей».

О теории Сатерленда следует сказать подробнее. Он различал факторы, характеризующие социальные процессы, включая социальные конфликты (социальную дезорганизацию), а также физические и физиологические факторы (времена года, наследственные заболевания, физические дефекты, возраст, пол), психопатологические факторы, включая алкоголизм и наркотизм, факторы культуры — типы семей, социальные институты и т. д. Видя многочисленные противоречия между этими факторами и их действием, Сатерленд

приходил к заключению о существовании «дифференциальной ассоциации», под которой он понимал принятие личностью одних ценностей и отрицание других. Особую известность он приобрел в связи с анализом преступности «белых воротничков», т. е. представителей господствующего буржуазного класса.

Можно было бы продолжить обзор теорий социологического направления. Но нам кажется, что больший интерес представляет обобщенная характеристика современных социологических теорий, отразивших в концентрированном виде то, что накоплено конкретными исследованиями по проблеме преступности.

2. Научно-техническая революция и антиобщественное поведение

На фоне непрекращающегося роста числа преступлений практически во всем мире у некоторых западных теоретиков сложилось представление о том, что общей причиной самой преступности является прогресс человеческого общества. В целом такое представление не ново. Еще в 20-х годах развивалась идея о том, что социальная дезорганизация есть неотъемлемая часть социальных изменений. При этом само понятие социальных изменений оставалось (и остается) расплывчатым. К ним относят рост и изменения в структуре производимой продукции, индустриализацию, миграцию населения в города, «возникновение новых институтов» и т. д.

В современных условиях в связи с непрерывным повсеместным ростом преступности и все более опасным ее характером многие социологи, криминологи и юристы стали утверждать, что главной причиной этого социального бедствия является научно-технический прогресс. Они рассматривают актуальные проб-

лемы научно-технического прогресса абстрактно, вне классового и социального их содержания. При этом пороки «общества массового потребления» выглядят как следствие развития науки, техники, прогресса вообще и выдаются за всеобщие закономерности. Таким образом, делается вывод, что психологические последствия научно-технического прогресса в капиталистическом обществе — перенапряжение, страх, особенно страх перед войной, неуверенность, отчаяние и т. п.— неизбежно толкают личность на насилие и преступление.

Подобные представления о причинах преступности не выдерживают критики с точки зрения научного анализа развития человеческого общества. Вероятно, никто не рискнет отрицать, что капитализм более прогрессивен, чем феодализм, а феодализм прогрессивнее рабства. История человеческого общества — это история развития науки и техники, культуры и искусства, история совершенствования человеческого бытия, развития человеческой личности. И не вина науки и техники, если отношения эксплуатации и угнетения людей, усиление социальных противоречий не дают человечеству возможности в полной мере пользоваться благами прогресса.

Многие западные теоретики считают причинами преступности такие проявления научно-технического прогресса, как урбанизация, технизация производства, миграция населения и т. д. Выводы подобного рода делаются на основе достаточно объективных наблюдений условий жизни в капиталистическом городе. При этом некоторые западные социологи и криминологи не только констатируют тяжелые условия жизни, особенно в трущобах капиталистических городов, но и подвергают резкой критике существующее положение. Результаты их эмпирических исследований представляют несомненный интерес. Однако

они обходят молчанием вопрос о том, что уродливое развитие городов является в конечном счете следствием пороков общества, а не урбанизации как таковой.

Сказанное относится и к проблеме технизации современного общества. Как известно, высокий уровень технизации требует и высокого уровня образования, а оно в западном мире доступно далеко не всем. Буржуазные исследователи констатируют, что в высокоиндустриальном капиталистическом обществе несколько десятков миллионов рабочих в условиях научно-технической революции заняты тяжелым трудом, не только не способствующим развитию человеческой личности, но огрубляющим и отупляющим ее. Примитивные, а нередко деморализующие формы труда не дают человеку никаких перспектив для его нормального развития. И в этом исследователи видят еще одну причину преступности. Между тем такая ситуация отнюдь не фатальный результат научно-технической революции, равно как и то обстоятельство, что технизация в условиях капитализма ведет к безработице, а значит, и к деклассированию людей, а это зачастую вынуждает их добывать средства к существованию преступным путем.

Утверждение западных ученых, что миграция населения также является причиной преступности, основано на том, что она ведет к ломке привычных социальных связей, к разобщенности людей, материальным лишениям и т. п. Как видим, за основу берутся вторичные признаки миграции, относящиеся к тому же лишь к некоторым категориям населения, а именно к тем, кого капиталистические общественные отношения гонят с места на место в поисках лучшей жизни либо просто средств к существованию. Между тем, если рассматривать миграцию с позиций ее экономического и социального значения, то становится

очевидным, что это — естественное, необходимое и в своей основе полезное явление. Без миграционных процессов развитие человеческого общества было бы серьезно затруднено. Как и в других случаях, буржуазные авторы обходят вопрос о социальных отношениях, в рамках которых происходит миграция. Возникает и производственный вопрос: кто и для чего мигрирует и какова организационная основа миграции? Исходя из того, что преступность среди мигрирующего населения действительно высока, западные теоретики абсолютизируют именно эту, внешнюю сторону наблюдаемых ими последствий миграции и делают отсюда обобщающие выводы.

Попытки увековечить преступность, связав ее непосредственно с научно-технической революцией, с прогрессом общества, антиисторичны по своему существу. Подобное истолкование западными учеными последствий научно-технической революции еще более обострило теоретическую разноголосицу по проблеме преступности. Нередки утверждения, что надо отказаться от выработки общей концепции причин преступности. Американские социологи Р. Мертон и Д. Белл, например, считают, что при изучении причин преступности следует ограничиваться исследованием поведения индивидов либо в крайнем случае небольших групп. Э. Сатерленд полагал, что можно изучать лишь причины отдельных преступлений. Наиболее четко данную концепцию выразил Г. Манхейм: «Настало время вообще отказаться от поисков причин преступности» [1].

Из сказанного видно, что как биологические, так и социологические теории в интерпретации ряда западных теоретиков ведут в конечном счете к примирению с мыслью об увековечении преступности и не су-

---

[1] *Manheim H.* Comparative criminology. L., 1965, p. 208.

лят человечеству никаких перспектив в борьбе с ней. Эти теории лишены четкой методологической основы и, как правило, эклектичны.

Однако так ли уж бесперспективен вопрос об изучении преступности и ее причин и особенно вопрос о возможностях ее преодоления?

3. Социальная природа преступности

Как следует из историко-материалистического анализа развития человеческого общества, вся история человечества убедительно доказывает, что преступность — социальное, исторически обусловленное явление классового общества. Преступность социальна прежде всего потому, что она образуется из специфических актов социального поведения людей — конкретных общественно опасных действий. Эти акты поведения представляют собой нарушения социальных — нравственных и вместе с тем юридических норм, установленных государством, исходя из социально-экономических, политических, нравственных и иных потребностей и интересов общества и господствующих в нем классов и социальных слоев. Преступность исторична, так как она возникла в определенный период существования общества, в период его разделения на классы и образования государства; перечень преступлений, структура и динамика преступности в ходе развития общества меняются.

Динамика преступности (в широком плане) различна в странах с различным социально-политическим устройством. Но в то же время эта динамика столь же пестра и в государствах одной системы. Зависит она и от экономических и социальных условий жизни общества, и от уровня культуры, и от традиций, присущих государству и народу, его населяющему, и от на-

циональных особенностей, и даже от религиозных воззрений. Иными словами, преступность своими корнями уходит в негативные (впрочем, как это ни парадоксально, не только в негативные) социальные условия жизни общества.

Для познания преступности и для выработки мер ее предупреждения необходима гласность, открытая ее статистика. Научное ее осмысление без этого просто невозможно. Многие страны традиционно публикуют статистику преступности полностью, другие — сведения об основных ее видах, третьи сообщают о ней от случая к случаю, а четвертые предпочитают ничего не публиковать (так поступали и мы, и лишь в последнее время стали делаться первые шаги в этом направлении). Поэтому мы имеем подчас несравнимые данные о преступности в разных странах.

Впрочем, далеко не всегда одно и то же деяние признавалось преступным. Злоупотребления высших слоев общества часто не считались (и не считаются) преступными, в то время как картина преступлений низших слоев всегда была наиболее полной. Надо сказать, что эта особенность присуща всем социально-политическим системам. Сегодня мы констатируем нечто подобное в отношении определенных групп общества и у нас, ведя борьбу с явлениями коррупции.

В капиталистическом обществе преступность, с одной стороны, выступает как проявление конфликта между личностью и признаваемыми официально общественными интересами; с другой стороны, она стала одним из средств существования самого господствующего класса. Отсюда все более опасный характер преступности и типичные ее черты в современном капиталистическом обществе. Это, во-первых, постоянное увеличение количества совершаемых преступлений; во-вторых, организованный характер преступности; в-тре-

тьих, тот факт, что преступность вольно или невольно поддерживается и поощряется самим образом жизни капиталистического общества. Моральная (а точнее, аморальная) вседозволенность — символ капитализма. Секс, порнография, пропаганда насилия и жестокости заполнили экраны кино, передачи радио и телевидения, страницы книг и журналов. В свое время К. Маркс писал: «С развитием капиталистического производства... общественное мнение Европы освободилось от последних остатков стыда и совести» [1].

Поэтому вовсе не случайно героями книг, кино- и телефильмов, на которых в условиях капитализма «воспитывается» молодое поколение, нередко оказываются убийцы типа Рембо или американских солдат, расправлявшихся с мирным населением во Вьетнаме, Сальвадоре, Никарагуа, Гренаде и в других странах, а торговля наркотиками, оружием, порнографией стала официальным бизнесом.

Следует указать и на особо жестокий характер большого числа совершаемых преступлений, что обусловливается также и общей обстановкой в современном мире, существованием чувства опасности, неуверенности в будущем, страхом перед возможностью всеуничтожающей атомной войны. Не последнее место занимает здесь и деятельность, направленная на возрождение человеконенавистнической фашистской идеологии, восхваление жестокостей фашизма — строя, заклейменного народами как преступного по самому своему существу.

Конечно, капитализм вынужден вести борьбу с преступностью, ибо любое общество нуждается хотя бы в элементарном порядке, с тем чтобы население могло выполнять свои социальные функции. Но при капитализме основной удар в этой борьбе наносится

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 769.

3 Заказ № 7102

по тем видам преступности, которые порождаются бесправием и нищетой народных масс. Здесь преступники — это прежде всего люди, выброшенные обществом на самый низ. Вот почему меры борьбы с преступностью в условиях капитализма носят непоследовательный характер. В результате у населения возникает страх перед преступностью, неверие в возможность вести с нею более или менее успешную борьбу. Попытки же либеральных общественных деятелей и прогрессивных ученых найти формы, методы и способы эффективной борьбы с преступностью наталкиваются на непреодолимую преграду капиталистической действительности. Отсюда и бесперспективность теоретической мысли.

Будучи порождением эксплуататорских общественно-экономических формаций, преступность, ее формы и виды исторически изменялись в связи с изменениями классовой и социальной структуры общества, политических и экономических условий, идеологии, тех методов и средств, к которым прибегал господствующий класс для защиты своих интересов. Неизменным оставалось и остается одно: в эксплуататорских общественно-экономических формациях преступность оказывается неизбежным социальным явлением.

Какова природа преступности в социалистическом обществе? В чем состоят ее основные причины? От ответа на эти вопросы зависят формы и методы борьбы с нею, оценка перспектив этой борьбы. Если преступность возникла в недрах предшествующих социализму общественно-экономических формаций, то, очевидно, и при социализме она есть не что иное, как социальное явление. Однако она порождается не социалистическими общественными отношениями как таковыми, а теми или иными отступлениями от основных принципов социализма. Корни ее в той деформации социальных отношений, которая имела место в

период культа личности, была вызвана накапливавшимися в нашем обществе застойными явлениями. Поэтому мы и рассматриваем преступность как чуждое принципам социализма, его глубинной природе социальное явление. К. Маркс отмечал, что социализм несет на себе родимые пятна капитализма, из недр которого он вышел [1].

Однако говорить о преступности как лишь о «родимых пятнах капитализма» было бы недопустимым упрощением проблемы. Мы пережили подобный период, существенно навредивший нам и теоретически, и практически. Причины преступности следует искать в глубинах противоречивого развития социализма, не забывая, что он — строй переходный, что в нем есть и старое, и негативные стороны нового. Нельзя также игнорировать сложности его развития как объективного, так и субъективного характера, ошибки, допущенные и допускаемые в экономическом и социальном развитии.

Многое из «старой» преступности было преодолено, но многое появилось вновь, уже на базе нового общества. И это — закономерный исторический процесс.

Изменения в экономических отношениях и социальных условиях жизни существенно влияют на состояние и динамику преступности. Долгое время в нашей литературе почти не затрагивалась проблема связи экономических отношений с преступностью. Между тем крупные просчеты в экономике, пренебрежение объективными экономическими закономерностями, отступления от принципов социалистического хозяйствования, наконец, просто бесхозяйственность, отсутствие элементарного учета материальных ценностей, их надлежащей охраны и ряд других недос-

---

[1] См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 19, с. 18.

татков в экономике, как это было со всей резкостью вскрыто на XXVII съезде партии и последующих пленумах ЦК КПСС, прямо повлияли на увеличение числа преступлений против социалистической собственности и социалистического хозяйства. С другой стороны, преступления должностных лиц отрицательно сказывались на функционировании хозяйственного механизма. Этим объясняются неблагоприятные тенденции динамики преступлений в данной области общественных отношений. Вредные социальные последствия таких преступлений еще тяжелее, чем материальный ущерб, наносимый ими народному хозяйству. Поведение должностных лиц, путающих государственный карман со своим собственным, отрицательно влияет на сознание и поведение не только тех, кто работает под их руководством, но и на других людей, порождает опасную психологическую установку: «Им можно, а почему нам нельзя?» Есть основания предположить, что именно эта установка является основной причиной так называемых мелких хищений и наличия тех людей, которых называют «несунами».

Ухудшение экономических условий жизни, засилье командно-административных методов руководства, коррумпирование части партийного и государственного аппарата, отсутствие подлинной демократии и гласности отрицательно сказывались и на условиях социального бытия, и на психологии людей, и на их отношении к общественной собственности, на их организованности. Все это «овеществилось» в современных условиях и в том, что активизировалась профессиональная преступность и преступность организованная. Но вполне очевидно, что суть всех этих негативных процессов, негативных сторон является социальной и гены здесь ни при чем.

Признание социальной природы преступности означает наряду со сказанным возможность успешной борь-

бы с ней и ее преодоления социальными же мерами: путем последовательного улучшения социально-экономических условий жизни населения, углубления демократизации и гласности, проведения культурно-воспитательной работы, использования средств социального (правового, этического) контроля. В нашей науке уже давно преодолен вульгаризаторский тезис об отсутствии при социализме объективных причин антиобщественных явлений. Однако непонимание этого обстоятельства, неглубокие представления о механизмах действия различных экономических, социальных, психологических и иных факторов, обусловливающих антиобщественное поведение, еще существуют. Именно на базе таких представлений подчас и рождается стремление найти причины преступности, например, в сфере подсознания или в сфере биологических особенностей человеческого организма и даже в области психических аномалий.

Один из героев романа Ю. Семенова «Противостояние» работник уголовного розыска, капитан милиции Юсуф-Заде, рассуждает так: «Хочу теоретически разобраться в тезисе, который давно уже сформулирован: «Причины преступности, ее базис ликвидированы». В чем же тогда дело, если социальной подоплеки нет? Почему грабители? Хулиганы? Насильники? В чем дело?.. Такой ли уж реакционер Ломброзо? И нужно ли постоянно атаковать Фрейда? Что есть причина той или иной человеческой аномалии? Как можно рассчитать на компьютере генетический код того или иного преступника? Можно ли это вообще делать? Нет ли в этом нарушения нашей морали?»

В самом деле, если считать, что социальных причин негативных явлений не существует, то неизбежно возникнет стремление к любым другим объяснениям. Природа не терпит пустоты. В действительности же для марксистско-ленинской общественной науки объясне-

ние природы антиобщественного поведения социальными факторами всегда представлялось бесспорным. Как неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, нельзя забывать о диалектическом характере «общественного развития, идущего в противоречиях и путем противоречий»[1]. Марксизму вообще чужды наивные представления, будто с переходом на путь социалистического развития сразу же наступает эра всеобщей социальной гармонии.

В новой редакции Программы КПСС, как известно, в отличие от прежней редакции, нет ряда формулировок, не выдержавших испытания временем, означавших явное забегание вперед. Так, отсутствует положение, согласно которому «в обществе, строящем коммунизм, не должно быть места правонарушениям и преступности». Это была идеализированная формула. В. И. Ленин в труде «Государство и революция» связывал вопрос о преодолении преступности как массового социального явления с этапом победы коммунистических общественных отношений. В новой редакции Программы КПСС проблема борьбы с преступностью, правонарушениями, негативными явлениями рассматривается как составная часть совершенствования общественных отношений. Успех в этой борьбе может принести лишь комплекс взаимосвязанных между собой мер: совершенствование экономики на базе научно-технического прогресса, освобождение от всего, что связано с культом личности, административно-командными методами управления, с отчуждением трудящихся от власти, утверждение принципа социальной справедливости, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни. При этом необходимо учитывать, что разные по характеру преступления имеют разную динамику их распространенности в обществе.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20, с. 65.

При выявлении конкретных причин преступности приходится сталкиваться с большим разнообразием общественных явлений и сложностью социальной жизни человека. Нельзя не считаться с тем, что и в социалистическом обществе люди живут в неодинаковых условиях. И хотя, например, мы не абсолютизируем значения того, что именуется урбанизацией, но учитывать влияние условий жизни в различающихся по своему характеру городах или селах необходимо, поскольку разные жизненные условия людей могут порождать разные конфликтные ситуации. Меняя место жительства, человек может попасть в непривычные условия, осложняющиеся бытовой и иной неустроенностью. Привычные социальные связи в этом случае нарушаются. Среди людей, не раз менявших место жительства, не так уж редко встречаются лица, у которых сформировались антиобщественные взгляды и привычки.

Жизнь человека детерминируется объективными экономическими и социальными факторами. Но нельзя забывать и о субъективных обстоятельствах, о социально-психологических факторах, ибо как позитивные, так и неблагоприятные социальные условия отнюдь не фатально влияют на поведение человека. Их воздействие проходит через его сознание. Предыдущий социальный опыт и навыки поведения сказываются на последующих его поступках и проявляются в иных жизненных условиях. Большое значение имеют и чисто личные черты, например уровень развития интеллекта, воли, особенности эмоциональной сферы и многое другое.

Общественное сознание (как и индивидуальное) неоднородно: оно слагается из многих форм (политическая идеология, право, мораль и т. д.), включает и передовые и отсталые взгляды. Каждая из форм общественного сознания обладает различной степенью подвижности. Например, политические взгляды советских

людей прогрессируют довольно быстро. Что же касается морально-этических воззрений, более тесно связанных с национальными и культурными традициями прошлого, со сферой подчас весьма отсталых бытовых отношений, то эти воззрения совершенствуются гораздо медленнее. Часто они стабильны и даже инертны, что неизбежно влияет на поведение. Следует иметь в виду и низкий культурный и образовательный уровень части граждан, причем нередко уровень культуры индивида, его поведение и нравственные установки отстают от уровня образования. Нельзя недооценивать и живучести частнособственнических взглядов, стяжательских тенденций, особенно сильно проявляющихся в условиях экономических трудностей и просчетов, социальных неурядиц, провалов в воспитательной работе, нарушения принципов социализма, прежде всего принципа социальной справедливости.

В качестве условий, способствующих совершению преступлений, выступают и конкретные недостатки в различных сферах жизни — в работе отдельных организаций, учреждений и предприятий, должностных лиц.

Преступность при социализме в значительной мере связана и с тем, что капиталистический мир ведет политическую и идеологическую борьбу с миром социализма. Это, например, и прямые враждебные акции иностранных разведывательных служб против социалистического государства, его внешней безопасности и оборонной мощи; это и разжигание антисоветизма и распространение клеветнических измышлений; это, наконец, усиленная пропаганда худших образцов буржуазного образа жизни.

Таковы в общих чертах социальные факторы, детерминирующие преступность в современных условиях. Для раскрытия механизма их действия необходимо проанализировать, как они влияют на поступки конкретных людей. При этом должно быть рассмотрено

и сочетание, взаимодействие социальных и биологических факторов, обусловливающих поведение. Но прежде коротко остановимся на некоторых исходных правовых понятиях.

4. Преступление и уголовная ответственность

Понятия преступления, уголовной ответственности и наказания относятся к исходным правовым понятиям.

Прежде всего отметим юридическую условность понятия преступления. Вопреки распространенным среди неспециалистов представлениям преступление, как и преступность в целом, не есть нечто одинаковое для всех времен и народов. Напротив, понятие преступного исторически весьма конкретно; оно существенно меняется от эпохи к эпохе и подчас даже на протяжении коротких исторических периодов.

В период рабовладельчества бесправие рабов было воплощено на практике в формулу «раб — это вещь». Любое действие раба, направленное на защиту своих прав или облегчение своего положения, объявлялось преступным. И наоборот, даже убийство своего раба свободным человеком не являлось преступлением. Так на основе утверждения частной собственности и закрепления классового неравенства людей появилось и законодательное закрепление понятия преступного.

При феодализме произошли определенные изменения. Феодал, убивая крепостного, обычно оправдывал это с помощью законов как защиту своих прав. В тех же случаях, когда такое оправдание оказывалось затруднительным, действия феодала наказывались, но крайне мягко. Известно, как свирепствовала помещица Дарья Салтыкова (Салтычиха), руками которой или по ее приказанию было убито более ста человек. И ес-

ли крепостной мог быть приговорен к смерти лишь за то, что поднял руку на помещика, то по делу Салтыковой Екатерина II дважды отменяла приговоры как излишне суровые, согласившись наконец на заточение ее в монастырь.

В ходе развития общества происходит эволюция не только преступности, но и нормативных систем — права, общественной нравственности, традиций, ценностей.

В социалистическом обществе, где нет частной собственности, статьи закона, предусматривающие ответственность за имущественные преступления, существенно отличны от аналогичных по форме статей в буржуазных кодексах. Если в условиях социализма, например, спекуляция осуждается в уголовном законодательстве, то в эксплуататорском обществе подобные деяния либо безразличны в уголовно-правовом смысле, либо даже поощряются как формы деловых отношений, бизнеса.

В рамках одной и той же социально-политической системы уголовное законодательство тоже не неизменно, а подвижно, динамично, ибо оно по-своему отражает процессы, происходящие в обществе. Наиболее убедительно это можно показать на примере законодательства периода Великой Отечественной войны. В целях укрепления дисциплины и порядка, борьбы с деяниями, появившимися как следствие войны и носившими специфический характер, в законодательстве в качестве преступлений были предусмотрены такие, например, поступки, как самовольный уход с работы, прогул, распространение ложных, панических слухов и ряд других. Когда же война кончилась, эти поступки были исключены из числа преступных.

Новые виды преступлений могут включаться в законодательство также после подписания государством какого-либо международного соглашения. Так, в соответствии с Международной Женевской конвенцией от

12 октября 1923 года в советское законодательство была включена статья об ответственности за изготовление или сбыт порнографических предметов (статья 228 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов союзных республик).

В РСФСР, республике многонациональной, установлена уголовная ответственность за такие вредные обычаи прошлого, как похищение невесты, многоженство, уплата и принятие выкупа за невесту (калым) и др. Этих преступлений нет в кодексах других союзных республик (например, в Прибалтике). А во многих мусульманских странах подобные действия представляют собой обычное явление и допускаются законом.

Наконец, в зависимости от конкретных социальных условий наблюдаются различия как в признаках подлежащих наказанию преступлений, так и в предусматриваемых мерах наказания. Так, уголовный кодекс Народной Республики Болгарии строже наказывает за кражу вещи, которая не находилась под постоянной охраной (например, скот, машины, сельскохозяйственные продукты в поле), а по уголовному кодексу Монгольской Народной Республики более строгое наказание грозит тому, кто совершил кражу на вокзале, на рынке или в ином общественном месте.

Понятие преступного имеет не только юридический, но и нравственный смысл. Нормы морали не всегда совпадают с уголовным законом, но нравственная оценка преступного вполне естественна. В обществе с антагонистическими классами нередко то, что господствующий класс считает моральным, эксплуатируемые массы определяют как аморализм. В таком обществе существуют две морали. В то же время право, закон здесь едины; они являются инструментом власти в руках господствующего класса; именно он устанавливает понятие преступного и уголовно наказуемого, обязательное для всего общества.

Число преступлений, предусматриваемых уголовными кодексами, довольно велико. Так, УК РСФСР включает свыше 200 статей, описывающих отдельные виды преступлений и объединенных в такие группы, как государственные преступления, преступления против социалистической собственности, преступления против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, против политических и трудовых прав граждан, против их личной собственности, против общественной безопасности, общественного порядка и здоровья населения, хозяйственные, должностные, воинские преступления и т. д. К числу преступлений относятся не только активные действия (например, кража), но и бездействие (например, халатное отношение к своим обязанностям). Преступления совершаются не только умышленно (например, разбойное нападение), но и по неосторожности (нарушение правил вождения автомобиля). Они наносят ущерб как материальным интересам, так и духовным, моральным ценностям общества и отдельных граждан.

Что же объединяет это пестрое многообразие? Только ли воля законодателя, признавшего каждое из названных деяний преступлением и установившего за него уголовное наказание? Несомненно, окончательное решение принадлежит здесь законодателю, выражающему волю и интересы господствующих в обществе классов. Но под этим решением имеется определенная объективная основа: преступлениями, как правило, признаются действия, объективно представляющие опасность для интересов господствующего класса. Как отмечал К. Маркс, «от официального общества до некоторой степени зависит квалификация некоторых нарушений установленных им законов как преступлений или только как проступков» [1]. Объективным в понятии

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 13, с. 516.

и признаках каждого преступления, предусмотренного в уголовном законе, является то, что подобного рода действия реально совершаются в обществе (или могут быть совершены) и причиняют тот или иной вред. Оценка же степени их общественной опасности находит свое выражение в конкретных нормах закона, который устанавливает также и границу между признаками смежных составов преступлений.

Весьма важной юридической условностью характеризуется лицо, совершившее преступление,— субъект преступления. Дело в том, что хотя физически многие преступления могут быть совершены любым человеком (а сходные внешне по характеру и последствиям действия — даже животным, например нападение на человека, приводящее к его смерти), тем не менее юридическое понятие субъекта преступления ограничивается несколькими четкими признаками. Основные из них — достижение определенного возраста и вменяемость.

Субъектом преступления по советскому законодательству может быть только человек, достигший 16-летнего возраста, а по некоторым видам преступлений (убийство, нанесение телесных повреждений, изнасилование, разбой, кража, грабеж, злостное хулиганство и др.) — 14-летнего возраста. Это возрастное ограничение связано с тем, что лишь на определенной стадии социального, умственного и нравственного развития подросток в состоянии с достаточной полнотой осознать характер и степень общественной опасности своих действий и оценить серьезность предупредительной силы уголовного закона. Общественно опасные действия, совершаемые детьми до 14 (16) лет, не признаются преступлениями и не влекут за собой уголовной ответственности.

Подобным же образом закон расценивает и опасные действия, совершенные душевнобольными. Под

преступлением понимаются только определенные действия людей вменяемых, т. е. лиц, способных отдавать себе отчет в своих поступках и руководить ими. Общественно опасные действия невменяемых не регламентируются уголовным кодексом. Эти лица не подлежат уголовной ответственности и наказанию, с ними надлежит обращаться как с больными, а не как с преступниками.

Следует обратить внимание и на то существенное обстоятельство, что в некоторых случаях не признаются преступлениями даже такие действия, которые, казалось бы, формально вполне соответствуют видовым признакам, описанным в уголовном кодексе. В частности, предусматриваются ситуации, в которых внешне сходное с преступлением действие может оказаться общественно полезным, социально и нравственно оправданным.

Такова, например, ситуация, именуемая необходимой обороной. В этой ситуации лицо, подвергшееся нападению, защищается с применением всех возможных средств и может подчас причинить существенный вред имуществу, здоровью и даже жизни нападающего. Но преступления оно тем самым не совершает; закон признает его действия, если они произведены в определенных пределах, не преступными, а общественно полезными.

Другая подобная ситуация — так называемая крайняя необходимость. Она сходна с необходимой обороной в том отношении, что и здесь могут быть совершены действия, внешне совпадающие с признаками преступления: например, изъятие чужой автомашины для срочной перевозки больного; разрушение соседнего дома для спасения всей деревни от пожара и т. д. Все эти и подобные им действия также преступными не признаются.

Следует заметить, что в советском законодательст-

ве имеется положение, согласно которому не признаются преступлением и те действия, которые хотя и предусмотрены уголовным законом в соответствующих статьях, но ввиду своей малозначительности и отсутствия вредных последствий лишены общественной опасности.

Указанные положения закона свидетельствуют о том, что понятие преступного, имеющее объективную базу, вместе с тем в существенной мере корректируется законодательными решениями. И это вполне объяснимо, так как речь идет о социальных явлениях, общественное значение и общественные последствия которых не могут быть правильно определены без учета классовых, государственных, общественных интересов.

Очень важное последствие совершения преступления — наказание преступника. Подобно тому как преступление — дело рук человека, так и наказание — не кара свыше, а реакция общества, выражение социального контроля, средство социальной защиты от общественно опасных деяний и их предупреждения.

Наказание, как и право в целом, составной частью и инструментом которого оно является, классово обусловлено. Содержание наказания зависит от того, в рамках какой общественно-экономической формации оно практикуется, какие социальные, политические, моральные взгляды господствуют в обществе, каковы его идеология и культура.

Виды и система наказаний являются также отражением господствующих в обществе взглядов на средства борьбы с преступностью и на самого преступника. История свидетельствует о большом многообразии форм и видов наказаний. Объектами наказаний были жизнь, тело, свобода, честь, достоинство человека, его имущество; средствами — смерть, увечье, причинение физических страданий, заточение, изгнание, лишение

имущества, опозорение. При этом наказание всегда сопровождалось осуждением преступника от имени государства.

Уголовное наказание отвечало и отвечает взглядам, господствующим в обществе и соответствующим основным условиям его существования. Введение в законодательство устаревших наказаний рассматривалось бы обществом как исторический анахронизм, и они оказались бы недейственными. И наоборот, если бы в законодательство вводились такие наказания, к которым общество еще не подготовлено ни политически, ни морально, их ожидала бы та же участь. Уголовный закон и наказание должны соответствовать укладу жизни людей, общественным отношениям, идеологии и классовой структуре данного общества, состоянию экономики государства и тем этическим и правовым взглядам, которые складываются на этой основе.

Если проследить зависимость видов наказаний от уровня развития общества и общественных отношений, то можно отметить следующую закономерность. Низкому уровню развития производительных сил соответствовал и низкий уровень культуры. Грубые нравы, порожденные суровыми условиями общественного бытия, были связаны с соответствующей идеологией и этическими взглядами. Наказания выражались в жестоких формах — в открытом устрашении, изощренных формах лишения жизни, в причинении увечий и т. п. Обострение противоречий внутри общества вело и к ужесточению наказаний. Особо жестокие наказания являлись отличительной чертой позднего феодализма. Наиболее характерным законодательным актом этого периода была «Каролина», уголовное уложение Карла V (Constitutio criminalis Carolina), принятое в 1532 году. Впрочем, законы других стран и в более позднее время мало чем отличались от нее. Ф. Энгельс по этому поводу писал: «Как известно, английский уголовный

кодекс — самый строгий в Европе. Еще в 1810 г. он нисколько не уступал в варварстве Каролине: сожжение, колесование, четвертование, вырывание внутренностей из живого тела и т. д. были излюбленными видами наказания» [1]. Все формы и методы борьбы с преступностью сводились к наказанию, причем наказанию жестокому. Главное при этом заключалось в том, чтобы уничтожить «вредного» человека или сделать его неспособным к нормальной человеческой жизни. Устрашение и жестокость — вот девиз того времени.

Жизнь, однако, показала, что применение жестоких наказаний рождало ответную жестокость. В результате преступность не уменьшалась, а, напротив, росла. Прогрессивные мыслители, понимая это, выступали, с одной стороны, за изменение характера наказаний, а с другой — за осуществление мер, направленных на предупреждение преступлений.

С утверждением буржуазных общественных отношений и буржуазной идеологии, с осознанием господствующим классом, что преступников можно не только жестоко наказывать и устрашать, но и извлекать из их труда дополнительную прибыль, изменяются взгляды на наказание и сама система наказаний: как в законодательстве, так и в практике его применения происходит переход от устрашения преступника чисто физическим воздействием к различным видам нравственного, психологического принуждения.

Касаясь этих вопросов лишь в самой общей форме, следует указать на возникшее в связи с эволюцией наказания противоречие: экономическая возможность эксплуатации труда заключенных вступала в конфликт с малой эффективностью приучения их к труду. Наиболее часто применяемые ныне в условиях капитализма наказания — это лишение свободы в различных

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 638.

видах и имущественные наказания, в частности штраф. На смену колесованию пришел электрический стул. Что касается реакционных режимов, то они и сегодня используют пытки и различные изуверские наказания, стремясь с помощью самых жестоких мер отстоять свою власть, подавить любое прогрессивное движение. Человечество никогда не забудет о злодеяниях фашистских варваров, воскресивших чудовищную практику самых мрачных дней в его истории.

Настоящими преступлениями на почве злоупотребления властью являются нарушения законности, произвол и массовые репрессии, имевшие место у нас в 30-х годах. В результате «был нанесен серьезный ущерб делу социализма и авторитету партии» [1].

Современный период истории характеризуется крушением веры во всесилие наказания, и прогрессивные ученые ищут выход из создавшегося тупика. В этой связи особое значение приобретает марксистско-ленинская концепция мер и способов борьбы с преступностью, в том числе и вопрос о месте наказания в системе этих мер.

В свое время русский ученый М. П. Чубинский, который отнюдь не был марксистом, с удовлетворением отмечал, что марксистская доктрина окончательно покончила с обожествлением наказания и что ее влияние «заставило глубже вдуматься в истинную подкладку существующих порядков репрессии и превенции даже тех, кто не исповедует указанной доктрины в ее целом» [2]. Что же привлекает прогрессивно мыслящих и гуманистически настроенных ученых в марксистско-ленинской концепции по этому вопросу? Прежде всего то обстоятельство, что теория наказания основы-

---

[1] *Горбачев М. С.* Октябрь и перестройка: революция продолжается. М., 1987, с. 21.

[2] *Чубинский М. П.* Курс уголовной политики. Спб., 1912, с. 243.

вается здесь не на принципах принуждения и насилия, а на сочетании убеждения и принуждения. Эта теория исходит из того, что наказание, оставаясь важным и пока еще необходимым средством борьбы с преступностью, является вместе с тем не единственным и не главным, а лишь вспомогательным средством.

Место наказания в социальной жизни советского общества должно определяться прежде всего высоким гуманизмом, заботой о человеке. Не исключая принуждения как одного из методов борьбы с преступностью, следует подчеркнуть, что в конечном счете только целенаправленное воспитание и убеждение как метод воздействия на человека, на его чувства и помыслы, идеи и взгляды, на формирование его собственного поведения могут содействовать выработке им устойчивых взглядов, привычек и правовых навыков.

Существующая ныне в СССР система наказаний сложилась не сразу. В первые годы после революции, когда молодое Советское государство отказалось от старых законов и старого права, в декретах еще встречались общие указания о необходимости наказывать «по всей строгости законов», «на основе революционного правосознания» и т. п. Это, конечно, было не случайно. Новое государство не могло сразу решить все проблемы. Однако уже в первых декретах подчеркивалось, что, наказывая преступников «по всей строгости законов», следует вместе с тем учитывать меру их вины. Создание и совершенствование системы наказаний происходило в соответствии с выдвинутыми В. И. Лениным положениями, отражавшими гуманистическую сущность советского права:

«1) > % условного осуждения

2) » » общественного порицания

3) замена лишения свободы принудительным трудом с проживанием на дому
4) замена тюрьмы воспитательными учреждениями
5) введение товарищеских судов (для известных категорий и в армии и среди рабочих)»[1].

Ныне действующая система наказаний слагается из следующих видов: 1) лишение свободы, предел которого за некоторые, наиболее тяжкие преступления — 15 лет, а за остальные — от одного года до десяти; 2) исправительные работы на срок до одного года с удержанием из заработной платы до 20 процентов; 3) ссылка (на срок до пяти лет); 4) высылка (на срок до пяти лет); 5) штраф; 6) возложение обязанности загладить причиненный вред; 7) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; 8) увольнение от должности; 9) лишение родительских прав; 10) общественное порицание; 11) лишение воинских и других званий, а также орденов, медалей и почетных званий. В качестве дополнительного наказания (преимущественно за тяжкие преступления и преступления имущественного характера) может назначаться конфискация имущества, принадлежащего лично преступнику. Наряду с этим закон предоставляет суду возможность применять условное осуждение, в том числе с обязательным привлечением осужденного к труду. Что касается смертной казни, то она рассматривается как мера исключительная, временная и применяется только за наиболее тяжкие преступления, перечень которых законом строго ограничен.

Система наказаний будет совершенствоваться вместе с осуществлением правовой реформы, совершенст-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 408.

вованием уголовного законодательства, его гуманизацией.

* * *

Мы рассмотрели общие проблемы развития и содержания генетики и криминологии, а также уголовного права, намеренно не связывая их прочной нитью и лишь обозначив те сферы, где они могут найти точки соприкосновения.

Уже то, что было сказано ранее, выводит нас на большое количество общих, междисциплинарных проблем. Назовем некоторые из них. Каков механизм индивидуального преступного поведения? Какова роль личностных особенностей человека в этом поведении? Где проходит грань между благоприобретенными и наследственными признаками человеческого индивида и какова их роль в преступном поведении? В чем, применительно к поведению, заключается патология, психическая ненормальность и неполноценность и может ли вообще быть поставлен знак равенства между общественно опасным поведением и преступлением? К кому из лиц, нарушивших закон, может и должно быть применено наказание и насколько оно будет эффективно? Каковы возможности, с одной стороны, криминологии и права, а с другой — генетики и медицины в предупреждении антиобщественного поведения людей?

Совместное изучение преступности генетиками и правоведами имеет не столь уж длинную историю. Однако и генетика, и криминология уже сейчас достигли достаточно высокого уровня развития для того, чтобы по многим вопросам сказать свое слово.

Глава III

ГЕНЕТИКА И ПОВЕДЕНИЕ: ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ И МЕТОДЫ ЕЕ РЕШЕНИЯ

1. Современная постановка проблемы

Предварительное ознакомление с общими сведениями о природе человека, о свойствах и причинах преступности позволяет более определенно сформулировать проблему, вынесенную в название книги. Речь идет об изучении связи, которая предположительно имеется между наследственными свойствами человека, его социальным поведением и ответственностью перед обществом. Будучи междисциплинарной, эта проблема имеет философский, правовой, этический, медицинский аспекты и приобретает в современных условиях важное методологическое и прикладное значение.

К сожалению, в самой постановке проблемы разными исследователями порой нет достаточной ясности, а тем более единства. В качестве иллюстрации приведем высказывания на этот счет некоторых юристов и генетиков, относящиеся к последнему времени. Говоря, казалось бы, об одном и том же — о роли биологического в преступном поведении, одни имеют в виду физиологию человека, другие — генетику, третьи — физические и психологические свойства личности и т. д. При этом те или иные свойства человека описываются в самых разных связях с преступным поведением.

«...Биологические особенности могут сказываться на поведении (в том числе преступника) в качестве

условия, но не причины»[1],— говорится в учебнике криминологии. По мнению юриста Г. А. Аванесова, «человек... обладает определенными врожденными свойствами. Некоторые из них могут, на наш взгляд, при соответствующих условиях способствовать совершению преступления или даже выступать в виде одной из причин конкретного уголовно наказуемого деяния»[2]. В другой, более поздней работе этот же автор пишет: «Преступление... нельзя объяснить какими-то вечными влечениями, инстинктами, заложенными в человеке природой, биологией, генами». И далее: «...специальных генов для наследования таких социальных признаков, как преступность, проституция и т. д., не существует. Но никто обратное и не утверждает. Речь идет не о «специальных генах», а о биологических признаках»[3].

Юрист Б. С. Волков полагает, что «биологические особенности оказывают большое влияние на формирование социальной установки личности». Последняя от внешней среды «берет и интегрирует... в себе то, что больше соответствует ее биологической природе». Это происходит путем «чрезвычайно сложного взаимодействия физических и духовных свойств личности (генетических факторов), с одной стороны, социальных условий жизни и воспитания (экологических факторов) — с другой»[4]. Юрист Н. А. Стручков утверждает, что физиологическим истоком поведения личности «несомненно являются прирожденные свойства нервной системы. А коли так, то можно, на наш взгляд, говорить и о наследственности в передаче ряда свойств

---

[1] Криминология. М., 1979, с. 108.

[2] *Аванесов Г. А.* Криминология, прогностика, управление. Горький, 1975, с. 91.

[3] *Аванесов Г. А.* Криминология и социальная профилактика. М., 1980, с. 216, 219.

[4] *Волков Б. С.* Детерминистическая природа преступного поведения. Казань, 1975, с. 80, 85—86.

личности». Вместе с тем здесь же он пишет: «Преступной личности, равно как преступных качеств и свойств личности, не существует, поэтому биологических причин преступности нет»[1].

Не меньше разногласий по этим вопросам среди философов и генетиков. По мнению С. А. Пастушного, «науке известен целый ряд фактов, свидетельствующих об определенных предпосылках, которые лежат в основе проявлений таких феноменов человека, как слабоумие, преступность и др.»[2]. «...Преступность не биологическая категория...»[3]— пишет Н. П. Бочков. «...Было бы просто нелепо искать корни преступности в биологических качествах человека, но вместе с тем надо... принимать во внимание при этом и некоторые из индивидуальных различий между людьми»[4],— отмечает П. Н. Федосеев. Рассмотрев различные взгляды на природу преступного поведения, А. А. Малиновский заключает: «Правы оказались, собственно, обе стороны, хотя и отчасти»[5].

Из приведенных высказываний видно, что разнобой мнений касается не только роли генетических факторов в преступном поведении, но даже самого перечня тех биологических свойств организма человека, которые тот или иной автор считает причиной (или условием) совершения преступлений. Между тем биологи-

---

[1] *Стручков Н. А.* О механизме взаимного влияния обстоятельств, обусловливающих совершение преступлений.— Советское государство и право, 1966, № 10, с. 115.

[2] Философия и современная биология. М., 1973, с. 195.

[3] *Бочков Н. П.* Методологические и социальные вопросы современной генетики человека.— Вопросы философии, 1981, № 1, с. 53.

[4] *Федосеев П. Н.* Проблема социального и биологического в философии и социологии.— Биологическое и социальное в развитии человека, с. 27.

[5] *Малиновский А. А.* Проблема соотношения социального и биологического.— Биологическое и социальное в развитии человека, с. 226.

ческое — это не обязательно и не только генетическое. Связь биологического с поведением человека — понятие гораздо более широкое, чем роль наследственных свойств личности. Биология человека — это и строение его тела, и функции внутренних органов, и материальный субстрат психологических процессов; это здоровье и болезнь; это некоторые потребности, а также возможности их удовлетворения в определенной сфере; наконец, это многие связи с окружающей средой (питание, дыхание, терморегуляция организма и т. д.). Имеем ли мы в виду все перечисленное, когда говорим о биологических аспектах антиобщественного поведения, или же нас интересует (и это, по-видимому, так) лишь один, а именно генетический, аспект?

Но если дело обстоит действительно так, необходимо уточнить и этот аспект. Генетика — наука о законах наследственности и изменчивости организмов. Разумеется, это не вся биология, не вся психология и тем более не духовная жизнь человека в целом. Именно это и имеется в виду в данной книге, когда рассматривается вопрос о детерминации антиобщественного поведения.

В историческом и логическом плане постановку и рассмотрение этого вопроса можно разделить на три основных этапа, представить на трех уровнях.

Первый, достаточно поверхностный уровень предполагает ответ на вопрос о том, имеется ли вообще какая-либо взаимосвязь, пусть самая отдаленная, между наследственными свойствами организма и поведением человека, в том числе и преступным. Иными словами, здесь определяется отношение к самому существованию генетических факторов в цепи причин и следствий, обусловливающих то или иное поведение или влияющих на него.

Ответ на этот вопрос в современных условиях представляется достаточно ясным. По-видимому, если не

все, то большинство советских генетиков и юристов отвечают на него в положительном смысле: «...социальные влияния, формирующие личность и детерминирующие человеческие поступки, адресуются и падают на определенную, иногда очень различную природную основу, и игнорировать эти различия нельзя...» [1]. Еще в 1969 году один из авторов данной монографии отмечал, что изучение личности преступника связано с выяснением различного рода социальных факторов, в том числе «его окружения, интересов, культурного уровня. В то же время нельзя игнорировать и черты характера, психологию и т. п.» [2]. Внешняя среда детерминирует поведение индивида, взаимодействуя с его внутренними свойствами.

Второй уровень анализа предполагает количественное определение «вклада» социального и биологического в различные функции человеческого организма, в психологические процессы и поведение человека. Выяснению количественного соотношения между внешним и внутренним, социальным и биологическим, приобретенным и унаследованным посвящены многие исследования последнего времени (об их результатах мы скажем в дальнейшем). В самой общей форме такое соотношение было выражено в известных словах И. М. Сеченова о том, что психическое содержание деятельности на $^{999}/_{1000}$ дается воспитанием и только на $^{1}/_{1000}$ зависит от индивидуальности [3].

Разумеется, это высказывание великого русского физиолога не явилось результатом каких-либо измерений и представляет собой своеобразную метафору. Современные исследования стремятся уже к точным расчетам. Тем не менее сам прием количественных

---

[1] Криминология, с. 108.

[2] *Карпец И. И.* Проблема преступности. М., 1969, с. 89.

[3] См.: *Сеченов И. М.* Рефлексы головного мозга. М., 1952, с. 206.

сопоставлений «веса» социального и биологического представляется в общем достаточно условным, если не сомнительным. В упомянутой выше Афинской декларации виднейшие специалисты в области генетики, антропологии и других наук признали, что «сложность взаимодействия между биологическими и культурными факторами делает совершенно бессмысленными любые попытки определить сравнительное значение врожденных и приобретенных признаков»[1]. В той уникальной системе, которой является человек, все элементы находятся в столь тесном взаимодействии, что «долю», «вес» одного из них по сравнению с другими определить невозможно: каждый важен, каждый необходим. Критикуя количественный подход к взаимодействующим явлениям в сфере криминологии, где неоднократно предпринимались попытки определить долю той или иной причины преступности по сравнению с другими, американский криминолог Р. Макайвер писал: «...ни один механик не скажет, что скорость автомобиля зависит в такой-то мере от карбюратора, в такой-то мере от системы зажигания, в такой-то мере от бензина... Это не в меньшей степени относится и к обществу»[2].

В свете этих соображений следует признать более продуманным третий подход, который предполагает не общее сопоставление социального и биологического, приобретенного и унаследованного в человеке, а раскрытие того конкретного взаимодействия, в котором находятся отдельные элементы этой сложной системы, анализ механизма их действия. Этот сложный механизм не может быть понят без учета как социальных, так и биологических, в том числе наследственных, факторов. Важно только, чтобы данные факторы нашли

---

[1] Курьер ЮНЕСКО, 1981, июнь, с. 28.
[2] Социология преступности. М., 1966, с. 80.

действительно принадлежащее им место в объяснении причин, характера и особенностей антиобщественного поведения[1]. Изучение этого механизма позволило бы прийти не только к теоретическим выводам (например, можно ли рассматривать наследственные свойства как причину преступности, или это только одно из ее условий), но и к результатам сугубо практическим, таким, как: а) определение последствий того или иного решения данного вопроса для оценки юридической и нравственной ответственности виновных, а также для разработки приемов и методов профилактической работы; б) определение путей исправления и перевоспитания правонарушителей; в) определение возможностей медицинских и генетических мероприятий в целях борьбы с антиобщественными явлениями.

2. *Значение криминолого-генетических исследований*

Значение этих исследований выходит далеко за рамки как генетики, так и криминологии и имеет по крайней мере четыре аспекта: философский, этический, правовой и медицинский.

Философское их значение тесно связано с проблемой детерминизма применительно к поведению отдельного человека, социальных групп и сообществ. Генетически заданное явление или процесс, например наследственная детерминация действий, естественно, устраняет возможность выбора варианта поведения, лишает человека свободы воли, понимаемой как способность принимать решения со знанием дела и осуществлять их своими действиями.

---

[1] См.: *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии. М., 1968, с. 69.

Вопрос о свободе воли привлекал к себе внимание мыслителей практически на протяжении всей истории развития философии, и в данной работе он не может быть рассмотрен даже самым кратким образом. Отметим только, что в марксистской философской литературе понятие свободы воли связывается с возможностью познавать объективные закономерности действительности и сознательно использовать их в своих целях. «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода,— отмечал Ф. Энгельс,— а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей»[1]. Есть ли такая возможность у человека, или же все его поступки заранее предопределены, записаны в генетической программе? Этот вопрос имеет важное философское значение.

Несколько усложняя подход к определению роли генетического фактора, можно представить себе и такое его решение. Предположим, признается генетическая природа поведения и одновременно допускается, что субъект свободен в выборе поступка. Очевидно, это может быть лишь при условии, что генетический фактор не является решающей причиной поведения, а играет второстепенную роль. При этом, казалось бы, устраняется и сама основа дискуссии о роли социального и биологического, поскольку признается, что «оба фактора одинаково имеют место».

Однако философская проблема связана с тем, чтобы определить, предопределено или нет поведение человека чем-либо, не зависящим от его сознания и воли (судьбой, богом, внутренней природой организма, генами, окружающей средой и т. п.). Если полностью предопределено, хотя бы даже и несколькими факто-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 116.

рами, то человек не имеет свободы выбора; так и трактовал эту проблему вульгарный детерминизм. Если же не предопределено, то вопрос о конкретных причинах поведения остается открытым. При этом философские позиции резко разделяются на материалистическую и идеалистическую. С научной материалистической точки зрения поведение человека в целом обусловлено его организацией, деятельностью мозга, окружающей средой, но оно не предопределено в конкретных поступках: только от самого субъекта зависит содержание совершаемого поступка, поскольку он в состоянии оценить и учесть существенные объективные факторы окружающей действительности, познать ее закономерности. С той идеалистической точки зрения, которой свойствен индетерминизм, свобода выбора, по сути дела, не обусловлена ничем.

В зависимости от философской позиции по-разному решается и проблема оснований моральной и юридической ответственности. В случае принятия концепции вульгарного материализма обосновать ответственность философски невозможно: нет никаких оснований для возложения на человека ответственности за поступок, который от него не зависит. Если акт поведения вызван, например, конструкцией хромосомы, то личная ответственность теряет всякий практический смысл и нравственное оправдание.

В противоположном случае — при индетерминистическом понимании свободы воли — ответственность возможна, но опять-таки не оправдана этически: если человек может совершать все что угодно, не считаясь с объективными обстоятельствами, то нет оснований упрекать его за свободное использование такой возможности; никто не вправе его к чему-либо обязать.

Только при научном материалистическом подходе к данной проблеме моральная и правовая ответственность получает правильное объяснение и обоснование.

Человек производит выбор линии поведения под влиянием как внутренних (психологических), так и внешних (социальных, физических и др.) факторов. Меры социального контроля, нормы права и морали также входят в число тех обстоятельств, которые подлежат учету и анализу при принятии решения. Если человек в состоянии сделать выбор, он ответствен за него. «...Человек,— писал Ф. Энгельс,—только в том случае несет полную ответственность за свои поступки, если он совершил их, обладая полной свободой воли...» [1] В. И. Ленин отмечал, что «только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю» [2].

Из философской постановки проблемы детерминизма вытекает также оценка целей и средств, применяемых в качестве *юридического* и *морального* наказания правонарушителей. Каких целей мы желаем достичь, наказывая преступника? Какими средствами допустимо это делать? Ответы на подобные вопросы выходят за рамки частной юридической проблематики и затрагивают проблемы гуманизма, человеческой ценности, политической и правовой культуры населения.

Таким образом, философская и этическая проблема состоит в том, можно ли возлагать на человека ответственность за совершенные им опасные для общества действия, если они были порождены биологическими свойствами его организма, жестко им детерминированы. Соответствующий юридический вопрос более конкретен, но не менее значим: допустимо ли привлечение лица к уголовной, административной, гражданской ответственности, если совершенное правонарушение обусловлено генетически? Должен ли суд уже на этом основании оправдать такого обвиняемого (от-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 82.
[2] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 1, с. 159.

клонить предъявленный к нему гражданский иск, освободить его от административного взыскания)? Философское значение того или иного решения этого вопроса неизбежно определяет тем самым характер отношений между человеком и государственными органами, осуществляющими функцию социального контроля. Разумеется, речь идет не об отдельном примере, а о самом принципе, и, следовательно, эти соображения так или иначе входят в содержание юридической политики.

В известном смысле, утрируя вопрос, можно сказать, что если преступность обусловлена генетически и не преодолима ни сознанием, ни волей тех, кто является ее носителем, то не нужны ни суды, ни исправительные учреждения: не за что судить и невозможно исправить. Вся система юстиции основана на признании свободной воли, понимаемой в материалистическом смысле: имеется в виду, что уроки случившегося с человеком могут быть учтены им (и другими людьми) в дальнейшем и способны повлиять на его (и на их) будущее поведение.

Нетрудно видеть, что то или иное объяснение механизма преступного поведения (свободный выбор либо генетическая программа), равно как и общих причин преступности (социальные либо биологические причины), прямо влияет на выбор стратегии борьбы с нею, на основное направление юридической политики государства. Если решающую роль играют социальные факторы, то, очевидно, и борьба эта должна иметь прежде всего социальную направленность. Признавая свободу выбора поступка и личную вину за него, мы допускаем уголовную ответственность и наказание преступника. Если же все дело в биологии человека, придется изобретать методы медицинского воздействия на преступников, генетического контроля.

Прогрессивные западные ученые — генетики, пси-

хиатры, юристы,— на практике столкнувшиеся с этой альтернативой, справедливо отмечают ее серьезное политическое значение. С сожалением они констатируют, что «бихевиористские и психохирургические методы все чаще рассматриваются как средство решения тех проблем, которые в основе своей носят социально-экономический характер и требуют принятия политических решений. Это служит зловещим напоминанием о мрачных временах до и в период нацизма в Германии... При решении проблем преступности наблюдается тенденция обойти социальные корни насилия (неустойчивое состояние экономики, безработицу и т. д.) и сосредоточить внимание на «патологии» (генетической или какой-либо иной) преступника, поведение которого «отклоняется от нормы» [1]. Нужно ли говорить, что такие меры создают лишь видимость решения проблемы борьбы с преступностью и не способны привести к реальным положительным результатам.

Еще один юридический и одновременно *медицинский* аспект, тесно связанный с первым,— это оценка душевного состояния лица, чьи поступки генетически обусловлены. Юридические нормы требуют четкого и вполне определенного ответа на вопрос о том, является ли обвиняемый (подозреваемый) лицом вменяемым. Если субъект, чьи поступки генетически обусловлены, вменяемым не является (потому что не может отдавать себе отчет в своих действиях или не в состоянии руководить ими), то с ним следует обращаться, как с больным. Здесь, разумеется, нет места для уголовной или какой-либо иной ответственности, как нет места и для понятия преступления, предполагающего вменяемость в качестве неотъемлемого признака.

Конечно, гипотетически возможен и иной ответ. Допустим, что лицо, поступки которого генетически обу-

---

[1] *Чавкин С.* Похитители разума. М., 1981, с. 17, 20.

словлены, будет признано вменяемым и ответственным за свои действия. Но в чем же тогда роль генетических особенностей организма? Если только в том, что на их базе происходило неповторимое индивидуальное развитие и формирование личности, которая сама теперь ответственна за свое поведение, то концепция социального контроля, лежащая в основе современной юриспруденции, не будет поколеблена. Но при этом и от роли генетического элемента как причины преступности, по сути дела, ничего не останется.

Вернемся к невменяемому субъекту, чьи поступки продиктованы не сознанием и волей, не разумным анализом окружающей среды и реакцией (пусть даже и неправильной) на ее воздействия, а слепым генетическим механизмом. Что делать с этим человеком, совершившим достаточно опасные действия (лишение жизни другого человека, разрушение имущества, поджог и т. д.)? Как видим, эта проблема выходит за рамки правовой[1] и приобретает ясно выраженный медицинский и этический характер.

Этическое значение рассматриваемой проблемы тесно связано с общими принципами взаимоотношений человека и общества, гражданина и государства, вытекающими из той или иной философской и социально-политической концепции. Если в данном обществе человек рассматривается как средство, которое можно использовать по своему усмотрению в интересах классового господства, то никаких этических проблем и ограничений здесь «не возникает». Известно, что фашизм не признавал каких-либо препятствий нравственного, политического или иного характера, даже если речь шла о судьбах народов и рас; тем более не до этого было применительно к судьбе отдельного чело-

[1] Хотя правовой элемент здесь сохраняется: в смысле обеспечения законности применения мер медицинского характера.

века. Уничтожение неполноценных людей рассматривалось как единственно возможное средство практического осуществления расовых теорий.

Совершенно другой подход к проблеме биологических различий в демократическом обществе, а тем более в том, на знамени которого написано: все во имя человека, для блага человека. И речь здесь идет не об абстрактном человеке. Утверждение подлинного социалистического гуманизма означает уважение любой человеческой личности, независимо от того, является ли она более или менее развитой умственно или физически, независимо от ее генетических предпосылок, от биологически обусловленных природных качеств и т. д.

Человека нельзя обвинить в том, что он родился белым или черным, с теми или иными генами; более того, он не только не виновен в этом, но ему и нечего в этом отношении стыдиться. Как отмечалось в Декларации Генеральной Ассамблеи ООН о ликвидации всех видов расовой дискриминации (1963 год), «всякая теория расового различия или превосходства в научном отношении ложна, в моральном отношении предосудительна, в социальном отношении несправедлива и опасна...». В полной мере эти слова Декларации относятся и к оценке людей, отличающихся друг от друга по какому-либо иному биологическому признаку или свойству. Каждый человек имеет равное право на существование и на жизненные условия, и тот, у кого есть «негативные» генетические предпосылки (если допустить, что такие существуют), не должен быть по этой причине отторгнут от человеческого общества.

Говоря об этической стороне проблемы преступности, мы не имеем права забывать, что борьба с этим отрицательным социальным явлением затрагивает интересы конкретных людей. Но кого же мы относим к преступникам? Известно, что от необоснованной позитивной оценки человека у него могут развиваться

неадекватные требования к обществу. Однако еще более опасными последствиями чреваты случаи, когда человека бездоказательно считают ущербным, неполноценным и хуже того — преступником. Возникает этический вопрос: кто дает право, какими этическими нормами можно оправдать подобное навешивание ярлыков? Почему вообще одни люди могут отнести других в разряд людей второго сорта, тем более преступников, без объективных оснований? Нравственно ли это?

Ученые, занимающиеся проблемой человека, должны исходить из того непреложного правила, что они изучают жизнь, обстоятельства, личные качества, моральное и физическое здоровье таких же людей, как и они сами, изучают с той целью, чтобы сделать жизнь людей, условия их существования подлинно человечными. Человек рождается для того, чтобы творить, созидать, трудиться, улучшать условия существования себе подобных. Никакие обстоятельства его рождения, социального происхождения, расы, национальности и т. д. не должны становиться основанием для какой-либо дискриминации. Вот в чем суть этической стороны проблемы преступности, рассматриваемой в свете социальных и биологических позиций. Поэтому и сам термин «личность преступника» весьма условен. Он скорее является научной абстракцией, чем характеристикой конкретного человека. Вероятно, научно более обоснованно говорить о личности людей, совершивших преступление, об их изучении — изучении всеобъемлющем, без заранее заданных предубеждений. Для закона после совершения человеком преступления он — преступник. Для науки он — человек, совершивший преступление, в отношении которого надлежит выяснить, почему он встал на преступный путь, какие обстоятельства привели его на этот путь, разобраться в его личных особенностях и т. п. Иной, неэтич-

ный подход к человеческой личности ведет к применению аморальных методов изучения и в конечном счете к античеловечным выводам.

Имеется здесь и еще одна сторона нравственной проблемы: отношение к евгенике — течению, ставящему задачу медико-биологическими методами «улучшить» человеческую природу. В рассматриваемом нами аспекте речь идет не о вопросе техники (можно ли это сделать в XX веке или еще нельзя), а прежде всего о философском и этическом вопросе: допустимо ли это делать? Не имеют ли люди — индивиды, классы, народы, нации — право на собственное биологическое и социальное развитие? Кто может взять на себя право и нести ответственность за вмешательство в этот исторический процесс? Вот те вопросы, этическое содержание которых никак не может и не должно быть обойдено [1].

Этические проблемы, образно говоря, составляют внутренний стержень любой науки, касающейся человеческой личности, в том числе криминологии и генетики. Этическая оценка самих исследований, методов, при этом применяемых, подхода к изучаемым объектам, нравственно корректные выводы — непременное условие и абсолютно необходимые компоненты любой науки, любых исследований, включая реализацию их итогов в практике. Актуальность этических проблем тем острее, чем глубже проникновение науки в пласты социальной жизни, в самую сущность человека, его внутренний мир.

Область преступности может служить ярким примером того, насколько важное значение имеют этические компоненты рассматриваемой проблемы. Статья 160 Конституции СССР гласит: «Никто не может

---

[1] Подробнее об этом см., например: *Дитль Г.-М., Газе Г., Кранхольд Г.-Г.* Генетика человека в социалистическом обществе, с. 61 и далее.

быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом». До вынесения приговора, до точного установления того факта, что человек совершил именно преступление, государство не может никого именовать преступником. А вопрос о том, назвать или не назвать человека преступником, не имея для этого достаточных оснований,— этическая проблема. Приклеивать не понравившемуся нам человеку какой-нибудь обидный ярлык — безнравственно и в обыденной жизни. Но что было бы, если бы в праве не были установлены точные критерии преступного, не были обозначены условия, при которых человек может быть признан преступником? Как выглядели бы при этом и само право, и социальная жизнь в целом? Вот почему и с этической и с юридической точки зрения весьма важно, чтобы не нарушалась грань между вменяемостью и невменяемостью, между преступностью и болезнью, между наказанием виновного и медицинским лечением больного человека.

В праве фиксируется обязанность компетентных государственных органов доказывать виновность человека в совершении преступления (так называемое бремя доказывания возлагается на обвинителя). Если бы было наоборот и сам обвиняемый должен был доказывать, что он не виноват, то на практике это означало бы освящение произвола. Не в меньшей степени опасно смешение больного и преступника, предъявление к ним одинаковых претензий и требований.

Этическое значение упомянутых норм права огромно; они являются основой режима законности. При этом существует и обратная связь: этически совершенное право рождает гуманную практику применения правовых норм. Не случайно советское уголов-

ное право, соответствующее этическим принципам социализма, не знает неопределенных приговоров, таких издевательских сроков лишения свободы, как, скажем, 99 лет, и ряда других институтов буржуазного и добуржуазного права, связанных с пренебрежением к личности человека.

Наука только тогда прогрессивна и гуманистична, когда она этична. Это имеет прямое отношение и к криминологии, и к генетике, и к комплексным криминолого-генетическим исследованиям. Нельзя рассматривать человека как некую абстрактную схему, хладнокровно раскладывая его качества «по полочкам» (способен — не способен, умен — не умен, предрасположен — не предрасположен), «приговаривая» его к той или иной роли в жизни и подчас лишая его тем самым каких-либо перспектив. Даже по отношению к больным людям врачи должны проявлять значительную долю оптимизма, хотя бы из соображений гуманности и медицинской этики (деонтологии). Схема «способный — неспособный» легко переходит в другую: верх и низ, элита и безликая масса и т. п. Лишить человека жизненных перспектив, надежд на совершенствование, на повышение уровня своих знаний и культуры, на продвижение по специальности; отнять у того, кто совершил преступление, надежду на то, что в более или менее отдаленном будущем он сможет вернуться в ряды полноправных членов общества,— все это не только неэтично, но и подрывает саму перспективу воспитания нового человека, без чего не может быть и речи о построении коммунистического общества.

3. Основные методы решения проблемы

Комплексное исследование какой-либо проблемы, предполагающее сопоставление данных нескольких наук, требует большого внимания к используемым методам. В этом случае дополнительная трудность связана с тем, что речь идет о науках, одна из которых является естественной, а другая — общественной. Следовательно, и методы изучения должны давать возможность для такого достаточно сложного сопоставления.

Имеющаяся литература и уже проведенные эмпирические исследования по вопросам генетического подхода к преступности позволяют указать на несколько основных научных методов, которые с разной степенью полноты и последовательности применяются в этих исследованиях.

Первый метод — сравнение массовых контингентов и установление статистических корреляций между численностью населения, обладающего определенным генофондом, и числом преступников. При этом сравниваются изменчивость генофонда или его территориальное, демографическое, социальное распределение, с одной стороны, и распределение по тем же показателям преступности — с другой. Тем самым исследуется, имеются ли между ними корреляции. Если да, то можно говорить о наличии функциональной связи между генетическими свойствами данной популяции и преступностью. Необходимыми условиями для применения этого метода являются: достаточная представительность данных; длительность наблюдений; сопоставимость показателей. Нужно учитывать также различия в динамике, структуре, географии и демографии преступности. Следует, однако, заметить, что этот метод не дает ничего, кроме установления корреляции; он не позволяет ни раскрыть причинные связи, если они имеются, ни исключить их.

Второй метод — изучение специально отобранных групп людей, обладающих набором тех или иных признаков, из которых хотя бы один свидетельствует о преступности, а другой связан с генетическими особенностями организма. Собственно говоря, еще Ч. Ломброзо использовал подобный прием, измеряя различного рода показатели физического развития преступников. В настоящее время с помощью этого метода изучаются группы близнецов, которые, с одной стороны, имеют одинаковое генетическое происхождение, а с другой — одинаковую (или различную) криминальную биографию. При этом ставится задача проследить возможные совпадения криминологических и генетических показателей или, напротив, установить отсутствие убедительных совпадений. В первом случае, очевидно, есть основания утверждать, что генетические признаки коррелируют с преступным поведением (правда, это еще не значит, что они служат его причиной), во втором — отрицать такую корреляцию.

Кроме близнецов подобным же образом изучаются носители хромосомных аномалий; проводятся исследования психопатов, лиц с гормональными нарушениями и других. Метод специально отобранных групп удобен тем, что он позволяет получить хорошо обозримый и обычно достоверный материал для изучения. Основной же недостаток этого метода состоит в том, что исследуется не весь криминальный контингент, а лишь определенная и, как правило, очень малая его часть. Отсюда возникает обоснованное сомнение по поводу того, можно ли выводы, пусть даже не вызывающие сомнения, убедительные по отношению к исследованной группе, переносить на весь контингент в целом.

Не отрицая права данного метода на существование и возможности практического использования по-

лученных с его помощью научных результатов, обратим внимание на необходимость соблюдения при этом следующих обязательных условий: 1) безукоризненный отбор группы из всего изучаемого контингента; 2) достаточная репрезентативность, представительность отобранной группы как среди данного контингента, так и среди всей популяции; 3) уверенность в том, что связь признаков (преступности и гена) не является случайной (одно из необходимых условий для этого — массовость наблюдений), и выявление того, причинная ли это связь или только функциональная, например зависящая от некоторых неизвестных факторов; 4) установление не только сходства, но и различия признаков; проверка того, нет ли совпадения названных признаков за пределами отобранной группы (иначе говоря, использование контрольной группы).

Применение метода отобранных групп позволяет обнаружить не только функциональные связи между явлениями, но в некоторых случаях и причинную связь между ними.

Третий метод связан с выяснением механизма поведения человека и механизмов действия биологических (физиологических, генетических) факторов его организма.

Механизм поведения в общем известен; если будет установлено, как и в каких направлениях действуют при этом генетические факторы, то при сопоставлении полученных данных, возможно, удастся выявить характер влияния генетических особенностей организма (например, у преступника) на деформацию потребностей, целей, мотивов поведения, на принятие решений и их реализацию, на ценностные ориентации и внутренний самоконтроль. Понятно, что необходимым условием для использования данного метода является наличие достаточных результатов в

так называемой генетике поведения. Если нам известно, хотя бы предположительно, что гены оказывают воздействие на потребности людей, цели и мотивы поведения, то эти знания (или гипотезы), перенесенные на изучение преступников, могут быть подтверждены или же отвергнуты. При этом необходимо установить влияние на поведение: а) наследственных особенностей организма; б) мутаций, имеющихся у данного лица; в) соматических особенностей, не передающихся по наследству.

Мы охарактеризовали три метода, которые так или иначе связаны с использованием эмпирического материала. Получаемые с их помощью выводы большей частью могут быть проверены (равно как и чистота применения самих методов). Кроме того, не следует игнорировать логический (если не сказать: умозрительный) метод, суть которого состоит в построении логических конструкций и моделей, исходя из ранее полученных более или менее общепризнанных данных. Именно таким образом строятся, например, рассуждения о наследственной природе чувства альтруизма, основанные на некоторых фактах из истории человеческого общества, а также из области этологии животных. Повторяем, этот метод не может быть отброшен, он имеет право на существование, хотя ценность его существенно снижается, если общие соображения основываются на сомнительных методологических предпосылках и не подкрепляются соответствующими эмпирическими данными.

Глава IV

ГЕНЕТИКА ПОПУЛЯЦИЙ И АНТИОБЩЕСТВЕННОЕ ПОВЕДЕНИЕ

1. Основные положения генетики популяций

Генетика популяций — часть современной генетики, изучающая наследственные изменения популяций, рас и вида в целом в процессе эволюции. Сопоставление таких крупномасштабных явлений, как человеческая популяция, включая ее развитие во времени и размещение в пространстве, и динамика общественно полезных и антиобщественных явлений в человеческом обществе (во временнóм и территориальном разрезах), выводит исследователя за узкие рамки анализа специально отобранных групп и позволяет судить об изучаемом явлении в целом. Если бы удалось установить, что закономерности генетического развития людей, проживавших в определенное время на определенной территории, совпадают с закономерностями в движении преступности (в ее структуре, состоянии, динамике), это явилось бы серьезным основанием для утверждения о существовании наследственных причин преступности. Если бы таких совпадений установлено не было, тезис о существовании наследственных причин преступности оказался бы еще более проблематичным.

Остановимся на некоторых положениях генетики популяций, которые могли бы служить основой для последующих соображений и выводов.

В общебиологическом плане популяция представляет собой группу особей (растений или животных) данного вида, свободно скрещивающихся между собой и объединенных общностью территории.

Человечество в целом можно рассматривать как огромную популяцию, подразделенную на подчиненные популяции, главными из которых являются расы. Они в свою очередь делятся на более мелкие популяции, разделенные барьерами из-за языковых, национальных, религиозных и территориальных различий.

Для каждой популяции характерно определенное соотношение между генетической изменчивостью и стабильностью. Изменчивость дает возможность популяции приспосабливаться к изменениям окружающей среды; стабильность сохраняет уже сложившуюся полезную приспособленность. Популяция поддерживает равновесие между этими противоположными тенденциями.

Для человеческой популяции данное качество имеет специфическое значение.

В плане зоологической классификации «человек разумный» *(Homo sapiens)* представляет собой вид в семействе гоминид. В биологическом плане он обладает всеми критериями зоологического вида и представляет собой замкнутую систему из комплекса самовоспроизводящихся популяций, между которыми происходит обмен генами и которые при этом отграничены от других видов и не скрещиваются с ними.

Популяции и особи любого вида животных подчинены закону естественного отбора, который включает их в процессы приспособительной эволюции, детерминируемой условиями среды. Для вида *Homo sapiens* благодаря общественным условиям форми-

рующее действие естественного отбора теперь практически снято; «человек разумный» не приобретет особенностей биологического «сверхчеловека» и не опустится до уровня дочеловека.

Переход сущности вида *Homo sapiens* от уровня биологической на уровень общественной формы движения материи создал ему качественно особое положение среди всех форм органической жизни. Это коснулось и положения рас внутри данного вида. Как известно, расы животных возникают и развиваются на основе различий в эколого-географических условиях существования разных популяций, под формирующим влиянием естественного отбора и в относительной изоляции.

На первых порах расы человека развивались подобным же образом. Древних людей было не очень много, и они были относительно малоподвижны. В этот период, в соответствии с локальными условиями, начали вырабатываться расовые генетические приспособительные особенности. Однако затем, когда люди распространились на огромные территории, эти биологические особенности постепенно стали утрачивать свой смысл. Изменяя природу для удовлетворения своих нужд, люди всех рас научились строить жилища, изготовлять одежду, получать огонь и т. д., что резко уменьшило необходимость биологического приспособления к локальным условиям среды. Этому же способствовали процессы миграции и смешения популяций. В результате само деление людей на расы потеряло прежнее значение.

Уже упоминавшееся выше заявление участников международного симпозиума в Афинах констатирует, что «последние антропологические открытия подтверждают единство человечества как биологического вида». Это «исключает возможность выработки сколько-нибудь объективного и устойчивого определе-

ния различных рас и соответственно лишает слово «раса» большей части его биологического значения»[1]. Существующие между расами различия касаются второстепенных признаков, которые чаще встречаются в одной расе сравнительно с другими. Не случайно в современной литературе одни авторы насчитывают тысячи рас, другие же — меньше десятка; при этом все расы переходят одна в другую без отчетливых разрывов.

Сказанное не исключает наличия этнических групп, которые проживают в обособленном районе, говорят на определенном языке и еще сохраняют социальные, культурные и психологические барьеры по отношению к бракам за пределами данной группы. Этническими группами могут быть нации, племена, религиозные общины. Они характеризуются также различиями в темпераменте, характере, а подчас и в устойчивости по отношению к определенным заболеваниям, некоторыми морфологическими особенностями. С этим следует считаться медицине[2].

Однако наличие этнических групп не дает, на наш взгляд, оснований для противопоставления их друг другу, в том числе и для утверждения о том, будто бы в истории некоторых из них важную роль играла какая-то особая психическая энергия («пассионарность», т. е. непреоборимое внутреннее стремление к деятельности)[3]. Развитие этноса, согласно этой концепции, всегда проходит внутренне детерминированные циклы: подъем, расцвет, инерционную фазу и распад. Л. Н. Гумилев пишет, что такое развитие этноса «получается в результате инерции, возникающей

---

[1] Курьер ЮНЕСКО, 1981, июнь, с. 28.

[2] См.: *Казначеев В. П., Субботин М. Я.* Этюды к теории общей патологии. Новосибирск, 1971.

[3] См.: *Гумилев Л. Н.* Биосфера и импульсы сознания.— Природа, 1978, № 12, с. 98, 100.

время от времени вследствие «толчков» — мутаций... Мутируют только отдельные... особи, но этого может оказаться достаточно для того, чтобы возник новый тип людей... Тогда появляются конкистадоры и землепроходцы, поэты и ересиархи или, наконец, инициативные фигуры вроде Цезаря и Наполеона. Как правило, таких людей немного, но их энергия позволяет им развивать... активную деятельность, фиксируемую везде, где есть история»[1]. По мнению Л. Н. Гумилева, «пассионарность» есть «физиологический наследственный признак, связывающий личность человека с биосферой планеты»[2]. Отводя «пассионарности» определенную (около 25 процентов) долю влияния на развитие человека, Л. Н. Гумилев полагает, что это соответствующим образом характеризует взаимодействие истории природы и истории людей.

В данном случае биологическое, как таковое, признается, на наш взгляд, существенным фактором исторического прогресса, о чем свидетельствуют соображения о мутациях, дающих исключительных людей, об определяющей роли биологически детерминированных героев в истории этноса, признание, что «пассионарность» — наследственное свойство, физиологическая доминанта и т. д.

Нам представляется, что при оценке генетических различий рас и этнических групп следует иметь в виду главное: биологические различия людей разных рас и этнических групп ничтожны в сравнении с их единством. Исследователь процессов эволюции Г. Симпсон выделил 12 наиболее характерных анатомических признаков, по которым объединяются все

---

[1] *Гумилев Л. Н.* Биосфера и импульсы сознания.— Природа, 1978, № 12, с. 100, 102.

[2] Там же, с. 105.

люди, живущие на Земле[1]. Пользуясь комплексом этих признаков, можно безошибочно отнести к виду *Homo sapiens* любого из людей, обитающих на планете.

В прошлом генетическая устойчивость генофонда человека обеспечивалась путем распределения разных комплексов генов по отдельным популяциям. Это распределение отражало историю и географию отдельных популяций[2]. В настоящее время обстановка в корне изменилась, что объясняется интенсивными миграционными процессами, приводящими к брачным отношениям между представителями самых разных популяций и этнических групп, жителями разных республик и областей, городов и сельских поселений. Так, до революции удельный вес горожан в общей численности населения нашей страны не превышал 18 процентов, а через 70 лет он составил 66 процентов, причем прирост происходил в значительной мере за счет выходцев из сельской местности.

Социально детерминированные демографические процессы вызвали сильные изменения в распределении генов среди популяции людей. В условиях складывавшейся огромной общей популяции это привело к биологическому обогащению генетических возможностей развития индивида (гетерозис). Одновременно сама генетическая система популяции резко обогатилась возможностями сочетания разных генотипов. И хотя эта система во многом неустойчива, однако ввиду ее громадной величины эффект популяционного гетерозиса будет сохраняться еще долго. Более

---

[1] *Simpson G.* The biological nature of man.— Science, 1966, № 152 (3720), p. 472—478.

[2] См.: *Рычков Ю. Г.* Система древних изолятов человека в Северной Азии в свете проблем стабильности и эволюции популяций. Поиски и решения на путях популяционной генетики.— Вопросы антропологии, 1973, вып. 44.

того, по мере смешения отдельных популяций людей, этнических групп и рас этот эффект будет нарастать.

Явление генетически детерминированного гетерозиса по своему положительному влиянию совпало с улучшением условий развития человеческого рода. В результате характер жизнедеятельности людей как на индивидуальном, так и на популяционном уровне заметно изменился. В этом же аспекте следует рассматривать и влияние изменений в формах труда, а именно соответствие форм труда биологическим характеристикам человека, что свидетельствует об историчности биологического в человеке.

Неопозитивистский редукционизм, лежащий в основе современной зарубежной социобиологии, утверждает, что различия культур связаны с наличием специфических наборов генов социального поведения человека. Общественные институты являются якобы прямым следствием действия генотипов, при этом само участие индивидов в разных формах деятельности исходно детерминировано в генах [1]. Однако современная генетика человека не имеет данных о наследовании задатков, определяющих разные виды его деятельности. По мнению генетика-популяциониста Р. Левонтина, «не существует никаких значимых научных основ для таких заявлений» [2]. Генетик Т. Добжанский пишет: «Культура приобретается путем имитации, тренировки и обучения. Биологическая наследственность не передает признаков, которые человек приобретает в течение его жизни, но культурная наследственность содержит только такие признаки» [3].

---

[1] *Wilson E. O.* Sociobiology: The New Synthesis, Cambridge (Mass.), 1975, p. 697.

[2] *Lewontin R. C.* Sociobiology as an adaptionist programm.— Behavior Science, 1979, vol. 24, p. 5—9.

[3] *Dobzhansky T.* The Genetic diversity and human equality. N. Y.— Basic Books, 1973, vol. 12, p. 129.

Аналогично и мнение Дж. Сильверберга[1]. О том, что биологические факторы, естественный отбор не играют существенной роли в становлении культуры, в развитии исторических процессов, свидетельствуют и исследования по межрасовым бракам. Обширное исследование по межрасовым бракам было проведено на Гавайских островах. Здесь живет много потомков от браков между аборигенами — полинезийцами, белыми, китайцами с примесью небольшого количества генов от корейцев, филиппинцев, пуэрториканцев и других. В 1948—1958 годах было изучено 179 327 потомков от межрасовых браков. При этом не было обнаружено отклонений ни по гибели эмбрионов, ни по здоровью при рождении по сравнению с потомками от браков внутри рас. Отсюда следует, что в процессах появления рас человека биологическая адаптивная эволюция, сколько-нибудь сравнимая с расообразованием у животных, не имела места. Браки между расами не имеют в потомках отрицательных генетических последствий. Эта точка зрения была поддержана Ф. Фогелем и А. Мотульским, Х. Саттоном и другими видными исследователями.

Расхождение рас происходило в доисторическое время в примитивных условиях существования, и даже в то время принадлежность различающихся групп к виду *Homo sapiens* явилась фактором, ограничившим формы биологической эволюции, свойственной видообразованию животных[2].

Фактором, ограничивающим протекание биологи-

---

[1] *Silverberg J.* Sociobiology, the New Synthesis? An antropologists perspective westview press.— In: Sociobiology: Beyond nature/nurture. N. Y., 1980, vol. 2, p. 25—63.

[2] См. подробнее: *Дубинин Н. П., Алтухов Ю. П.* Мониторинг генетических последствий загрязнения окружающей среды. Общий подход.— В кн.: Генетические последствия загрязнения окружающей среды. М., 1977, вып. 2, с. 14—15; *Алтухов Ю. П.* Генетические процессы в популяциях. М., 1983, с. 239.

ческой эволюции у человека, является влияние общественных отношений. Успехи в достижении положения в обществе или в получении материальных благ не связаны с преимущественным размножением определенных индивидов и оставлением ими генов в потомстве. Более того, даже если бы это было так, все равно направленная селекция в популяциях человека была бы невозможна, поскольку, обращаясь к его социальным чертам, мы видим, что их биологическое унаследование как таковых равно нулю. Поэтому селекция генотипов по ним невозможна.

Для исторических изменений биологии человека характерны по меньшей мере два явления. Во-первых, проявление потенции уже имевшихся биологических свойств в ответ на улучшение условий развития; во-вторых, социально детерминированное смешивание (панмиксия) генов, ведущее к образованию общего гигантского массива генов в едином генофонде. Оба эти процесса в биологическом плане отнюдь не означают эволюции вида, ибо появление новых видов связано с усилением естественного отбора при наличии изолирующих механизмов, выделяющих прогрессирующую популяцию.

Оба процесса исторических изменений биологии человека ведут к увеличению стационарности генного содержания населения в целом, однако не вызывают никаких изменений в видовой специфике наследственности человечества. Некоторые авторы правильно подчеркивают, что биологические изменения в истории человечества базировались не на субстратных, а на функциональных преобразованиях человека.

Парадокс необычайного социального развития человека при стационарности его общевидового генофонда и теперь сохраняет все свое значение. Чтобы пройти путь от первого предка человека до вида *Homo sapiens,* понадобилось более 20 миллионов лет. А чтобы

подняться от костра, пещер, счета на пальцах до атомной энергетики, космических кораблей, компьютеров и химического синтеза полимеров — всего лишь 40 тысяч лет. Это объясняется тем, что прогресс человечества стал опираться не на биологические изменения людей, а на законы общественного развития.

2. Исторические сдвиги в структуре и динамике правонарушений

Если преступность детерминирована генетически, т. е. имеет наследственное происхождение, то очевидно, что изменения, происходящие в ней с течением времени, должны находиться в более или менее тесных корреляционных соотношениях с изменениями в генофонде человеческих популяций. Так ли это на самом деле?

Криминологическая наука дает возможность на основе официальных данных уголовной статистики и многочисленных эмпирических исследований проследить за довольно длительные сроки изменения в состоянии, структуре и динамике преступности в различных странах и регионах.

Понятие преступности имеет собирательный, комплексный характер. Вся совокупность преступлений, совершенных в тот или иной период на определенной территории, складывается из самых различных деяний. Это и посягательства на жизнь, здоровье, свободу и достоинство личности, на государственное, общественное и личное имущество; это и действия, направленные против государственного строя, общественного порядка, нормального осуществления правосудия; это и воинские, и хозяйственные, и должностные преступления.

Каждый из видов преступлений имеет свою специфику, свои формы проявления. Поэтому преступ-

ность — не просто сумма преступлений, а сложная их совокупность, имеющая количественную и качественную характеристики.

Количественной характеристикой является *состояние* преступности, т. е. число совершенных преступлений и лиц, их совершивших, в определенный отрезок времени. Число это может выражаться в абсолютных цифрах или же в коэффициентах (например, число преступлений на 100 тысяч жителей). *Динамика* преступности — это ее изменение за определенное время, как в целом, так и по отдельным видам преступлений. Динамика преступности за длительный период позволяет выявить закономерности ее существования и движения, что имеет важное практическое значение. Следует иметь в виду и ее латентность (невыявленность).

Качественная характеристика преступности касается прежде всего ее *структуры,* т. е. соотношения между отдельными видами преступлений. Структура преступности характеризуется также целями и мотивами действий преступников, возрастными и иными особенностями их личности и другими данными.

Характер преступности определяется соотношением числа тяжких преступлений по отношению ко всей массе преступлений, тем, какие именно тяжкие преступления преобладают, числом рецидива (повторности) преступлений. Характер преступности, пожалуй, наиболее ярко показывает опасность преступности, как явления, отдельных видов преступлений, а также, как правило, опасность конкретных преступников. В уголовном праве характер преступности отражается в том, к каким преступлениям относит законодатель те или иные виды преступлений — к тяжким, средней тяжести, не представляющим большой общественной опасности, хотя и влекущим уголовное наказание, или даже к таким, за которые может последовать не уголовное наказание, а либо административное, либо применение мер

общественного воздействия. При оценке же того, какая именно мера может и должна быть применена в том или ином конкретном случае, существенное значение приобретает и личность человека, совершившего преступление. Рецидив, например, почти всегда влечет за собой повышенное наказание. Для криминологии изучение именно рецидивистов имеет важное значение, ибо в условиях нашего общества нельзя проходить мимо самого факта повторной преступности и личности тех, кто становится рецидивистом.

Таким образом, преступность — сложное социальное явление, включающее в себя совокупность всех преступлений, совершенных в данном обществе в данный период времени, характеризующееся определенными количественными и качественными показателями и их характером и динамикой.

Анализ уголовной статистики в сравнении с другими данными и материалами о происходящих в жизни общества процессах убедительно свидетельствует о том, что определяющее значение для качественных показателей преступности имеют изменения исторических, социально-экономических, политических и культурных условий жизни. Колебания в структуре преступности в известной степени зависят также и от изменений в законодательстве — от того, что́ именно в каждый конкретный исторический отрезок времени законодатель считает преступным.

Проследим некоторые закономерности динамики преступности на материалах царской России и Советского Союза. Русские дореволюционные юристы и статистики оставили богатый материал, дающий возможность судить не только об изменениях в состоянии и структуре преступности почти за столетний период времени, но и о некоторых социальных явлениях, с которыми эти изменения были связаны.

В работе П. Н. Ткачева «Статистические этюды

(Опыт разработки русской уголовной статистики)», изданной в 1863 году, проанализированы данные о динамике преступности за 1856—1861 годы. Всего лишь за шесть лет число подсудимых возросло с 383 тысяч до 433,5 тысячи человек, т. е. на 13,2 процента. По этому поводу П. Н. Ткачев писал: «...число и свойство преступлений зависит не столько от географических, климатических влияний, сколько от непорядка и неустройства в экономической, социальной жизни народа... все многообразные общественные влияния, способствующие развитию в человеке наклонности к преступлению, сводятся главным образом к влиянию одной причины: отсутствию прочного материального обеспечения, нищете и бедности, ненормальным общественным отношениям... которые развращают людей, порождают праздность, злобу, зависть, лицемерие!» [1]. Эта острая характеристика вполне соответствовала ситуации в России того времени.

Анализу причин резкого повышения преступности в 60-х годах XIX столетия уделяли внимание и другие авторы. Как отмечал М. А. Филиппов, многие помещики, отпуская крестьян на основании реформы 1861 года, «не озаботились обеспечить их быт, освобождая их без земли... так что на первых порах нужда побудила их к преступлениям» [2]. Социальные причины роста преступности в России выражены здесь достаточно отчетливо.

Рост преступности в России продолжался быстрыми темпами и в последующие годы. Если в 1862 году насчитывалось 456,3 тысячи подсудимых, то в 1865-м — уже свыше 510,5 тысячи. Наиболее интенсивно росло число осужденных крестьян, особенно за счет преступ-

---

[1] *Ткачев П. Н.* Статистические этюды.— Библиотека для чтения. Октябрь. Спб., 1863, с. 28.

[2] *Филиппов М.* О судебной статистике в России. Спб., 1864, с. 146.

лений против государственной и частной собственности. Темпы роста преступности за этот период превышали темпы роста населения России: рост преступности в среднем составлял около 2 процентов в год, в то время как население возрастало менее чем на 1 процент.

В последней четверти XIX века преступность в России еще более возросла. За период с 1876 по 1889 год «общее число возникших дел...— отмечал русский статистик Е. Н. Тарновский,— возросло на 57%, по 4% ежегодно, тогда как население за то же время увеличивалось на 1,5%...» [1]. В дальнейшем число осужденных продолжало увеличиваться в следующих пропорциях: с 1885 по 1899 год — на 12 процентов, с 1899 по 1908 год — на 66 процентов [2].

Чем же объясняется такая бурная динамика преступности? Можно ли утверждать, что за половину столетия изменился генофонд русского населения и число носителей «преступной наследственности» возросло в несколько раз? Разумеется, нет. Основными причинами роста преступности в царской России были тяжелые социально-экономические условия жизни, усиливавшийся гнет буржуазно-дворянского государства, безжалостная карательная политика.

Общие черты капиталистического способа производства ярко проявились и в других странах, где имели место аналогичные процессы. В Германии за период с 1882 по 1898 год преступность росла вдвое быстрее численности населения. Во Франции с 1831 по 1880 год число обвиняемых возрастало в 7 раз быстрее,

---

[1] *Тарновский Е. Н.* Движение преступности в Европейской России за 1874—1894 гг.— Журнал Министерства юстиции, 1899, № 3, с. 124.

[2] См.: *Остроумов С. С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1960, с. 154.

чем население. Подобная же картина наблюдалась в Италии, Англии, США[1].

Великая Октябрьская социалистическая революция, означавшая изменение самих основ общественного строя в России, привела к существенным сдвигам в состоянии преступности. После окончания гражданской войны преступность в стране постепенно начала снижаться. По официальным данным судебной статистики, число осужденных за 1922—1926 годы снизилось в РСФСР более чем втрое. К 1926 году удельный вес хозяйственных преступлений уменьшился в 6 раз, имущественных преступлений — до 30 процентов. За 1927—1929 годы общее число уголовных дел сократилось еще на 15,5 процента[2]. Имеются все основания для того, чтобы связать сокращение преступности в тот период с постепенной успешной ликвидацией таких язв капиталистического общества, как эксплуатация, нищета, беспризорность. Крупные социальные преобразования, осуществленные в СССР в последующие годы, способствовали дальнейшему изменению динамики преступности в благоприятном направлении. За период с 1935 по 60-е годы преступность в СССР сократилась на 25 процентов[3].

В то же время динамика преступности в нашей стране, несмотря на благоприятную в целом тенденцию, была вовсе не однозначна. В разные периоды в зависимости от особенностей социальных ситуаций наблюдались «всплески» преступности. Так, после окончания Великой Отечественной войны в связи с трудностями восстановительного периода (низкий уровень промышленного и сельскохозяйственного произ-

---

[1] См.: *Остроумов С. С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России, с. 129—131.

[2] См.: *Кузнецова Н. Ф.* Преступление и преступность. М., 1969, с. 186—187.

[3] См. там же, с. 192.

водства, недостаточность мужского населения, потеря кормильцев и т. п.) возросло число таких преступлений, как посягательство на государственное и общественное имущество, кражи, преступления против личности. 60-е — начало 70-х годов характеризовались увеличением числа хулиганских проявлений. Это было связано, в частности, с тем, что к указанному времени подросло поколение молодежи, воспитывавшееся в неполных семьях (последствие войны).

Серьезные недостатки и даже провалы в экономике, в организации хозяйствования, в подборе руководящих кадров, в воспитательной работе и ряд других просчетов социально-экономического порядка привели в последние два десятилетия к увеличению случаев взяточничества, должностных злоупотреблений, хищения государственного и общественного имущества, к росту слоя людей, живущих на нетрудовые доходы.

В последние годы, как показывает статистика, выросла преступность среди молодежи, в том числе среди несовершеннолетних. Ее причина — распространение таких негативных явлений, как пьянство, наркомания, токсикомания.

Сказанное свидетельствует о недопустимости облегченного подхода к преступности — реально существующей социальной болезни, о недопустимости сокрытия фактов преступлений и приукрашивания действительности, ибо если один просчет ведет за собой и другие, то сокрытые просчеты вредят вдвойне и втройне. При этом никогда нельзя забывать о социально-психологических последствиях преступности, как и о тех материальных потерях, которые она приносит обществу и государству, причем не только прямо, но и косвенно.

Социальная практика дает и примеры успешного решения задач борьбы с преступностью, когда для

этого используются все имеющиеся возможности социализма. Многих преступлений, характерных для первых лет Советской власти (мешочничество, позже — откровенный бандитизм на железных дорогах), давно не существует. Общее количество тяжких насильственных преступлений сейчас меньше, чем в конце 70-х годов; несколько снизилось число преступлений насильственного характера на почве пьянства. Следует подчеркнуть, что в процессе борьбы с преступностью экономические, социальные, культурно-воспитательные меры находятся в теснейшей связи с мерами законодательными и деятельностью правоохранительных органов, а также с участием в этом деле широких слоев населения.

Все сказанное свидетельствует о том, что состояние преступности связано с такими факторами, которые обладают достаточной подвижностью и изменчивостью. Уже в прошлом столетии прогрессивные исследователи обоснованно связывали динамику преступности с изменениями в экономических, социальных, политических, психологических условиях жизни общества. Такого рода объяснения имеют серьезную научную основу и многократно проверены и подтверждены жизнью.

Что же касается связи динамики преступности с устойчивыми, стабильными факторами (например, с генофондом всего человечества или данной нации), то эта связь имеющимися данными не подтверждается. Объяснить указанные изменения в преступности с позиций генетики не представляется возможным.

Конечно, можно рассуждать следующим образом: поскольку преступность складывается из различных видов преступлений, то одни из них определяются социальными условиями, а другие — биологическими, причем под влиянием социальных условий изменяются количественные характеристики только преступле-

ний первого рода, и именно эти изменения сказываются на общей тенденции динамики преступности.

Чтобы это рассуждение было достаточно правдоподобным, необходимо установить, за счет каких видов преступности происходят основные изменения в ней. Приведенные выше данные, касающиеся дореволюционной России и Советского Союза, свидетельствуют о том, что самые значительные сдвиги в динамике преступности происходили за счет изменения структуры и числа имущественных преступлений, социальная основа которых вряд ли может быть подвергнута сомнению.

Но о стабильности других видов преступлений говорить также не приходится. Возьмем, например, данные о преступности в царской России с 1899 по 1908 год. За этот небольшой период в динамике и структуре практически всех видов преступлений произошли резкие изменения, которые никакими генетическими причинами объяснить нельзя, причем существенно менялось не только число преступлений, социальная природа которых не вызывает сомнений (таких, как кражи или преступления против порядка управления), но и число убийств, которые обычно рассматриваются как относительно устойчивые формы агрессивного поведения. Так, если число убийств в России в 1899 году принять за 100 процентов, то в дальнейшем оно менялось (по данным 29 окружных судов) следующим образом: 1903 год — 134 процента, 1904 год — 156, 1905 год — 215, 1906 год — 279, 1907 год — 290, 1908 год — 247 процентов. Рост продолжался и в последующие годы. Абсолютное число убийств в 1909 году составило около 30 тысяч, в 1913 году — свыше 34 тысяч.

Приведем и другой пример, относящийся уже к нашему времени. Число корыстных преступлений, совершаемых должностными лицами (хищения государственного и общественного имущества, взяточничест-

во, приписки и т. п.), в 70—80-х годах значительно возросло, особенно в Узбекистане, Туркмении, Казахстане, Азербайджане, ряде областей РСФСР. Понятно, что за столь короткий срок генетических изменений произойти не могло. Союзные республики и области РСФСР неоднозначны по национальному составу населения и должностному положению лиц, участвовавших в преступлениях. Социальные причины этих изменений очевидны. И их корни в тех застойных тенденциях, которые привели нашу экономику к предкризисному состоянию.

Таким образом, утверждение о генетическом происхождении преступности, судя по приведенным данным, остается умозрительным. Изучение динамики преступности за многие десятилетия в различных странах свидетельствует о том, что ее движение подчиняется совершенно иным закономерностям по сравнению с теми, которые свойственны генетике популяций.

3. Территориальные различия преступности

Мы уже отмечали, что генофонд человечества не подвержен таким быстрым изменениям, как те, которые можно наблюдать за несколько лет и десятилетий в динамике преступности. Устойчивость генофонда имеет и пространственный, территориальный аспект. Проведенные за многие годы в разных странах медико-биологические, антропологические и генетические исследования приводят к выводу о том, что в генофонде людей, долгое время живущих на одной и той же территории, как правило, нет существенных, принципиальных различий. «...Эти различия как внутри популяций, так и между популяциями и расами касаются второстепенных признаков. Они ничтожны по сравнению с тем общим генетическим фундаментом, который

для всех людей на Земле составляет биологическую основу вида человека...»[1]

Что же касается территориальных различий в преступности, то они, напротив, весьма значительны. Обратимся к некоторым криминологическим данным.

Уже в XIX столетии были замечены существенные различия в состоянии преступности в разных регионах, расположенных на территории одной страны. Е. Н. Тарновский, исследуя зависимость динамики имущественных преступлений в России от колебаний в размерах урожаев и цен на хлеб в различных губерниях, пришел к выводу, что разный уровень преступности тесно связан с этими экономическими факторами: где выше колеблемость цены на рожь, там больше колеблется преступность[2]. Цена на хлеб представляла собой интегрированный показатель, более или менее точно отражавший уровень экономического развития отдельных регионов, равно как и некоторые другие социально-экономические условия жизни населения.

Особенно заметным в царской России был разрыв в уровнях преступности в городе и деревне. Достаточно сказать, что в 1912 году на 100 тысяч человек населения в сельской местности приходилось 74 осужденных, в городах с населением до 100 тысяч жителей — 276, а с населением свыше 100 тысяч — 307 осужденных.

Существенные различия в преступности на территории одного и того же государства можно наблюдать и в наше время. Как отмечает американский ученый Э. Шур, в пределах Соединенных Штатов в этом отношении имеются значительные региональные и даже

[1] *Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека. М., 1976, с. 171.

[2] См.: *Тарновский Е. Н.* Влияние хлебных цен и урожаев на движение преступлений против собственности в России.— Журнал Министерства юстиции, 1898, № 8, с. 102.

локальные различия: на юге страны в течение ряда лет происходит рост нападений и убийств, в тихоокеанских штатах отмечается большая распространенность тяжких преступлений против личности и имущества. В то же время преступлений против личности меньше совершается в Новой Англии, а крупных имущественных преступлений — в штатах юго-востока страны. Анализируя эти данные, автор подчеркивает, что мало ограничиваться констатацией указанных явлений. «Рассматривать рост преступности как свидетельство того, что среди нас просто очень много плохих, жестоких людей, и «объяснять» наши проблемы преступности их присутствием, как хотели бы некоторые, значило бы уходить от раскрытия их основных причин». А эти причины — «социальные неурядицы и неумное применение законов...» [1].

Наглядным примером различий в уровне преступности жителей, обладающих одним и тем же генофондом, может служить положение дел в ГДР и ФРГ. Как известно, обе эти страны стали самостоятельными государствами лишь после второй мировой войны. В послевоенный период преступность в ГДР снижалась как в абсолютных цифрах, так и в относительных показателях. Если в 1950 году в ГДР было совершено 230 тысяч преступлений (1251 на 100 тысяч человек населения), то в 1960 году — 139 тысяч (806), а в 1969 году — 106 тысяч (620). В то же время преступность в ФРГ постоянно росла: в 1967 году было совершено 2 миллиона преступлений (3465 на 100 тысяч человек населения), а в 1969 году — 2 миллиона 217 тысяч (3645). Таким образом, интенсивность преступности в ФРГ оказалась почти в 6 раз выше, чем в ГДР [2]. Различия по отдельным видам преступлений еще сильнее.

[1] *Шур Э.* Наше преступное общество. М., 1977, с. 59.

[2] См.: *Остроумов С. С.* Советская судебная статистика, с. 296—297.

Так, в 1968 году на 100 тысяч человек в ФРГ по сравнению с ГДР было совершено грабежей в 8 раз больше, краж и растрат — в 9 раз, мошенничеств — в 11 раз, повреждений имущества — в 23 раза[1]. А ведь обе эти страны населены людьми, имеющими один и тот же генофонд. Указанные различия в состоянии преступности в ГДР и ФРГ нельзя объяснить ничем, кроме различий социально-экономического и политического порядка.

Анализу территориальных различий в преступности уделяется большое внимание в трудах советских ученых. На больших пространствах нашей страны легче проследить разницу в социальных, экономических и культурных условиях жизни населения, изучить реальные факторы, влияющие на общественные процессы, позитивные или негативные, к числу которых относится и преступность.

Остановимся, например, на итогах исследования, которое было проведено коллективом Всесоюзного института проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР и базировалось на криминологической картине 1961—1975 годов, характеризовавшейся заметными и достаточно устойчивыми различиями в показателях преступности как по союзным республикам, так и по областям, краям и автономным республикам. В некоторых случаях эти различия достигали в абсолютном выражении семикратного, а в коэффициентах на 100 тысяч жителей — четырехкратного размера[2].

Для выяснения причин подобных различий были отобраны две области РСФСР, в которых уровень пре-

---

[1] *Harrland H.* Die Kriminalität in DDR.— Neue Justiz, 1970, № 14, S. 409—410.

[2] См.: Социологические исследования, 1977, № 1, с. 75—76. См. также: Актуальные вопросы предупреждения правонарушений. Тбилиси, 1981, вып. 1, с. 30 и далее.

ступности и ее качественные показатели (в расчете на 100 тысяч жителей) на протяжении последних 10—12 лет устойчиво различались в 2—2,5 раза. Следует отметить, что отобранные области были сходны между собой по таким признакам, как национальный состав населения (в основном русские), отсутствие районов нового промышленного освоения, малое число исправительно-трудовых учреждений, невысокая концентрация ранее судимых лиц. Различались эти области в основном народнохозяйственными функциями (одна область промышленная, другая — сельскохозяйственная), а также плотностью населения и численностью сельских и городских жителей.

Сравнительный анализ социально-демографических, экономических и других показателей, относящихся к обеим областям, привел к выводу о том, что существенное различие в уровнях преступности между ними имеет рациональное объяснение. Прежде всего, была установлена убедительная зависимость между более высоким уровнем преступности и преобладанием в составе населения определенных социально-демографических групп, характеризующихся повышенной криминогенностью (мужчины в возрасте 25—29 лет; городские жители с низким образовательным уровнем и др.). Оказалось, что более высокий уровень преступности в одной из этих областей обусловлен на 22 процента различиями в социально-демографической структуре населения, а на 78 процентов — более высокой криминогенной активностью населения.

Последнее обстоятельство требовало особого изучения. Конечно, трудно представить, чтобы повышенная криминогенная активность населения одной области объяснялась его генетическим составом. Как уже отмечалось, национальный состав населения был одинаков. Дальнейший анализ показал, что причины различий в уровне преступности связаны: а) с особеннос-

тями социальных типов преступников, преобладающих в той или иной области; б) с различной интенсивностью конфликтных ситуаций, складывающихся в жизни населения; в) со степенью распространенности таких видов асоциального поведения, как пьянство, тунеядство и др.; г) с особенностями нравственно-правового сознания населения; д) с различиями в таких социально-экономических и демографических факторах, как характер и условия труда, интенсивность миграции населения и др. По поводу последнего достаточно сказать, что в области с более высокой преступностью доля мигрантов в общей массе осужденных оказалась в 3 раза больше, чем в другой области [1].

Результаты исследования говорят о том, что наибольшую долю среди осужденных в обеих областях составляют лица, занятые преимущественно неквалифицированным физическим трудом (61,5 и 61,2 процента). Это обусловлено не столько характером выполняемой работы, сколько рядом других обстоятельств, тесно связанных между собой: уровнем образования и квалификации работников, уровнем их общественной активности, структурой потребностей, социальными установками и ценностными ориентациями, а также общими социально-экономическими условиями жизни населения.

В 1985 году сотрудниками Всесоюзного института проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР было проведено исследование причин различий преступности в семи регионах РСФСР. Были взяты области и автономные республики, различающиеся по географическому положению и по социально-экономическим характеристикам, но отличающиеся высоким уровнем либо преступности в целом (например, Тувинская АССР), либо отдельных ее ви-

---

[1] См.: Социологические исследования, 1977, № 1, с. 81.

дов — корыстной или насильственной (например, Ленинградская, Свердловская, Ростовская области и др.).

Углубленное изучение имеющихся материалов показало, что во многих случаях ранее существовавшие представления о преступности и объяснения ее причин являются поверхностными и не выдерживают критики. Так, длительное время довольно высокий уровень преступности в Ростовской области, в частности краж государственного и личного имущества, грабежей и разбойных нападений, объяснялся тем, что через Ростов проезжает значительное число лиц без определенного места жительства и занятий. Изучение же конкретных данных показало, что подавляющее большинство преступлений (95%) совершают местные жители. В Свердловской области высокую преступность ранее объясняли наличием в ней исправительно-трудовых учреждений. Однако и этот аргумент оказался несостоятельным: подавляющее число преступлений совершалось местными жителями. Напротив, на обстановку в Ленинградской области значительное отрицательное влияние оказало то, что здесь на многочисленных новостройках работало немалое число приезжих, освободившихся из мест лишения свободы, социально запущенных, потерявших полезные социальные связи, а также лиц завербованных, тоже недостаточно организованных и приученных к социальной дисциплине. Констатация данных фактов важна не сама по себе, а для того, чтобы осуществлять необходимые организационные и воспитательные меры, причем по отношению к таким работникам, которые отнюдь не относятся к сознательным и передовым слоям трудящихся.

Условия производства, оплата труда, его организация, состояние культурно-воспитательной работы, бытовые условия, социальный состав населения — постоянного и временного, уровень работы правоохранительных органов — все это определяет различия

преступности на разных территориях. Не последнюю роль играют и национальные особенности, характерные черты образа жизни, культура и психология населения. При этом концентрация в одном месте (на территории, на предприятии и т. д.) значительного числа ранее судимых, а значит, социально запущенных лиц создает дополнительные трудности в организации воспитательной работы.

Как показывают криминологические исследования, в самом общем виде различия в уровне, структуре и динамике преступности объясняются тем, что в разных регионах, где проживает генетически одинаковое население, существуют весьма различные социальные, экономические и психологические факторы, влияющие на поведение людей и различающиеся интенсивностью или же действующие в разных сочетаниях [1]. Эти исследования убедительно подтверждают тесную связь преступности с социальными условиями жизни людей.

Значительный интерес представляет вопрос о преступлениях, совершаемых по неосторожности, и о личности самих преступников. Бытует мнение, что здесь мы имеем дело и с особым видом преступности, которая вроде бы и вовсе не преступность, и с особыми преступниками, которые тоже вроде бы и не преступники или «полупреступники». При этом обычно ссылаются на автотранспортные преступления, утверждая, что их может совершить практически любой человек. Создается иллюзия «чисто профессиональной неосторожности», случайности, а на этой основе и ведется речь об особом типе «преступника — не преступника». Преступника потому, что закон предусматривает за эти преступления ответственность. «Не преступника» потому, что «закон-то, конечно, есть, но он, может

---

[1] См.: *Бабаев М. М.* Демографические процессы и проблемы территориальных различий преступности.— Вопросы борьбы с преступностью. М., 1974, с. 4.

быть, закон не о преступлении, а о чем-то другом» (о чем?). Конечно, от случайностей никто не гарантирован, но все-таки даже преступления подобного рода, как и те, кто их совершает, вовсе не что-то исключительное.

Между тем по неосторожности совершаются не только автотранспортные преступления, а, скажем, и нарушения правил техники безопасности, которые могут повлечь за собой весьма тяжкие последствия, и нарушения правил производства работ и эксплуатации сложнейших агрегатов, а это, как показали печальные уроки Чернобыля, может вызвать последствия куда более опасные, чем все умышленные преступления, вместе взятые.

Кроме того, как известно, каждое второе транспортное преступление совершается лицом, находящимся в нетрезвом состоянии. Но ведь это относится и к большинству случаев хулиганства, и к кражам. Значит, есть и что-то общее (в криминологическом плане и в характеристике личности) между этими, казалось бы, самыми различными преступлениями. Поэтому говорить о какой-то «специфике» преступника в данном случае не приходится. Здесь действуют одинаковые стереотипы поведения, установки, побудительные мотивы (скажем, лихость при обгоне или «лихость» в обращении с незнакомым человеком). И вряд ли можно в подобных случаях говорить о каких-то преступниках с «положительными социальными позициями». Если человек пьет и садится за руль автомашины, то его «положительная позиция» явно сомнительна. Если человек, зная о возможных опасных последствиях управления каким-либо сложным агрегатом, выполняет свои обязанности (в трезвом состоянии!) небрежно, то и здесь говорить о «положительном преступнике» не приходится. Конечно, в общесоциальном плане сравнивать его, скажем, с убийцей нельзя. Но ведь и

понимание (и законодательное закрепление) преступного деяния не исчерпывается убийствами, кражами и иными очевидными для всех формами. И уж конечно о генетических причинах подобных преступлений говорить не приходится.

Уровень и состояние преступности даже в одной стране, в пределах одного региона рисуют сложную, пеструю картину, совершенно не совпадающую с генетической картой популяции. Вот почему представляется достаточно обоснованным вывод о том, что генетическими причинами невозможно объяснить состояние преступности, ее структуру, динамику и территориальные различия.

Правда, в качестве возражения можно было бы выдвинуть гипотезу, согласно которой массив преступности имеет генетическое малоизменяемое «ядро» и социальную «периферию», меняющуюся во временно́м и территориальном разрезах. Эти изменения «периферии» мы и наблюдаем, характеризуя преступность в качестве пестрой и сложной картины, но не видим устойчивого генетического «ядра», остающегося во времени неизменным. Эта гипотеза носит умозрительный характер. Для ее доказательства или опровержения недостаточно одних общих статистических сопоставлений, подобных приведенным выше. Нужно обратиться к более глубокому изучению тех явлений, которые могут иметь генетическое происхождение, использовать иные методы. Одним из таких методов является изучение специально отобранных групп.

* * *

Прежде чем перейти к названному методу, суммируем выводы, полученные из проведенных выше криминолого-генетических сопоставлений.

Во-первых, анализ временны́х различий в состоянии и структуре преступности (изменение ее динамики)

показывает, что эти различия довольно существенны и происходят на протяжении весьма коротких промежутков времени. Никакие генетические изменения популяции за такое время были бы невозможны.

Во-вторых, об отсутствии связи преступности с генетикой популяции свидетельствует и анализ территориальных различий в состоянии и структуре преступности. На территории регионов, где проживает однородное в генетическом отношении население, уровень преступности бывает столь различным, что это невозможно объяснить генетическим разнообразием.

Отсюда правомерно общее заключение о том, что в своем статистическом, массовом выражении преступность не может иметь генетического объяснения.

Рассмотрим теперь немного подробнее гипотезу относительно «генетического ядра», о которой мы упомянули ранее. Прежде всего следует определить максимальные размеры этого ядра, если оно существует. Очевидно, эти размеры зависят в первую очередь от величины временны́х и территориальных различий в преступности, установленных криминологами. Так, если преступность за какой-либо период времени снижается или возрастает, скажем, на 20 процентов, и это изменение не имеет само по себе генетического происхождения, то «ядро» может размещаться лишь в устойчивом «остатке», составляющем в данном случае 80 процентов.

Каков же в действительности этот устойчивый остаток? Он образуется путем вычитания из минимальных цифр преступности в том или ином регионе всех изменяющихся величин. Минимальные цифры для региона определяются, в частности, путем сравнения уровня преступности в соседних областях.

Поясним сказанное на примере двух областей РСФСР, о которых говорилось ранее. Если число преступлений, совершенных в первой области за год, при-

нять за 100, то во второй, в расчете на то же число жителей, их окажется 40. Кроме того, следует учесть изменения в состоянии преступности в обеих областях во времени. За изученное десятилетие эти изменения (рост и снижение) происходили в интервале до 20 процентов. Следовательно, устойчивая часть преступности во второй области составляет около 80 процентов от ее общей величины, т. е. не более 32 преступлений.

Можно ли утверждать, что эти 32 преступления и есть та величина, которая имеет генетическое происхождение? Прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрим, из чего она складывается.

В структуре преступности в нашей стране наблюдается достаточно устойчивое распределение основных видов преступлений. Например, хищение государственного и общественного имущества в процентах (к общему числу преступлений) составляют — 17, похищение личного имущества граждан — 16, убийство, телесное повреждение, изнасилование и другие преступления против личности — 17, хулиганство — 24 и т. д.[1]

Некоторые из этих преступлений и без специальных исследований легко могут быть объяснены социально-экономическими причинами. Это касается, например, хозяйственных, должностных, а также многих других преступлений. Социально-экономическими причинами порождаются и все виды имущественных преступлений, совершаемых по корыстным мотивам. Все это составляет в сумме около 60 процентов преступлений. Как уже отмечалось в литературе, проблема социального и биологического «локализуется главным образом в изучении насильственных преступлений, преступлений несовершеннолетних, дезадаптивной (рецидивизм, бродяжничество) и неосторожной преступности. Для ос-

---

[1] См.: *Остроумов С. С.* Уголовная статистика и борьба с преступностью. М., 1975, с. 26.

тальной преступности она практически значимой роли не имеет...»[1].

Таким образом, «на подозрении» в смысле генетической обусловленности остаются лишь преступления против личности, хулиганство и неосторожные преступления, составляющие в целом около 40 процентов. Если же эту долю взять по отношению к тем 32 преступлениям, которые мы отнесли к устойчивой части, то «подозрительными» на генетическую обусловленность будут лишь около 13 преступлений из ста.

Но и это еще не все. Если проанализировать мотивы преступлений против личности, входящих в эти 13 процентов, то оказывается, что корысть составляет среди мотивов около 9 процентов, месть — 19, ревность — 11, хулиганские побуждения — 29, мотивы, связанные со ссорами и драками,— свыше 20, прочие — около 11 процентов[2]. Видимо, трудно связать с генетическими причинами такие мотивы, как корысть, месть или ревность, в сумме образующие около 40 процентов. То же и с хулиганством.

Таким образом, объем «генетического ядра», если исходить из предположения о его существовании, может составлять не более 6—8 случаев из ста преступлений. Для того чтобы установить, существует ли такое «ядро» на самом деле, перейдем теперь к обзору исследований, проведенных в рамках так называемых отобранных групп. Именно этот метод позволяет более подробно изучить тех конкретных лиц, которые обладают особенностями, вызывающими различного рода генетические «подозрения».

---

[1] *Кузнецова Н. Ф., Лейкина Н. С.* Криминологический аспект соотношения социального и биологического.— Советское государство и право, 1977, № 9, с. 103.

[2] См.: *Остроумов С. С.* Уголовная статистика и борьба с преступностью, с. 35.

Глава V

ИЗУЧЕНИЕ ОТОБРАННЫХ ГРУПП

1. Социальные, демографические и криминологические группы

Прямым продолжением исследований, связанных с анализом состояния, структуры и динамики преступности в целом по стране или по региону, является изучение преступности различных классов и слоев населения, видов преступности и преступников, а также демографических групп, отобранных по признакам возраста, пола, состава семьи и другим.

Изучение преступности и преступников методом отобранных групп позволяет дать четкую криминологическую их характеристику, что помогает разработать оптимальные меры предупреждения преступности, а в последующем и организации индивидуальной воспитательной работы с конкретными лицами. При этом указанный метод оказывается тем эффективнее, чем более используются данные смежных наук, в частности социологии, демографии, общей и юридической психологии. Не последнюю роль играет также совместная работа криминологов с психиатрами, а в последнее время и с генетиками. В результате этих исследований криминологи пришли к выводу, что преступников можно разделить на три большие группы: совершающих насильственные, корыстные и корыстно-насильственные преступления. Внутри этих групп исследова-

тели выделяют более конкретные, ближе друг к другу лежащие группы, исходя из характера преступности, особенностей конкретных ее видов, степени общественной опасности, социально-психологических характеристик лиц, совершающих преступления. Данный метод исследования (в совокупности с другими, о которых речь пойдет ниже) позволил диалектически «соединить» преступные деяния с личностью преступника. Известное ленинское положение о том, что о сущности личности мы можем судить по ее поступкам, свидетельствует о недопустимости противопоставления личности деянию, отрыва их друг от друга, что служит гарантией от односторонности в научном исследовании при использовании метода отобранных групп.

При изучении специально отобранных групп населения, в том числе групп, совершающих сходные по характеру преступления, вступают в силу требования, обязательные для социологического исследования. К ним, в частности, относятся: четкие границы (признаки) группы; репрезентативность (представительность) группы по отношению к населению; сравнимость ее показателей с показателями контрольной группы; недопустимость экстраполяции (распространения) выводов, полученных при исследовании, на другие группы или на население в целом.

Изучение преступности различных слоев населения, разных видов преступности и преступников и демографических групп предпринималось уже давно как в нашей стране, так и за рубежом. Не новы и попытки биологического объяснения существующих различий в преступности мужчин и женщин, городских и сельских жителей, представителей различных классов и профессий.

Идея о наследственной неполноценности целых классов и рас стала усиленно развиваться во второй половине XIX столетия. Широкую известность получи-

ла теория английского буржуазного экономиста Т. Мальтуса, согласно которой средства существования людей увеличиваются в арифметической прогрессии, а численность населения — в геометрической прогрессии. Исходя из того, что рост населения происходит в основном за счет низших классов, Мальтус требовал ограничить их рождаемость. Учение Мальтуса об абсолютном перенаселении за счет биологически малоценных групп населения, в чем он видел источник всех социальных зол, было использовано для обоснования так называемой политической антропологии (социального дарвинизма).

С позиций этого учения главным двигателем общественного развития признается борьба за существование, естественный отбор. Распространение биологических закономерностей на классы и социальные группы приводило к утверждению, что трудящиеся, пролетариат — это низшая раса людей, социально и биологически неполноценных. В «доказательство» приводились данные уголовной статистики, свидетельствующие о значительном числе осужденных из неимущих классов. Социал-дарвинисты выступали против облегчения жизни низших классов и угнетенных рас, полагая, что это ведет к «ослаблению естественного отбора». Английский философ Г. Спенсер считал, что забота о больных, социальная гигиена, охрана материнства и детства, в сущности, противоречат принципам естественного отбора, согласно которым мир устроен так, что «выживает сильнейший».

Социал-дарвинистские теории имеют своей целью оправдать существующую в буржуазном обществе социальную структуру, а значит, и неравенство,— идет ли речь о возможностях заработать себе на жизнь, получить образование или занять надлежащее место в обществе. Усилия авторов подобных теорий «сконцентрированы главным образом на том, чтобы возложить

всю вину за антисоциальное поведение на «генетически ущербных индивидов» с якобы нарушенной наследственностью, в то время как истинные причины такого поведения следует искать в невыносимых условиях жизни в гетто, нищете и безработице»[1].

Между тем многочисленные исследования прогрессивных социологов, юристов, демографов, проводившиеся еще с прошлого века, убедительно показали, что различия в состоянии и динамике преступности разных классов и слоев населения имеют ярко выраженную социально-экономическую природу. Русский исследователь Е. Н. Анучин, например, приводил следующие данные о лицах из различных сословий, приговоренных к ссылке в Сибирь, за 1827—1846 годы (в расчете на 100 тысяч человек из каждого сословия)[2]: заводские и фабричные рабочие — 686, дворовые — 584, дворяне — 302, мещане — 290, духовенство — 163, купечество — 150.

Отсюда видно, что наиболее суровым репрессиям подвергались рабочие. Не следует, однако, думать, что представители привилегированных сословий отличались более высокой степенью нравственности или правомерности поведения. Из данных той же статистики вытекало, например, что из числа осужденных к ссылке в Сибирь за святотатство бóльшую часть составляли представители духовенства, а за изнасилование — дворяне. Никакими генетическими различиями между классами и сословиями, если бы они даже и существовали, объяснить это явление невозможно.

Большой криминологический интерес представляет сравнение состояния преступности мужчин и женщин. История уголовной статистики свидетельствует

---

[1] *Чавкин С.* Похитители разума, с. 24.

[2] См.: *Анучин Е. Н.* Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. Спб., 1873, с. 103—104.

о том, что в численном составе правонарушителей, как правило, преобладают мужчины.

Относительно стабильные показатели уровня женской преступности послужили основанием для ряда неверных утверждений, в частности для утверждения о том, что постоянный удельный вес женской преступности подтверждает биологическую обусловленность преступлений женщин и мужчин.

Однако мнение о стабильности уровня, динамики и структуры женской преступности во все времена и во всех странах является ошибочным. Далеко не стабильна, например, динамика преступлений женщин в США: с 1900 по 1972 год число арестов среди женщин росло здесь в 3 раза быстрее, чем среди мужчин. При этом даже в таком традиционно «мужском» преступлении, как грабеж, женская преступность обгоняла мужскую: 277 процентов против 169. С 1965 по 1975 год женская преступность в США возросла почти по всем видам преступлений, причем по таким, как убийство, на 61 процент, кража — на 139, мошенничество — на 136, продажа и употребление наркотиков — на 1032, вождение автомашины в пьяном виде — на 211 процентов. Естественно, что о биологической обусловленности таких сильных колебаний не приходится и говорить. Здесь действуют социальные факторы, связанные с процессами снижения уровня нравственного и правового сознания части женского населения.

Причины различий в уровне преступности среди мужчин и женщин коренятся прежде всего в исторически сложившихся различиях в структуре поведения, характере выполняемых социальных ролей, функций, возлагаемых обществом на лиц того или иного пола. Легко понять, что какие-либо генетические объяснения здесь вряд ли возможны.

Социальная природа различий в преступности мужчин и женщин отмечалась еще дореволюционными

юристами. Е. Н. Анучин подчеркивал, что неблагоприятные условия общественного положения женщины, а не физиологические особенности ее организации — вот что ставит ее в неравное положение в семейно-бытовых и прочих конфликтах[1]. Это признают и прогрессивные западные ученые[2]. Разумеется, было бы ошибочно недооценивать биологические особенности женского организма, которые в значительной мере предопределяют выбор женщиной профессии, выполнение ею определенных функций, социальных ролей. Но это обстоятельство отнюдь не может служить генетической причиной преступности, а лишь объясняет биологическую обусловленность социального статуса женщины, который в зависимости от совокупности внешних и внутренних условий жизни человека бывает по-разному связан с антиобщественным поведением.

Различия в состоянии преступности установлены и между людьми, принадлежащими к разным возрастным группам. Изучение сведений о числе лиц, совершивших преступление, по соответствующим возрастным группам[3] показывает, что основное число правонарушителей приходится на лиц в возрасте от 16 до 25 лет. Именно в этом возрасте ослабляются традиционные рамки семейного контроля и еще не успевают вступить в полную силу иные формы общественного воздействия.

Анализируя соответствующие статистические данные, С. С. Остроумов отмечает, что они, в частности, «наглядно подтверждают непосредственную связь между преступностью и низким общеобразовательным и культурным уровнем... Основное значение приобретают здесь нравственно-психологические свойства

---

[1] См.: *Анучин Е. Н.* Исследование о проценте сосланных в Сибирь в период 1827—1846 годов. Материалы для уголовной статистики России, с. 38.

[2] *Radzinowicz L.* Womens criminality. L., 1974, p. 31.

[3] См.: Советское государство и право, 1969, № 1, с. 118.

субъекта, его антиобщественная мотивация, его потребности и интересы»[1].

Это высказывание основывается на исследованиях преступности 20—40-х годов и первых послевоенных лет. Для того времени вывод о более низком образовательном и культурном уровне преступников по сравнению с не преступниками был правильным. Но в современных условиях он уже не оправдывает себя, поскольку повысился уровень образования всей массы лиц, совершающих преступления, не говоря о больших различиях в этом плане между отдельными категориями преступников. Все это еще раз свидетельствует о том, сколь значительно меняются социальные характеристики человека в течение сравнительно небольших отрезков времени.

Что же касается замечания С. С. Остроумова о необходимости учета нравственно-психологических черт людей, то оно имеет важное значение и при исследовании разного рода групп преступников. Сектором юридической психологии Всесоюзного института проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР (руководитель А. Р. Ратинов) изучались в этом плане группы преступников, выделенные в соответствии с характером преступления: совершившие убийства, хулиганство, кражи, разбои и грабежи, а также должностные преступления и хищения.

Среди *убийц* 51 процент составляли лица в возрасте до 25 лет, до 30 лет и старше — 15, 45 лет и старше — 34 процента. Холостых среди них — 60 процентов, женатых — 31, разведенных — 9 процентов. Каждый второй из тех, кто к моменту преступления имел семью, считал свой брак неудачным. Образование у всех не ниже 8 классов (в 20—30-х годах образование у убийц было в основном в пределах от нулевого до 4

---

[1] *Остроумов С. С.* Советская судебная статистика, с. 316.

классов, за исключением «шумных» дел в слоях интеллигенции). Психологическую характеристику этой группы можно свести к следующему. По своим взглядам они преимущественно циники, близости с людьми нет, и потребности в ней они не испытывают, при этом каждый третий из обследованных сам считал, что нет людей, к нему расположенных. Общественные интересы им также чужды, общественная деятельность для них — «излишние хлопоты». Эгоизм — главнейшая черта их характера. А отсюда отсутствие веры в возможность хороших отношений между людьми. Прожитую жизнь оценивают пессимистически, считают, что жизнь прошла мимо них, но своей вины в этом не видят. Ретроспективный анализ становления их как личностей, равно как и условий, в которых они формировались, показывает, что детство их проходило, как правило, в конфликтных семейных условиях, скандалах и ссорах между родителями, включая рукоприкладство и иные виды насилия. Отсюда жизнь «с позиции силы» считается ими нормальной. Время предпочитали проводить в микрогруппах, злоупотребляющих алкоголем, исповедующих пренебрежение к окружающим и прибегающих к насильственным методам разрешения конфликтов.

Подавляющее большинство *хулиганов* имеет возраст до 25 лет. Образование также не менее 8 классов (по этому показателю также значительное различие с данными исследований прежних лет). В семьях тепла между родственниками не было. Взгляды на семью и отношения между людьми складывались под влиянием бесконечных конфликтов старших, преимущественно на почве пьянства, применения насилия. Рано пристрастились к алкоголю сами. Свои условия жизни лица, совершившие хулиганство, оценивают в 3—4 раза хуже, чем преступники других групп. Считают себя ущемленными в жизни, так как испытывают осуждение со

стороны окружающих. Несамокритичны, всегда и во всем винят других. Отсюда внутренне созревающая и выходящая наружу потребность «разрядиться». Подобное состояние нарастания «протеста» является хорошим опровержением теории о «безмотивности» хулиганства и некоторых других близких к нему видов преступлений.

Воры по возрасту в среднем старше убийц и хулиганов. В обследованной группе, включавшей тех, кто уже имел преступный «опыт», одна треть была старше 30 лет. Среди этой категории преступников больше было в прошлом служащих, причем треть с довольно значительным трудовым стажем. Каждый второй имел опыт семейной жизни (29 процентов — женатые, 21 — разведенные, 50 процентов — холостые). По своему отношению к жизни и моральным ценностям они ближе к обследованным группам законопослушных граждан. Во всяком случае, насильственные методы отношений между людьми не исключают, но и не считают их необходимыми. В то же время отличаются эгоизмом, индивидуализмом. Жилищно-бытовые условия, как правило, в детстве были лучше, чем у первых двух групп. Но взаимоотношения в семье протекали тоже негладко. Играло роль и то, что внешнее поведение родителей расходилось с внутренними установками. Наблюдались завышенные материальные притязания, которые стали жизненной установкой рассматриваемой категории преступников.

Лица, *совершившие разбой,* относятся по преимуществу к молодежи. 80 процентов из них не достигли 24 лет, 3 — тридцатилетия. Как правило, еще неженатые, образование восьмилетнее, преимущественно рабочие с небольшим стажем. По складу характера эгоистичны, несамокритичны, пренебрегают общепризнанными социальными ценностями, интересами других людей. У них заниженная оценка значения семейной

сферы, брака. Предпочитают «жить беззаботно» (60 процентов), иметь материальный достаток (80 процентов). Средства достижения этих целей могут быть какими угодно. Воспитание в семье неблагоприятное, отношения с родственниками плохие. Среди ближайшего окружения много ранее судимых главным образом за преступления насильственного характера (свыше 50 процентов).

Мы видим, что изучение отобранных групп позволяет выявить социальное лицо их представителей, то общее, что формирует личность людей, вставших на преступный путь, своего рода групповую, хотя и искаженную психологию, своеобразный «образ жизни». Получение этих данных есть первый шаг к разработке системы предупредительных мер общего порядка, а затем и к индивидуальной воспитательной работе.

Сказанное особенно наглядно видно на примере еще одной отобранной группы преступников — тех, кто совершил преступление, *используя свое должностное положение,* «близость» к социалистическому имуществу, на которое он посягнул, вместо того чтобы его приумножать и сохранять. В подавляющем большинстве этим преступникам от 30 до 40 лет. Социальный их статус — служащие, как правило с высшим образованием. Чаще всего это работники торговли, общественного питания, а в последнее время также работники предприятий, учреждений и организаций, планирующих работу и распределяющих фонды и материальные ценности. Наконец, в эту группу входят и те, кто не имеет прямого отношения к материальным ценностям, но влияет на их использование, на деятельность соответствующих предприятий и учреждений, на расстановку кадров в них. У них солидный стаж работы, высокие потребности в знаниях. Они подчас довольно стремительно продвигались по служебной лестнице, женаты, имеют детей.

Чрезвычайно чувствительны к оценке (преимущественно служебной — «сверху») своей деятельности. Отсюда декларативность суждений, приверженность демагогии, стремление быть на виду, высокая потребность в так называемой самореализации (что у хозяйственных работников, уличенных в преступлениях, можно назвать нереализованной деловой предприимчивостью). В то же время хождение «по лезвию ножа» (многие, не окончательно зарвавшиеся, надеются на то, что «рука наверху» выручит) приводит к заниженной оценке подлинной дружбы, к двойной морали. Условия формирования их личности иные, чем у представителей проанализированных выше групп преступников. В семье достаток, внешне все выглядит благополучно, сложности и неприятности маскируются, скрываются от детей, которые, кстати, их довольно быстро начинают видеть. Они нередко становятся лидерами в своих микрогруппах (40 процентов от числа изученных), считают, что умение находить общий язык с людьми — это гарантия успеха в жизни (83 процента). Уважение окружающих для них не самоцель, а средство к достижению поставленных корыстных целей (90 процентов). Каждый второй из них считает, что люди живут не на зарплату, что основным источником доходов являются посягательство на государственное и общественное имущество, различные махинации, спекуляция. Свой опыт они переносили на все общество, на всех людей, что и давало им возможность «с оптимизмом» смотреть в будущее и считать, что люди с их «умением жить» всегда будут нужны.

Сопоставление этих различных по характеру отобранных групп наглядно показывает, что именно определенные условия, воспитание, влияние микросоциального окружения являются основой формирования у людей антиобщественных взглядов и перехода их на преступный путь.

В связи с проблемой изучения отобранных групп следует рассмотреть вопрос о криминолого-психологической характеристике лиц, совершивших преступления *сексуального характера,* причину или ведущий фактор которых чаще всего усматривают в биологических предпосылках. Эти преступления совершают преимущественно молодые люди в возрасте до 24 лет (69 процентов), лица старше 30 лет составляют не более 4 процентов. Преобладают среди них неженатые (82 процента). Преступники этого рода менее других ценят материальные блага. Потребности в знаниях у них невелики. Их кредо: циничное отношение к любви, к семье. Жизнь представляется им интересной, но интерес этот они связывают с «досугом», заполняемым бесконечными развлечениями. Вседозволенность в поведении стимулировалась безнаказанностью, ибо жертвы их «развлечений» или сами были аморальны, или боялись огласки. Утверждению преступных наклонностей способствовало нередко и то обстоятельство, что их родители, даже обнаружившие указанные наклонности тогда, когда их можно было еще пресечь, либо не придавали им значения, либо даже потворствовали этим «слабостям», полагая, что дети должны «перебеситься».

Исследования показали, что преступность этого рода, как и формирование личности преступников, зависит не от биологических особенностей, тем более генетической запрограммированности, а от того, в каких социальных условиях формировалась личность (исключая, естественно, тех, кто совершал сексуальные общественно опасные деяния на почве психических болезней, поскольку, как вполне понятно, действия больных людей не являются преступлениями, что будет рассмотрено ниже).

Изучение отобранных групп показало также, что не существует и генетических причин повышенной (или

пониженной) преступности лиц разного возраста, разного пола, различной социальной принадлежности. Ни одно исследование социальных и демографических групп в этих аспектах не дает оснований для иных выводов.

Отмечая, что у многих психически неполноценных несовершеннолетних преступников родители имеют низкое образование и заняты неквалифицированным физическим трудом, В. П. Емельянов высказал предположение, что «здесь дело не только в социальных условиях, в желаниях, но и в способностях этих родителей к тому или иному виду деятельности, а их генетический потенциал не безразличен для их детей» [1].

Конечно, возможно, что часть лиц, занятых простым физическим трудом, действительно не обладают способностями для более квалифицированной работы. Но эта часть невелика и вряд ли связана с определенным дефектным генотипом.

Статистические данные и выборочные криминологические, генетические и криминолого-психологические исследования свидетельствуют о наличии существенных различий в состоянии и структуре преступности разных социальных и демографических групп населения (по полу, возрасту, образованию, социальному положению и другим показателям). Вместе с тем не вызывает сомнений, что все социальные и демографические группы, в которых проводились исследования преступности, относятся к одной и той же генетической популяции. Поэтому нет никаких оснований говорить о генетическом происхождении выявленных различий.

Однако вернемся к проблеме «устойчивого» генетического «ядра». Изучение территориальных и временных различий в состоянии и структуре преступности

---

[1] *Емельянов В. П.* Преступность несовершеннолетних с психическими аномалиями. Саратов, 1980, с. 49.

привело нас к гипотетическому представлению о том, что это «ядро» охватывает 6—8 процентов всей преступности и включает главным образом случаи агрессивной и неосторожной преступности.

Что же дает в этом отношении исследование социальных и демографических групп? Минимальный разрыв в уровне преступности по половым различиям составляет 40—50 процентов. Возрастные группы обнаруживают еще бо́льшие расхождения по уровню преступности; правда, они не показательны, поскольку можно думать, что генотип либо еще не развернулся в полной мере (при формировании личности), либо уже не оказывает влияния на поведение (в пожилом возрасте). Различия в состоянии и структуре преступности среди социальных групп колеблются (в нашей стране) в пределах от 20 до 60 процентов (в расчете на 100 тысяч лиц каждой группы). Все это говорит о том, что никаких устойчивых цифр преступности изучение социальных и демографических групп не дает и, по-видимому, дать не может. А ведь для доказательства генетического происхождения преступности были бы нужны именно устойчивые цифры.

2. *Исследование близнецов*

Если в рассмотренных ранее примерах основой исследования было единство социальных или демографических признаков представителей той или иной группы, то при изучении близнецов, напротив, ориентируются на единое генетическое начало, а именно на сходство (идентичность) генотипа, и устанавливают степень совпадения иных, в том числе и криминологических, признаков.

Исследование близнецов лишь часть работ, основанных на рассмотрении сходства и различия лиц, со-

стоящих в родстве между собой. Генетики изучали лиц разной степени родства, усыновленных детей и их юридических и биологических родителей, интересовались интеллектуальным развитием детей разного происхождения, находящихся в сиротских домах, сравнивали внутрипарные различия по интеллектуальным способностям у однояйцевых (монозиготных) и двуяйцевых (дизиготных) близнецов.

Исследования близнецов весьма распространены и имеют большую историю. Ее начало восходит к трудам английского психолога и антрополога Ф. Гальтона, который опубликовал статью на эту тему еще в 1876 году. В наше время близнецовый метод играет большую роль в многочисленных генетических исследованиях.

Значение близнецового метода состоит в том, что однояйцевые близнецы имеют совершенно идентичный генотип. Они рождаются в виде двух мальчиков или двух девочек. Сравнивая таких близнецов и оценивая величину внутрипарной корреляции (соответствия), можно установить, какие их особенности детерминированы генотипом и какие — воздействием условий среды. Эти близнецы отличаются поразительным сходством по совокупности морфологических, физиологических и физических качеств. Частота их рождения для разных рас колеблется от 3,2 до 5 на 1000 родов.

В первой четверти нашего века были проведены многократные исследования сравнительных особенностей однояйцевых и двуяйцевых близнецов, однако они не дали достоверных результатов, поскольку не было достаточных критериев для точного установления характера зиготности. После работ Г. Сименса [1], показавших заметное сходство однояйцевых близне-

---

[1] *Siemens H. W.* Die Leistungsfähigkeit der zwillingspathologishen Arbeitsmethode.— Zeitschrift Indikative Abstammunge.— Vererbungslehre, 1924, Bd. 33, S. 348.

цов по интеллекту, внимание исследователей к этой проблеме усилилось.

Для установления сходства по интеллекту у однояйцевых близнецов использовались различные методы, в частности методы тестирования[1]. На этом основании некоторые ученые сделали вывод о глубоком влиянии наследственности на интеллектуальное развитие ребенка. Однако постепенно накопились данные, заставившие исследователей более критично взглянуть на полученные результаты. Например, было показано, что заметное влияние на психику близнецов оказывают те специфические условия общей среды и взаимодействия, которые устанавливаются между ними.

Чтобы избежать влияния этих факторов, неблагоприятных для чистоты эксперимента, было проведено сравнение разобщенных однояйцевых близнецов, а также приемных детей с детьми, воспитывающимися в семье. В ряде случаев привлекались близнецы, которые, начиная с грудного или раннего возраста, жили порознь. В этих условиях, казалось бы, исключается влияние общей для обоих членов пары среды. Однако реальные исследования такого рода случаев вновь встретились с трудностями. Оказалось, что имело место не случайное, а выборочное распределение близнецов по семьям приемных родителей, занимавших экономически близкое положение. Это обусловливало сходство социальной среды, в которой происходило воспитание разобщенных близнецов в таких семьях.

Несмотря на трудности интерпретации данных, в ряде работ все же была сделана попытка количественно рассчитать соотносительную роль наследственности и среды в развитии интеллекта. Так, Л. Эрлен-

[1] См.: *Анастази А.* Психологическое тестирование. М., 1982.

мейер-Кимлинг и Л. Ярвик[1] пришли к выводу, что изменчивость интеллекта имеет сильную генетическую компоненту. По их подсчетам, различия по интеллекту на 70 процентов зависят от действия генов и на 30 процентов формируются под влиянием факторов среды. А. Дженсен[2] утверждал, что генотипическая компонента при формировании различий по интеллекту составляет 80 процентов.

Изучение вопроса о генетической обусловленности интеллекта проводилось, как правило, на школьниках. Однако в ряде работ[3] было показано, что сходство однояйцевых близнецов, живущих вместе, изменяется с возрастом. Как показало тестирование психологических признаков однояйцевых близнецов, проводившееся на протяжении нескольких десятилетий в Германии, с течением времени эти близнецы уже поразительно различались по ряду психологических особенностей. По данным А. Панасюка[4], анализ методом тестирования показал снижение степени похожести близнецов в возрасте 7—8, 9—11, 12—13 и 14—16 лет по большинству показателей интеллекта.

Таким образом, несмотря на идентичность генотипов у однояйцевых близнецов, а также при внешней общности условий среды в процессе деятельности у них возникают значительные психические различия. Все это заставило более осторожно подходить к ре-

---

[1] *Erlenmeyer-Kimling L., Jervik L. F.* Genetics and intelligence. A review.— Science, 1963, vol. 142, p. 1477.

[2] *Jensen A. R.* Genetics and Education. L., 1972, p. 379.

[3] См.: *Ушаков Г. К.* Особенности развития близнецов. М., 1977; *Кантонистова Н. С.* Исследование интеллектуальной деятельности близнецов.— Генетика, 1980, № 2, с. 351—359.

[4] См.: *Панасюк А.* О возможности использования адаптированного варианта методики Векслера при психологическом исследовании детей с интеллектуальной недостаточностью.— Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова, 1973, т. 3, № 10, с. 1538—1542.

зультатам исследований в области генетики интеллекта на основе метода близнецов. Сошлемся на две большие работы по этому вопросу. Р. Вильсон и А. Матени исследовали умственные способности у 276 пар однояйцевых и у 184 пар двуяйцевых близнецов[1]. Внутрипарная корреляция в первом случае составила 0,85, во втором — 0,62. В работе Адамса и других изучались все дети, родившиеся в Англии, Шотландии и Уэльсе в течение одной недели марта 1958 года[2]. Величина внутрипарной корреляции для однояйцевых близнецов составила 0,3. Авторы считают, что их расчет более обоснован, ибо он проведен на однородной по возрасту и полу выборке.

Н. С. Кантонистовой были изучены внутрипарные различия по интеллектуальным особенностям у 57 пар однояйцевых и 61 пары двуяйцевых близнецов[3]. Уровень развития отдельных сторон интеллекта оценивался с помощью 12 субтестов: первые шесть предназначены для оценки вербального мышления, остальные шесть — для невербального (наглядно-действенного). Оценка в каждом случае имеет числовое выражение.

Основные выводы, полученные автором после статистической обработки данных, свидетельствуют о наличии бо́льших внутрипарных совпадений по оценке субтестов у однояйцевых близнецов сравнительно с двуяйцевыми близнецами. Это установлено для 10 субтестов из 12. Автор считает, что эти факты гово-

---

[1] *Wilson R. S., Matheny A. P.* Retardation and twin concordance in infant mental development: reassement.— Behavior genetics, 1976, 6, 3, p. 313—358.

[2] *Adams B. P., Chosian M., Richardson K.* Evidence for a low upper limit of personality of mental test performance in a national semple of twince.— Nature, 1976, 263, p. 575.

[3] См.: *Кантонистова Н. С.* Исследование интеллектуальной деятельности близнецов.— Популяционная генетика, 1980, № 2.

рят о заметном влиянии генотипа на развитие интеллекта.

О роли генотипа судят по увеличению внутрипарного сходства у однояйцевых близнецов. Однако внутрипарное сходство может возникать у них и за счет соматико-темпераментного сходства, что влечет за собой более частые совпадения и в случае использования субтестов по оценке интеллекта. Схожесть языковой среды также далеко не безразлична для появления совпадений в «параметрах» интеллекта.

Как известно, уровень интеллектуальности очень лабилен и зависит от многих факторов среды. При сравнении близнецов с одиночно рожденными установлено, что у первых подавляющее число средних значений изученных показателей имеет более низкую величину. Это связано с ухудшением развития плодов в случае близнецовости. Установлено также отрицательное влияние на уровень интеллекта пониженного веса новорожденных, объясняемого неблагоприятными условиями развития плодов. При злоупотреблении родителями алкоголем в семье возникает психотравмирующая ситуация, что ведет к снижению интеллекта детей. То же имеет место и в случае распада семьи. В этих условиях возникает «близнецовая ситуация», которая «замыкает» близнецов друг на друга, отвлекая их от неблагоприятных психологических воздействий.

Значение социального фактора ярко проявляется при анализе становления интеллекта в процессе онтогенеза. В приводимой далее таблице представлены в качественной форме данные Н. С. Кантонистовой. Она исследовала с помощью указанных субтестов влияние генотипа и среды на интеллект у детей разного возраста.

В результате было констатировано падение роли генотипа и наряду с этим — возрастание роли среды:

в возрасте 14—16 лет только применительно к трем из 12 изученных субтестов можно говорить о влиянии генотипа. Согласно полученным данным, роль внешних факторов с возрастом увеличивается по целому ряду показателей интеллектуальной деятельности. Объем признаков, детерминируемых генотипом, падает с 66,6 процента в группе детей в возрасте 7—10 лет до 25 процентов в группе детей 14—16 лет.

Дальнейших онтогенетических исследований у нас не проводилось. Однако, судя по темпам падения роли генотипа в определении уровня развития интеллекта, можно полагать, что у взрослых эта роль исчезающе мала. Если это действительно так, то наследуемость генотипических особенностей интеллекта оказывается близкой к нулю.

Постепенное схождение на нет в процессе онтогенеза влияния генотипа на различия людей по интеллекту вызывает сомнения в самом существовании такого влияния. Как уже отмечалось, множество условий развития воздействует на становление интеллекта, в результате чего и появляются различия по интеллекту. Однако существования генотипически обусловленных различий, за исключением вызванных болезнями, поражающими мозг, до сих пор не доказано. В работах по близнецам пока не раскрыт и эффект «внутрипарной ситуации» в виде внутрипарной замкнутости, ограничения контактов близнецов с окружающими. В результате этот эффект, создающий сходство проявлений интеллекта, подчас принимается за эффект самого генотипа.

Нечеткость позиций в вопросе о детерминантах интеллекта особенно проявляется при оценке влияния образованности родителей на уровень интеллектуальности детей. Вслед за рядом авторов Н. С. Кантонистова стремилась показать наличие такого влияния. По ее данным, общий интеллектуальный показатель

Субтесты	Наличие генотипической компоненты в разные возрасты		
	7—10 лет	11—13 лет	14—16 лет
Вербальные:			
1. Эрудиция; способность к приобретению знаний в конкретной обстановке	+	+	—
2. Способность к применению знаний в конкретной ситуации, понимание общественных норм жизни	+	+	—
3. Способность к оперированию числами, решению арифметических задач	+	+	—
4. Способность к аналогиям и обобщению	+	—	—
5. Выделение наиболее существенных признаков предметов; словарный запас	+	+	+
6. Кратковременная и оперативная память	—	+	+
Невербальные:			
7. Наблюдательность	—	+	—
8. Логическое мышление на предметном уровне	—	—	—
9. Способность выделять пространственные отношения, конструктивное мышление	—	—	—
10. Способность к синтезу на предметном уровне	+	+	—
11. Способность к переключению внимания, моторная скорость	+	+	+
12. Зрительно-моторная координация, способность к экстраполяции	—	—	—

у детей от родителей с высшим образованием равен 103,94, от родителей со средним образованием — 95,41, с низшим образованием — 91,45. Автор полагает, что в данном случае действуют социальные факторы. Однако почему? Ведь, по мнению автора,

изменчивость людей в популяции объясняется и качеством наследственных задатков. А если это так, то для образованных родителей следует также определять соотношение наследственности и среды и, очевидно, ожидать, что влияние генотипа является более значительным.

С позиции теории двух факторов получается, что образованные люди в среднем обладают более высокими наследственными задатками интеллектуальности и передают их детям. Расисты переносят эту концепцию на учение о расах. На самом же деле никакими данными о существовании «генов интеллектуальности» наука не располагает. Значение социальных факторов, в том числе и не учитываемых до сих пор и действующих на ранних и других стадиях развития ребенка, настолько велико, что роль наследственности (кроме случаев явного поражения мозга) оказывается, по существу, исчезающе мала.

Исследования близнецов проводятся с использованием различных методов. Большей частью применяется метод контрастных групп, т. е. сравнительное исследование пар однояйцевых близнецов с парами двуяйцевых близнецов. Если предположить, что тот или иной признак формируется главным образом под влиянием генетических факторов, то он должен чаще встречаться у однояйцевых близнецов, чем у двуяйцевых близнецов, развившихся из двух разных яйцеклеток.

Используются и другие методы[1]. Так, метод контроля по партнеру сводится к тому, что один из близнецов подвергается внешним воздействиям (например, обучению), результаты которых свидетельствуют о степени его восприимчивости к влияниям внешней

[1] Подробнее см.: *Равич-Щербо И. В.* Метод близнецов в психологии и психофизиологии.— Проблемы генетической психофизиологии. М., 1978, с. 24—27.

среды. Еще более показателен анализ разлученных однояйцевых близнецов, т. е. живших и развивавшихся раздельно (в литературе описано 130 таких пар). Наконец, при использовании метода близнецовой пары серьезное внимание обращается на изучение специфики взаимоотношений между близнецами.

Различие применяемых методов, несходство используемого материала, разная степень достоверности полученных данных, как отмечают советские исследователи, часто приводит к тому, что «результаты многих исследований оказываются несравнимыми, а их ценность в генетическом отношении совершенно незначительной»[1]. Тем не менее близнецовый метод нередко остается единственным подходом к анализу актуальных проблем генетики человека.

Близнецовый метод неоднократно использовался в криминологических исследованиях.

Ф. Ахерн и его соавторы[2] провели обширное исследование, в котором по данным, полученным для 118 семей, определяли наследуемость психологических особенностей. Количественно оценивалось проявление 54 психометрических признаков. Авторы сопоставили сходство психометрических признаков между родителями и детьми, между детьми и между более дальними родственниками. Полученные данные показали, что можно предполагать наличие весьма малого влияния наследственности на приобретение каждого из исследуемых психометрических признаков.

Обратимся также к солидной монографии по генетике человека Ф. Фогеля и А. Мотульского. Обоб-

---

[1] *Лильин Е. Т.* Исследования близнецов в генетике человека.— Проблемы генетической психофизиологии, с. 187.

[2] *Ahern F. M., Johnson R. C., Wilson J. B., McClearn G. E., Vandenberg S. G.* Family resemblances in personality behaivior.— Genetics, 1982, vol. 2, p. 261—280.

щая результаты исследований по генетике интеллекта, они пишут: «Нас не удовлетворяет общий подход к оценке интеллектуальных способностей и определение генетического и средового влияния на их изменчивость». Они ставят вопрос, что дает имеющаяся на сегодняшний день информация относительно природы изменчивости интеллекта в пределах нормы, и отвечают на него следующим образом: «Ответ предельно краток: очень немногое. Имеются свидетельства о наличии ряда недостатков в сборе и обработке материала, в первую очередь в статистической обработке, при взятии выборки, при даче показаний и интерпретации сомнительных результатов. Учитывая некоторые не столь уже неправдоподобные допущения относительно влияния со стороны биологических и приемных родителей или те пути, какими однояйцевые близнецы оказывают воздействие друг на друга, высказывается точка зрения, что генетическая изменчивость не оказывает влияния на проявление личности в тестах, иными словами, наследуемость интеллектуальных различий равна нулю» [1].

В. П. Эфроимсон на основании литературных источников составил сводную таблицу частоты преступности второго близнеца, если первый был преступником. (Эту таблицу мы воспроизводим [2].) Из нее видно, что частота преступного поведения однояйцевых близнецов существенно выше (63 процента), чем двуяйцевых близнецов (25 процентов).

Проблема, отмечает автор, нуждается в дальнейшем изучении. Это, конечно, правильно. Однако следует заметить, что изучение данного вопроса, на наш взгляд, должно заключаться не в простом повторении таких же исследований, а в раскрытии возможного

[1] *Vogel F., Motulsky A.* Human Genetics, p. 491—492.

[2] См.: *Эфроимсон В. П.* Родословная альтруизма.— Новый мир, 1971, № 10, с. 210.

Автор и год исследования	Страна	Однояйцевые близнецы			Двуяйцевые близнецы		
		Число пар	Второй близнец		Число пар	Второй близнец	
			тоже преступник	не преступник		тоже преступник	не преступник
1. Ланге, 1929	Германия	13	10	3	17	2	15
2. Легра, 1932	Голландия	4	4	0	5	0	5
3. Кранц, 1936	Германия	31	20	11	43	23	20
4. Штумпфль, 1939	»	18	11	7	19	7	12
5. Боргстрем, 1939	Финляндия	4	3	1	5	2	3
6. Розанов и др., 1941	США	45	35	10	27	6	21
7. Иосимасу, 1957	Япония	28	14	14	26	0	26
8. Хайяси, 1967	»	15	11	4	Ничтожно		
9. Христиансен, 1968	Дания	91	48 (53%)	43	122	29 (24%)	93
			(62,6%)			(25,4%)	

механизма, определяющего более частые совпадения однояйцевых близнецов по преступному поведению по сравнению с двуяйцевыми близнецами. Этот механизм, к сожалению, не выявлен, и проведенные исследования, результаты которых приведены в таблице, лишь констатируют, что из 249 пар однояйцевых близнецов оказались в 156 случаях преступниками оба, а в 93 — только один, в то время как среди двуяйцевых близнецов соотношение обратное (из 264 пар — соответственно 69 и 195).

К тому же следует подчеркнуть, что методика некоторых исследований, указанных в таблице, не отличалась необходимой строгостью. Например, принято считать, что для всех европейских популяций доля однояйцевых близнецов составляет около $^1/_3$. Поэтому вызывают законное сомнение работы, в которых число однояйцевых близнецов было равно числу двуяйцевых близнецов или даже превышало его. Но именно так обстоит дело в исследованиях Розанова и др., Иосимасу, Хайяси, а также Легра, Штумпфля и Боргстрема, на которые ссылается В. П. Эфроимсон. По сути дела, указанному условию (одна треть однояйцевых близнецов) не удовлетворяет ни одна из работ, представленных в таблице. С известной натяжкой можно принять только данные Кранца и Христиансена, где число однояйцевых близнецов все же существенно меньше, чем двуяйцевых. Но из них только одна последняя работа приводит к выводам о заметном преобладании преступников среди однояйцевых близнецов по сравнению с двуяйцевыми (53 процента против 24).

Необходимо также иметь в виду, что, как отмечает западногерманский ученый Г. Кайзер, «различные взаимодействия со средой, в которых находятся однояйцевые близнецы, могут отличаться от тех взаимодействий, которые характерны для двуяйцевых близнецов. Например, известно, что однояйцевые близнецы часто подвергаются одинаковому обращению из-за сходства между собой... Исследования преступности как продукта наследственности оказались весьма недостаточными... Мы должны определенно признать неудавшейся попытку объяснить преступное поведение наследственными факторами» [1].

[1] *Kaiser G.* Genetics and crime.— Proceedings of the II International Symposium on Criminology. Sao Paulo, Brasil, 1975, p. 7—8.

Далее, в большинстве исследований не указано, какие именно преступления были совершены близнецами. Естественно, что делать выводы о сходстве поведения можно только в тех случаях, когда сами поступки были сходными по объективным и субъективным признакам. Применительно к преступлениям это означает, что они должны относиться к одной группе (корыстных, насильственных, неосторожных и т. д.) и порождаться сходными мотивами.

Наконец, весьма важен анализ образа жизни изучаемых близнецов, условий формирования их личности, среды общения и т. д. Таблица не дает представления о том, находились ли эти обстоятельства в поле зрения исследователей. Между тем социологические исследования указывают на неравенство влияний среды для однояйцевых близнецов[1].

Тщательное и детальное изучение близнецов с помощью современных научных методов приводит к выводу о весьма сложном характере взаимосвязи генотипа и среды. Анализ семей разлученных близнецов, поведение которых было по некоторым параметрам сходным, показал, что в подавляющем большинстве эти пары близнецов попадали все же в мало различающуюся среду: оба воспитывались либо в городе, либо в селе; семьи имели примерно одинаковый социально-экономический статус; многие были усыновлены родственниками и т. д. При этом близнец, получивший лучшее образование, имел и более высокие показатели умственных способностей. Таким образом, сходство психологических особенностей однояйцевых близнецов объясняется не столько одинаковым генотипом, сколько сочетанием этого генотипа с одинаковой или сходной социальной средой.

---

[1] См.: *Равич-Щербо И. В.* Метод близнецов в психологии и психофизиологии. — Проблемы генетической психофизиологии, с. 29.

В США в 60-х годах были закончены два междисциплинарных многолетних исследования близнецов, приведшие к аналогичным выводам. Было получено 117 характеристик познавательных, двигательных, перцептивных, сенсорных функций, а также некоторых черт личности. Около 55 процентов всех показателей не выявили статистически значимых различий между однояйцевыми и двуяйцевыми близнецами. Самый большой процент характеристик, не обнаруживших зависимости от генотипа, оказался среди личностных черт (67,9). Характерно, что из многих черт личности зависимость от генотипа обнаружил только параметр экстраверсии — интроверсии, очевидно связанный с физической конституцией человека и относящийся в общем к формально-динамической стороне личности. Что же касается собственно личностных черт, характеризующих интересы, убеждения, социальные предпочтения и т. п., то в ряде работ указывается на незначительный уровень — вплоть до полного отсутствия — генотипических влияний. «...Роль последних, в общем, тем меньше, чем более социален по содержанию изучаемый параметр»[1].

В. П. Эфроимсон делает следующий вывод из исследований близнецов: «Если одни социальные воздействия приводят человека данного генотипа к преступлению, то другие социальные же воздействия могут сделать его очень ценным человеком»[2].

Чем же все-таки объяснить, что такое сложное поведение, как совершение преступления, обнаруживает известную связь с генетическими признаками организма (на примере однояйцевых близнецов)? Представляется бесспорным, что нет таких биопсихологических

---

[1] *Равич-Щербо И. В.* Метод близнецов в психологии и психофизиологии.— Проблемы генетической психофизиологии, с. 35.

[2] *Эфроимсон В. П.* Введение в медицинскую генетику. М., 1968, с. 79.

черт личности, которые с фатальной неизбежностью вели бы к совершению преступлений. Более того, «любая психологическая характеристика, даже если допустить, что она наследственна, не закодирована в генетической программе в ее данном конкретном выражении. Последнее всегда есть результат некоторой «траектории» развития, подчиняющегося и закономерностям гено-средового взаимодействия, и собственно психологическим закономерностям...»[1].

Следовательно, преступное поведение лиц, обладающих идентичным генотипом, может объясняться, поскольку оно существует, как сходной средой формирования личности, так и сходными психофизиологическими особенностями изученных лиц. Однако для более определенного ответа, подтверждающего или, напротив, отвергающего такую гипотезу, следует подробнее проанализировать механизм преступного поведения и определить его основные генетические предпосылки. Этому будет специально посвящена следующая глава.

Завершая рассмотрение данного вопроса, мы хотели бы обратить внимание на следующее принципиальное положение. Однояйцевых близнецов в популяции очень немного, а среди общей массы лиц, совершивших преступления, практически единицы. А. И. Долгова, например, на момент производившегося ею исследования (1973—1974 годы) среди массы несовершеннолетних правонарушителей, содержавшихся в воспитательно-трудовых колониях для несовершеннолетних, не нашла ни одной пары однояйцевых близнецов. И если бы были обнаружены несколько пар (или даже десятки пар) близнецов, то, конечно, на этой базе делать общие выводы о причинах такого

---

[1] *Равич-Щербо И. В.* Метод близнецов в психологии и психофизиологии.— Проблемы генетической психофизиологии, с. 43.

отрицательного социального явления, как преступность, когда совершаются миллионы преступлений, было бы научно некорректно.

3. *Хромосомные аномалии*

Среди групп, отобранных для генетико-криминологических исследований, изучались также группы лиц, обладающих хромосомными аномалиями, т. е. отклонениями от нормального строения и количества хромосом в наследственных (половых) клетках. Хромосомные аномалии встречаются примерно у 0,4 процента новорожденных.

Среди нарушений, связанных с отклонениями от нормального числа хромосом, широкую известность получили случаи добавочных, «лишних» половых хромосом *X* или *Y*. В обоих случаях мутанты с лишней хромосомой рождаются мальчиками. При наличии лишней *X*-хромосомы ребенок получает кариотип (совокупность морфологических признаков хромосом) *XXY*, обнаруживая ряд отклонений в развитии (синдром Клейнфельтера). При наличии лишней *Y*-хромосомы ребенок получает кариотип *XYY*. Такие люди имеют высокое переносье и ряд других, менее выраженных отклонений (*XYY*-синдром).

Характерная особенность генов, локализованных в *X*-хромосоме (сцепленных с *X*-хромосомой), состоит в том, что они не передаются от отца сыновьям. Это связано с наличием у отца лишь одной *X*-хромосомы, которая передается только дочерям. Поэтому в случае признаков, сцепленных с полом (с *X*-хромосомой), часто происходит перекрестное наследование: от отца — дочерям, от матери — сыновьям.

Классическим примером наследования признака, сцепленного с *X*-хромосомой, является несвертываемость крови (гемофилия). Даже незначительная сса-

дина при этой болезни влечет за собой сильную потерю крови. Из анализа родословных известно, что гемофилией болеют почти исключительно мужчины. Женщины являются гетерозиготами, т. е. носительницами этого признака в скрытом состоянии. Объясняется такое наследование наличием двух *X*-хромосом (*XX*) в генотипе женщин, вследствие чего рецессивный ген гемофилии обычно подавляется. В генотипе мужчин (*XY*) имеется одна *X*-хромосома, и в результате рецессивный ген проявляет свое действие.

Аналогично гемофилии наследуется и признак цветовой слепоты — дальтонизм, ген которого также локализован в *X*-хромосоме. У человека насчитывается 205 мутаций, в большинстве своем патологических, сцепленных с *X*-хромосомой. Многие из них носят рецессивный характер.

Помимо аномалий, связанных с изменением числа хромосом, у людей обнаружены и мутации, связанные с перестройкой хромосом. Делеции, т. е. потери отдельных участков хромосом (например, в *X*-хромосоме), приводят к ряду дефектов в развитии пола и к умственной отсталости. Потеря одной трети вещества 21-й хромосомы вызывает лейкемию (рак крови).

Приведенные факты говорят о значении нарушений хромосомных структур в ядрах клеток человека для появления некоторых тяжелых заболеваний. Связанные с этим открытия привели к бурному развитию новой области медицинской генетики — цитогенетики наследственных заболеваний и цитогенетики рака, изучающих природу аномалий на уровне клеток человека.

Криминологическое значение хромосомных аномалий обычно приписывается двум из них, связанным с наличием у мужчин добавочной 47-й хромосомы типа *X* (синдром Клейнфельтера) или типа *Y*. В зарубежной литературе было высказано мнение о том, что именно эти типы хромосомных аномалий могут быть

связаны с преступным поведением. Правда, оценки этой связи весьма различны, а нередко и противоречивы. Как и при изучении близнецов, здесь также используются различные методы и подчас исследуются несравнимые контингенты лиц, допускается случайный, а то и преднамеренный отбор источников, что и объясняет весьма противоречивый характер выводов.

Приведем результаты некоторых исследований хромосомных аномалий.

Американский национальный институт психического здоровья, в котором имеется Центр по изучению преступности, опубликовал в 1970 году доклад, включающий обзор 45 исследований относительно предполагаемой связи хромосомных аномалий с преступностью. Всего было обследовано 5342 преступника, содержащихся в исправительных учреждениях США, Англии, Шотландии, Швеции, Австрии, Дании, Канады и Италии. При этом в соответствии с хромосомной теорией была специально подобрана группа лиц высокого роста, что якобы чаще связано с агрессивным поведением при хромосомных нарушениях. Из этих специально подобранных лиц указанные нарушения были обнаружены почти у 2 процентов обследованных, а среди преступников любого роста — у 0,7. Контрольные группы составляли новорожденные США и Англии (всего 9700 человек). Среди них хромосомные нарушения обнаружены у 15 человек (0,15 процента). Кроме того, было обследовано 9327 взрослых (не являющихся преступниками). Аномалии в хромосомах установлены у 9 человек (0,1 процента) [1].

Подводя итоги исследований, авторы доклада пишут: «Несмотря на распространенное мнение, не было установлено, что люди с хромосомными аномалиями

---

[1] См.: *Дубовик О.* Исследования о хромосомных аномалиях.— Социалистическая законность, 1974, № 1, с. 76—77.

XYY являются более агрессивными, чем выборочно обследованные преступники с нормальным хромосомным набором.

Более того, представляется маловероятным, чтобы такие разнородные, социально определяемые и предопределяемые проблемы, как склонность к правонарушениям и преступность, главным образом и непосредственно были связаны с обладанием добавочной хромосомой *Y*. При некоторых условиях черты неконформности и агрессивности, гипотетически приписываемые индивидам с генотипом *XYY*, могут получить социальное одобрение; при других условиях и в другом социальном контексте такое поведение может быть признано абсолютно социально неприемлемым. Вполне возможно, однако, что в отдельных случаях эти и другие хромосомные отклонения (например, *XYY*) и связанные с ними черты генотипа могут повысить уязвимость применительно к развитию социально неприемлемых образцов поведения». Авторы далее подчеркивают «необходимость получения дополнительных данных, которые могут быть результатом обширных и скрупулезных исследований. До получения такого рода данных какие-либо социальные решения относительно *XYY* индивидов, основанные на их хромосомной конституции, являются неоправданными». С этими здравыми соображениями нельзя не согласиться.

Хромосомные аномалии изучались группой английских исследователей во главе с Нильсеном. Было отобрано 777 мужчин высокого роста, совершивших общественно опасные действия и находившихся в психиатрических больницах, и установлена корреляция этих признаков с наличием дополнительной *Y*-хромосомы[1]. Тот же автор в следующем году провел обсле-

[1] British Journal of Psychiatry, 1970, 116, p. 531.

дование 211 мужчин, поступивших в судебно-психиатрическую клинику, и нашел, что распространенность среди них лиц, имеющих дополнительную *X*- или *Y*-хромосому, выше средней для населения. Большинство этих лиц совершили опасные агрессивные поступки [1].

Через несколько лет тот же автор (вместе с Е. Нордландом) попытался объяснить механизм поведения, отклоняющегося от нормы, у лиц с хромосомными аномалиями. На основании изучения почти ста подростков он пришел к выводу, что эти аномалии вызывают не само по себе преступное поведение, а повышенный уровень внешней активности. Если социальная среда препятствует такой активности, то возникает конфликтное поведение; если же активное поведение получает одобрение и поддержку, то оно не приводит к психическим срывам и антиобщественным действиям. Эта гипотеза, по мнению авторов, объясняет, почему частые хромосомные отклонения обнаруживаются не только у преступников и душевнобольных, но и у студентов-медиков [2].

Исследование, которое провели несколько французских авторов, каких-либо корреляций между преступным поведением и наличием дополнительной *Y*-хромосомы не выявило [3].

Западногерманский ученый Г. Кайзер в докладе, обобщающем многолетние исследования генетических факторов преступности, пришел к аргументированному выводу о том, что «индивидуальные биографии преступников с ненормальной хромосомной конституцией не слишком отличаются от таких же биографий

---

[1] British Journal of Psychiatry, 1971, 119, p. 512.

[2] *Nielsen I., Nordland E.* Laught of Y-cromosome and activity in boys.— Clinical Genetics, 1975, 8, 4, p. 291—296.

[3] *Benezech and oth.* Conduite antisociale et lorgueur du cromosome.— Journal of Human genetics, 1976, 32, 1, p. 77—80.

нормальных правонарушителей. В обоих случаях мы можем наблюдать признаки распада домашнего очага, потери работы, трудностей с обучением и т. д.». Следовательно, и для этих лиц ведущую роль играют социальные факторы. Г. Кайзер заключает: «Мы можем суммировать исследования по рассматриваемому вопросу, сказав, что нарушение генетического баланса не ведет с необходимостью к антисоциальным реакциям или личностным нарушениям» [1].

Надо заметить, что приписывание лицам, страдающим хромосомными аномалиями, отрицательных свойств психики, а тем более склонности к преступному поведению отнюдь не является безобидным делом. Как справедливо подчеркивают прогрессивные ученые, отнесение того или иного человека к лицам такой категории может навсегда искалечить ему жизнь. Окружающие будут склонны относиться к подобным людям с подозрением и недоверием. «Даже родители могут начать относиться к своему ребенку с набором хромосом *XYY* с предубеждением, что в конечном итоге может привести к тому, что у ребенка действительно появятся дефекты или расстройства психологического характера» [2]. Вот почему правильное понимание рассматриваемой проблемы имеет не только медицинское и правовое, но и педагогическое значение.

В нашей стране в середине 70-х годов было проведено три исследования хромосомных аномалий (обследовано около 6 тысяч человек). Почти все выявленные лица с лишней *Y*-хромосомой имели признаки невменяемости.

Г. П. Маринина, Т. А. Благовещенская и Н. И. Олейников изучали пятерых больных с синдромом *XYY*, выявленных при массовом обследовании в

[1] *Kaiser G.* Genetics and crime.— Proceedings of the II International Symposium on Criminology, p. 7—8.

[2] *Чавкин С.* Похитители разума, с. 144.

судебно-психиатрических учреждениях г. Москвы. Трое из них страдали олигофренией в степени дебильности; у одного обнаружены остаточные явления органического поражения мозга, его умственное развитие находилось на нижней границе нормы; у другого установлены психопатические черты характера. Признавая, что количество обследованных слишком мало, авторы указывают главным образом на их физические (морфологические) особенности. Вместе с тем отмечаются незрелость психики, наличие патологии влечений, трудности при обучении в школе и затруднения в социальной адаптации [1]. Выводов о вменяемости или невменяемости этих лиц и о связи совершенных ими правонарушений с хромосомными аномалиями в работе не содержится.

Исследование, проведенное Н. Н. Тимофеевым, Л. А. Петровым и Р. И. Куликовым (Ленинград), обобщает наблюдения над 18 больными с синдромом *XYY*, включая пять человек, поступивших в больницу с диагнозом шизофрения. Авторы делают вывод, что у лиц с синдромом *XYY* могут возникать состояния, сходные по клиническим проявлениям с шизофренией, а также может развиться и шизофрения, которая в этих случаях протекает атипично [2]. Каких-либо заключений о связи генетических отклонений с преступностью эта работа также не содержит.

Эти материалы, опубликованные в 1976 году, были их авторами представлены (с некоторыми отличиями) годом раньше на Шестой Всесоюзный съезд невропатологов и психиатров. В докладе московских авторов отмечалось, что характер правонарушений больных был весьма разнообразен (кражи, ножевое ранение,

---

[1] См.: Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова, 1976, вып. 3, с. 413—416.

[2] См.: Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова, 1976, вып. 12, с. 1839—1843.

изнасилование, бродяжничество). В заключение делался вывод, что хромосомное отклонение «не может остаться безразличным для организма» и вызывает изменения в эволюционно сложившихся корреляциях между отдельными признаками: «В одном случае эти изменения приводят к грубым соматическим и психическим нарушениям, в другом они едва заметны для окружающих. Механизм такого различного действия... пока остается неясным»[1]. Ленинградские авторы отмечали в своем докладе пестроту клинической картины изученных лиц с синдромом *XYY* и констатировали важность подобного исследования больных, поступающих в психиатрический стационар, «так как оно определяет возможности лечебно-профилактических мероприятий и реабилитации»[2].

Наконец, еще одно исследование лиц с синдромом *XYY* было проведено Л. Г. Калмыковой и В. П. Эфроимсоном. Упоминая о нем и о других работах, В. П. Эфроимсон приходит к заключению, что «подавляющее большинство учащихся с этой особенностью ничего, кроме несколько более внимательного отношения педагогического и врачебного персонала, не требует; это внимание должна проявить и семья». Относительно же тех больных, которые проявили склонность к правонарушениям, необходимо каждый раз решать конкретный вопрос, «в какой мере эти лица вменяемы, в какой мере они подлежат изоляции от общества или от других заключенных»[3]. В другой работе Л. Г. Калмыкова и В. П. Эфроимсон отмечают, что, хотя имеющиеся отрывочные наблюдения относи-

---

[1] Шестой Всесоюзный съезд невропатологов и психиатров. Тезисы докладов. М., 1975, т. 3, с. 505.

[2] Там же, с. 524.

[3] *Эфроимсон В. П.* Хромосомные аномалии типа XXY и XYY как одна из причин сексуальных нарушений.— Проблемы современной сексопатологии. М., 1972, с. 67.

тельно лиц с хромосомными аномалиями «не имеют никакого значения для преступности в целом, они все же оправдывают анализ соотносительной роли наследственности и среды на том материале, при изучении которого число переменных сведено до минимума...»[1].

Исследованная группа	XXY			XYY			Общая частота особей XXY и XYY в %
	всего изучено	из них особей XXY	%	всего изучено	из них особей XYY	%	
Общая популяция	82 755	89	0,11	71 923	66	0,09	0,10
Умственно отсталые	6 107	66	1,08	2 033	9	0,44	0,76
Психически больные	11 718	47	0,40	5 852	12	0,21	0,30
Правонарушители	3 565	12	0,34	12 458	45	0,36	0,35
Психически больные с антисоциальным поведением	4 395	25	0,57	4 872	35	0,72	0,66

В приводимой здесь таблице сведены современные данные, которые позволяют оценить связь между преступным поведением и наличием у больных хромосомных аномалий *XXY* и *XYY*. Следует заметить, что число мутантов среди нормального населения очень мало: один мужчина с кариотипом *XXY* или *XYY* приходится на тысячу человек. Никакой фатальной связи между наличием у человека кариотипов *XXY* и *XYY* и социально опасным поведением не установлено. Среди

[1] *Эфроимсон В. П., Калмыкова Л. Г.* Успехи неврологической и психиатрической генетики.— Генетика психических болезней. М., 1970, с. 250.

правонарушителей всего лишь 0,35 процента несут мутантный кариотип, среди психически больных — 0,30, среди умственно отсталых — 0,76 и т. д. Таким образом, среди 1000 правонарушителей встречаются 3—4 мутанта с кариотипом *XXY* или *XYY*.

Данные, содержащиеся в таблице, показывают, что наличие хотя и малой, но определенной связи между наличием кариотипа *XXY* или *XYY* и нарушениями психики сказывается и на склонности к правонарушениям. Эта связь минимальна и ни в коей мере не может служить свидетельством существования биологических причин преступности.

Несовершенство методик исследования, малое число наблюдений в каждом из них — все это привело к тому, что различия в оценках разных ученых степени распространенности лишней *Y*-хромосомы среди преступников достигают двадцатикратных размеров. Большие разногласия существуют и по вопросу о фенотипических признаках лиц с дополнительной хромосомой. Одни авторы связывают лишнюю *Y*-хромосому с высокорослостью мужчин, другие этого не находят. Не совпадают мнения и относительно характера криминальности указанных лиц. Так, одни зарубежные авторы полагают, что для этих лиц характерны только насильственно-сексуальные действия; другие приписывают им также и корыстные действия; третьи видят у них склонность к поджогам и бродяжничеству. «Как всегда при исследовании биологических факторов в буржуазной криминологии, и в этом вопросе не проводилось дифференцирования влияния социальных и биологических условий на формирование личности... Главная же ошибка в криминологической оценке хромосомных отклонений состоит в том, что она дается на основе исследований, проведенных в психиатрических клиниках и учреждениях для принудительного лечения невменяемых лиц. Невменяемые же лица пре-

ступниками не являются, и их поведение — следствие болезни. В силу этого ценные в генетическом и судебно-психиатрическом плане исследования оказались криминологически ничтожными»[1].

По существу, исследования хромосомных аномалий установили известную связь этих аномалий не столько с преступностью, сколько с душевными заболеваниями[2]. Подчеркивая именно эту довольно стойкую особенность исследований, а практически — подмену предмета исследования, Г. Кайзер отмечает, что исследования были сосредоточены на слабоумных и психически ненормальных, трудных подростках, опасных душевнобольных, осужденных в тюрьмах и исправительных домах, шизофрениках и эпилептиках и пациентах психиатрических клиник[3].

Таким образом, можно констатировать, что исследования специально отобранных групп не приводят к каким-либо ясным и определенным выводам относительно связи генетических факторов с преступностью. Скорее подобные выводы можно признать отрицательными. Руководствуясь сформулированными ранее допущениями, мы все же попытаемся найти в этих выводах моменты, которые требуют дальнейшего исследования. Для этого необходимо представлять себе, с одной стороны, механизм формирования и реализации преступного поведения, а с другой — роль генетических факторов в функционировании каждого из звеньев этого механизма: в мотивации, планировании действия, принятии решения и его реализации. Эти проблемы и будут рассмотрены далее.

---

[1] *Кузнецова Н. Ф., Лейкина Н. С.* Криминологический аспект соотношения социального и биологического.— Советское государство и право, 1977, № 9, с. 104.

[2] См.: *Кузнецова Н. Ф.* Криминология и генетика.— Социалистическая законность, 1977, № 7, с. 59.

[3] *Kaiser G.* Genetics and crime.— Proceedings of the II International Symposium on Criminology, p. 10.

Глава VI

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

1. Механизм индивидуального поведения

Рассмотрев общие проблемы преступности, различные специфические ее особенности, позволяющие видеть в этом явлении его целостную картину, с одной стороны, а с другой — расщепить его на составные, сходные (как и различные) части, мы подошли к проблеме индивидуального преступного поведения. В криминологии при определении понятия преступности дискутируют по поводу того, является ли преступность самостоятельным, имеющим свои закономерности явлением (некоторые называют его системой) или совокупностью преступлений [1].

Не вдаваясь в детали спора и не отрицая того, что преступность — сложное социально-правовое явление, нельзя не видеть, что если бы не было одного, двух, ста и т. д. преступлений, их суммы, то, естественно, не было бы и самого данного явления. Хотят этого спорящие или нет, но от этого факта никуда не уйти. Для нас важно, однако, не то, как тот или иной ученый понимает преступность (она существует и как явление, и как сумма антисоциальных, противозаконных поступков, совершаемых конкретными людьми). Гораздо важнее разработка способов изучения этих конкретных

[1] См. об этом подробнее в кн.: Курс советской криминологии. М., 1985, т. 1.

преступлений лиц, их совершивших, и поиск мер как предупреждения преступности, так и индивидуального воздействия на конкретных лиц. Повторяем, массив правонарушений складывается из многочисленных индивидуальных актов, конкретных поступков. Чем вызваны эти конкретные поступки людей? Как влияют на их поведение факторы объективной действительности и внутренние причины? Для ответа на эти вопросы необходимо проанализировать механизм индивидуального, в том числе и антиобщественного, поведения, рассмотреть, из чего состоят акты поведения, как они образуются, т. е. выяснить их структуру и генезис.

Структура конкретного поведенческого акта может быть проанализирована с разных точек зрения. Его можно характеризовать как деяние, состоящее из четырех элементов: объекта, т. е. того, на что направлено деяние; объективной стороны, т. е. способа совершения деяния; субъективной стороны, т. е. отношения лица к деянию и его результату; и субъекта, т. е. лица, совершившего деяние. Для криминологии, социологии и психологии продуктивен динамичный подход, позволяющий изучать поведение человека в развитии. С этой точки зрения конкретное правонарушение есть процесс, развертывающийся как в пространстве, так и во времени. Поскольку же нас интересуют причины определенного поведения, необходимо учитывать не только сами действия, образующие запрещенный законом поступок, но и некоторые предшествующие им события. Тем самым раскрывается генезис противоправного поведения, т. е. его происхождение и развитие.

При изучении причин поведения возникает важный, пожалуй, центральный вопрос, который можно сформулировать так: чем именно антиобщественное, противоправное поведение отличается от поведения, одобряемого социалистическим обществом? С этим связан и другой вопрос: почему тот или иной конкретный

субъект совершает именно преступление, а не действие, полезное для общества? Ответы на эти вопросы в значительной степени связаны и с выявлением роли социальных и биологических факторов. Заметим также, что эти ответы вряд ли могут быть однозначными. Слишком разнообразны люди и их поступки, как и те условия, в которых осуществляется социальное поведение. Необходимо помнить и об известной условности понятия преступления (о чем уже говорилось) и, соответственно, понятия личности человека, совершившего преступление.

Сложность проблемы личности преступника вызвала в литературе обилие различных мнений, прежде всего по решающему вопросу: отличается ли преступник от человека, соблюдающего закон, по каким-либо психологическим, социальным, физиологическим или другим признакам или нет? Иными словами, имеется ли что-либо специфическое в так называемой личности преступника?

Одна группа ученых отвечает на этот вопрос положительно: «Личность преступника — по своей социальной сущности антиобщественная личность» [1]; «Личностная установка лиц, совершивших преступления, отличается от установки законоисполнительных граждан» [2]; в личностной позиции преступника имеется комплекс деформаций, «отклонений по сравнению с позицией обычного члена общества» [3]; особенность личности преступника «выражается в наличии негативных

---

[1] *Сахаров А. Б.* Актуальные вопросы учения о личности преступника.— Теоретические проблемы учения о личности преступника. М., 1979, с. 12.

[2] *Волков Б. С.* Криминологическое исследование личности преступника в советском праве.— Теоретические проблемы учения о личности преступника, с. 23.

[3] *Миньковский Г. М.* О некоторых общих положениях криминологического изучения личности.— Теоретические проблемы учения о личности преступника, с. 28.

социальных качеств, свидетельствующих о десоциализации личности и вызывающих выбор и реализацию ею негативных социальных ролей»[1]; «...системным качеством личности преступника, определяющим ее особенности как социального типа, является антисоциальность личности, ее общественная опасность»[2].

Другая группа авторов высказывает обоснованные сомнения в том, что всех без исключения лиц, совершающих преступления, можно охарактеризовать одним и тем же качеством, сконструировав универсальное понятие «личность преступника», подходящее, например, и для убийцы, и для нарушителя правил дорожного движения, и для вора, и для сторожа, уснувшего на посту. Критикуя такое общее понятие, Ю. Д. Блувштейн отмечал, что «здесь имеет место известная логическая ошибка — порочный круг: с одной стороны, постулируется, что всем преступникам свойственны какие-то специфические личностные особенности, выступающие вместе с иными (внешними по отношению к личности) факторами в качестве причин противоправного поведения, с другой стороны, наличие этих личностных особенностей постулируется на основе противоправного поведения этих лиц»[3].

Действительно, у многих, а возможно, у большинства, преступников можно найти указанные выше признаки: деформации ценностных ориентаций, нравственных и правовых представлений и установок. Однако не у всех. Как справедливо полагает Г. Л. Смирнов,

---

[1] *Стручков Н. А.* Криминология и проблема личности преступника.— Теоретические проблемы учения о личности преступника, с. 47.

[2] *Волженкин Б. В.* Общественная опасность личности как криминологическая и уголовно-правовая категория.— Теоретические проблемы учения о личности преступника, с. 73.

[3] *Блувштейн Ю. Д.* О содержании понятия «личность преступника».— Теоретические проблемы учения о личности преступника, с. 50—51.

«некоторые преступления, совершенные по неосмотрительности, неосторожности, халатности, слабоволию, наказываются в уголовном порядке, хотя за этими преступлениями не стоят антиобщественные устремления человека»[1]. Кроме того, и существующие деформации личности далеко не однородны. В этой связи можно высказать сомнение в ценности общего определения личности преступника и даже в самой возможности дать такое определение[2]. Это не значит, что преступник не является личностью. Всякий преступник, как и любой вменяемый человек, несомненно, есть личность, обладающая своеобразием, неповторимостью. Применительно к разным категориям преступников можно указать на более или менее характерные для них, статистически распространенные черты, но если объединить весь массив лиц, совершающих преступления, то, по сути дела, кроме вменяемости и возрастных границ у них будет лишь одно общее свойство, притом юридического порядка: каждый из них так или иначе нарушил уголовный закон.

Вокруг определения понятия «личность преступника», таким образом, немало споров. Если исходить из того, что есть несовместимые позиции (например, определения биологизаторского и сугубо социологического характера), то возникает вопрос: а возможно ли достижение единства в определении данного понятия? Мы полагаем, что возможно. Для этого лишь нужно более глубоко вникнуть в сущность рассматриваемой проблемы и исходить из того, что лицо, совершившее преступление,— человек, личность, и подчас личность незаурядная. Но, говоря это, мы должны отчетливо представлять, что ни философы, ни социологи, ни психологи также не достигли единства в более широком,

---

[1] *Смирнов Г. Л.* Советский человек. Формирование социалистического типа личности. М., 1980, с. 324—325.

[2] См.: *Карпец И. И.* Проблема преступности, с. 102.

основополагающем определении — определении личности как таковой. Поэтому нет ничего удивительного, что в криминологической науке идут дискуссии по этому вопросу. Если отвлечься от вульгарного биологизма и вульгарного социологизма, а исходить из того непреложного и очевидного факта, что человек, совершивший преступление, есть такая же личность, как и другие, но требующая и специального изучения, и специфического подхода, и применения своеобразных методов воспитания и перевоспитания, то нельзя не учитывать разных точек зрения на то, что же собой представляет личность такого человека («личность преступника»). Бытует, например, мнение, что преступники невыгодно отличаются от законопослушных граждан в умственном отношении. Отсюда делается вывод, что ученый не пойдет на преступление. Однако социальная практика говорит о другом. Известны факты, когда и ученые совершают преступления (например, берут взятки за поступление студентов в вуз). С другой стороны, нельзя игнорировать и того, что многие преступники, например воры-рецидивисты или мошенники, очень умны. Идут на совершение преступлений и другие «умные» люди, и, кстати, на преступления более изощренные, чем совершаемые людьми, «отставшими в уровне умственного развития». В сознании многих людей засело убеждение, что преступники более агрессивны, чем законопослушные граждане. Однако и это убеждение не всегда соответствует фактам. Сотрудники сектора юридической психологии Всесоюзного института проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР (руководитель А. Р. Ратинов), изучая эту проблему с помощью специальных тестов, установили, что, например, дружинники, осуществляющие борьбу с преступностью (главным образом уличной), нередко оказываются более агрессивными, чем те, против кого они борются. Ины-

ми словами, при специфических особенностях личности тех, кто совершает преступления, их нельзя подводить под одну жесткую характеристику.

Исследования показывают, что разнообразен и механизм преступного поведения. Преступление, как правило, не происходит спонтанно; если не считать «случайных» правонарушений, оно почти всегда подготовлено более или менее длительным процессом формирования личности, принятия решения и выбора средств для его осуществления. Ему, следовательно, предшествует ряд этапов психической деятельности субъекта, которые постепенно формируют антиобщественную направленность поступка и его фактическое осуществление. Именно в этом процессе и происходит вычленение антиобщественного поведения из более широкой системы социально полезных действий, повседневно совершаемых тем же субъектом. Постепенно, «по крупицам» складываются элементы будущего антиобщественного поступка, образуются его основные черты. Это нарастание незначительных отступлений от позитивного (в социальном и нравственном смысле) развития психического процесса, приводящее затем к прямым антиобщественным поступкам, может сопровождаться различными отклонениями, колебаниями, возвратом к исходной точке, а может и вообще приостановиться и вновь вернуться в позитивную форму. Гибкость процесса формирования антиобщественного поступка дает основу для успешного проведения профилактических мероприятий, но в ней же и трудности перевоспитания.

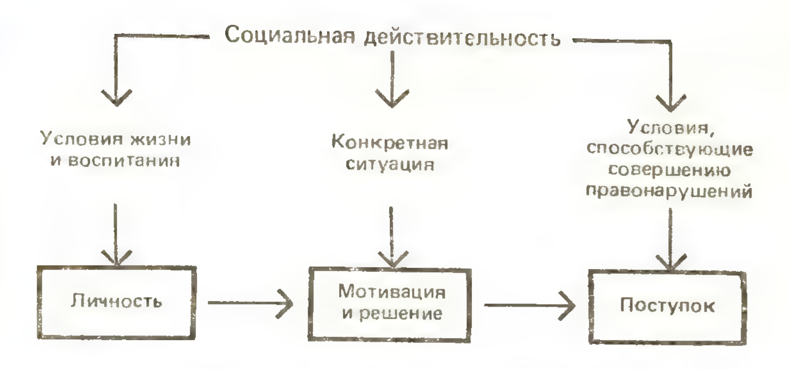
Такая гибкость своеобразно проявляется у лиц, совершающих преступления, связанные с хозяйственной деятельностью. Внешне они быстро «исправляются», но, выйдя из мест заключения, могут легко вновь стать на преступный путь. Характерно, что эти лица, совершая преступления, сами часто «не приемлют» преступников, совершающих убийства, изнасилования, хулига-

нов и т. п. И наоборот, хулиганы говорят о лицах, совершающих преступления с использованием должностного положения, как о «врагах общества».

Все это лишний раз подчеркивает, что специфика антиобщественного поведения заключается вовсе не в том, будто в этом поведении участвуют (или не участвуют) какие-то особые психические или физиологические механизмы, не характерные для поведения общественно полезного,— механизмы одни и те же. Специфика состоит не в форме, а в содержании функционирования этих механизмов, и это убедительно доказано многочисленными исследованиями.

Для последующего анализа механизма поведения расчленим процесс формирования антиобщественного поступка на основные этапы. Исходя из того, что поведение человека, в том числе и антиобщественное, есть форма взаимодействия личности со средой, мы можем выделить следующие этапы, или звенья, такого взаимодействия: а) формирование личности с антиобщественной ориентацией; б) мотивация антиобщественного поступка; в) принятие конкретного решения о совершении такого поступка; г) реализация этого решения, включая совершение поступка и наступление вредных последствий.

На каждом из этапов взаимодействие личности с внешней средой различно. В процессе формирования личности среда оказывает длительное мощное воздействие на установки и ценностные ориентации личности. В условиях социализма большинство этих воздействий позитивно; субъект в подавляющем большинстве случаев воспитывается в духе соблюдения принципов социалистического общества. Однако применительно к тем случаям, когда имеет место преступление, субъект находится в неблагоприятной жизненной ситуации и формирование его личности, включая самовоспитание, складывается противоречиво, с преобладанием влия-

ния негативных сторон жизни и в результате — отрицательно.

На втором этапе — связанном с мотивацией — выявляются потребности и интересы личности, оцениваются возможности их удовлетворения.

Третий этап — выработка решения совершить антиобщественный поступок — характеризуется тем, что взаимодействие со средой происходит в виде осознания окружающей личность обстановки; субъект создает мысленные модели среды и собственного поступка, на основе оценки которых и приходит к определенному решению.

На последнем этапе субъект выступает как активное, действующее начало; при этом он воздействует на среду в негативном, нежелательном для общества направлении. Совершается аморальный поступок, правонарушение или преступление, что вызывает ответную реакцию общества: привлечение к ответственности, наказание.

Названные этапы формирования антиобщественного поступка различны по продолжительности. Уголовная статистика показывает, что антиобщественная направленность личности складывается в течение более

или менее длительного времени, обычно исчисляемого месяцами и годами. Мотивация поступка и принятие решения требуют гораздо меньше времени. Здесь оно исчисляется уже днями, а то и минутами. Это зависит и от особенностей поступка, и от ситуации, и от самой личности. Так же разнообразна и продолжительность последнего этапа — физического совершения поступка: от нескольких секунд, необходимых для прицельного выстрела, до нескольких лет, требующихся для сложного хозяйственного преступления.

Следует заметить, что здесь приведена лишь самая общая схема формирования и реализации антиобщественного поступка, преступления. В действительности перечень основных этапов может быть иным, более или менее развернутым. Так, первое звено — неблагоприятное нравственное формирование личности — в некоторых случаях может практически отсутствовать, если, например, речь идет о незначительных отклонениях от нравственных и правовых норм. Весьма различна продолжительность процесса выработки и принятия решения. Здесь также возможен широкий диапазон — начиная от длительной разработки хитроумных планов и кончая мгновенно принимаемыми решениями в состоянии аффекта. Более того, этап принятия решения о совершении противоправного поступка может и вовсе отсутствовать, когда речь идет, например, о правонарушении по неосторожности (здесь принимается решение о нейтральном или даже общественно полезном действии, но не учитываются все его косвенные результаты). Разумеется, может отсутствовать и последний этап — само правонарушение; это именно тот вариант, к которому стремится юстиция, предупреждая реальное совершение преступлений.

Какова же роль социальных и биологических факторов в формировании механизма антиобщественного поведения? Для ответа на этот вопрос следует более

подробно рассмотреть каждое звено этого механизма. Здесь мы остановимся на некоторых гипотезах.

Очевидно, могут существовать самые различные предположения по поводу взаимосвязей механизма преступного поведения с генетическим фактором, с одной стороны, и социальным — с другой. Поскольку некоторые исходные положения, относящиеся к данной области, уже стали достаточно общепризнанными, мы не будем останавливаться на опровержении идей индетерминизма, согласно которым воля человека не обусловлена ничем, или же на доказательстве несостоятельности точки зрения о предопределенности поведения человека свыше. Не вызывает сомнения то, что поступок — это результат взаимодействия внешнего и внутреннего, личности и среды, социального и биологического. Вопрос лишь в том, каково соотношение между ними, каково место генетических, наследственных факторов в этом взаимоотношении. Этот вопрос и требует более тщательного анализа.

Гипотетически можно представить себе несколько вариантов ответа на данный вопрос. Так, можно предполагать, что генетический фактор: а) действует на всех этапах формирования и осуществления антиобщественного поступка; б) действует лишь на некоторых этапах; в) не влияет на поведение вообще. Эти гипотезы и должны быть проверены, для чего необходимо сопоставить их с имеющимися на сегодняшний день эмпирическими данными. Следует учитывать и то, что сами понятия «влияние», «действие» неоднозначны. Требуется раскрыть конкретную роль генетического (а равно и социального) фактора в каждом звене процесса формирования и совершения преступления.

2. *Формирование личности: биологическое и социальное*

Рассмотрим теперь подробнее процесс формирования личности человека, совершившего антиобщественный поступок. Обширная литература по этому вопросу, основанная на эмпирических исследованиях, дает достаточно материалов для определенных выводов.

Результаты исследований указывают на то, что личность человека в единстве ее социальных, нравственных и психологических свойств и признаков формируется в процессе всей его жизни и деятельности. Вступая во взаимосвязь с окружающими людьми, человек усваивает нормы поведения, нравственные и правовые понятия и представления, социальные и культурные ценности, у него постоянно возникают новые потребности, интересы и стремления. Вместе с тем он отнюдь не является игрушкой в руках судьбы, пассивным объектом, воспринимающим воздействие окружающих условий; человек сам в тех или иных пределах формирует условия своей жизни, а следовательно, и собственную личность. Формирование личности — сложный, противоречивый и в то же время закономерный процесс, развивающийся «по спирали», т. е. такой процесс, который сам подготавливает условия для своего последующего развития и служит в некотором роде причиной собственного самодвижения.

Важную роль в процессе формирования человеческой личности играют так называемые критические периоды. Советский психолог Л. С. Выготский впервые попытался систематизировать и истолковать критические периоды в психологическом развитии человека [1].

---

[1] См.: *Выготский Л. С.* Проблема возрастной периодизации детского развития.— Вопросы психологии, 1972, № 2.

Они длятся сравнительно недолго, однако в это время происходят крупные перестройки в психике, биологическом и социальном развитии. Известны критические периоды в возрасте 2—3,5 лет (парапубертатный), в 12—15 лет (пубертатный), затем — климактерический. Согласно Выготскому, перестройки, происходящие в критические периоды, особенно опасны в психологическом отношении, ибо социальная среда запечатлевает в личности человека в это время как положительные, так и отрицательные воздействия.

Соотношение биологического и социального в формировании личности еще не раскрыто во всех своих тонких взаимосвязях. С одной стороны, в процессе формирования личности в качестве основного фактора выступает социальное в виде всего комплекса чисто человеческих воздействий. С другой стороны, при этом действуют и биологические (а не только генетические) факторы — такие, как особенности нейродинамических процессов, безусловные реакции, инстинкты, темперамент и др. Постепенно складывающееся в человеке социальное мобилизует биологические особенности личности, необходимые для осуществления дифференцированного поведения. Данные генетической науки убедительно свидетельствуют о том, что наследственных социальных программ поведения человека не существует; речь может идти лишь о предпосылках поведения; реализуется же оно посредством социальных механизмов.

Французский философ Л. Сэв, говоря о недопустимости биологизаторского подхода к человеческой личности, замечает: «Стремление дать личности как *общественно-историческому* образованию теорию с *биологической основой* является одним из тех заблуждений, устойчивость которых, а лучше сказать — относительная критическая безнаказанность — ясно показывает, что психология не совсем еще достигла научной зрело-

сти»[1]. Подчеркивая социальный характер поступков личности, особенностей ее формирования, Л. Сэв высказывает следующую важную мысль: *«...ни один физиолог никогда не обнаружит стоимости рабочей силы в нервной клетке и ни один генетик никогда не найдет ее источника в хромосомах»*[2]. Как не найдет он там и источника преступности, добавим мы.

Как же формируется человеческая личность в онтогенезе? Рассмотрим вкратце этот процесс.

Как известно, уже с момента образования зиготы из двух родительских клеток начинается реализация генетической информации, полученной от родительских особей. «С этого же времени зародыш подпадает под влияние внешней среды, передаваемое вначале через материнский организм, а затем действующее непосредственно»[3]. Взаимодействие генотипа и среды продолжается и в дальнейшем, «в результате чего поведение организма на каждом этапе онтогенеза представляет собой сплав (фенотип) из врожденных и приобретенных компонентов»[4].

Наиболее пластичным, особо восприимчивым к воздействию среды возрастным этапом является период детства. Именно в этом периоде происходит морфофункциональное (биологическое) развитие человека и начинает осуществляться восприятие им социального опыта. Хронологическое совпадение оптимального срока усвоения социальной программы с биологическим развитием человека — яркое свидетельство диалектического единства этих двух программ.

Период детства или, вернее, период достижения социальной зрелости — понятие сложное. Здесь выделяется ряд этапов: грудной, ясельный, дошкольный и т. д.

---

[1] *Сэв Л.* Марксизм и теория личности. М., 1972, с. 314.
[2] Там же, с. 329.
[3] Развивающийся мозг и среда. М., 1980, с. 73.
[4] Там же.

Каждый из них характеризуется некими оптимальными возможностями социализации.

После рождения у человека в мозгу формируются специфические человеческие функции. На это время приходится более 80 процентов роста и развития нижнетеменной области[1]. Данная область мозга развивается только в социальных условиях. Длительно развиваются поля лобной и височной долей. Что же касается коры человеческого мозга, то она развивается всю жизнь. В течение первых 10 лет вес мозга увеличивается от 300 граммов у новорожденного до 1300 граммов.

Опыт свидетельствует о необратимости развития ребенка на разных этапах. Показательны в этом отношении судьбы тех детей, которые с раннего возраста воспитывались в джунглях (эффект Маугли), и детей, лишенных таких важных органов общения с миром, как слух и зрение. И те и другие дети находились в полной изоляции от людей. Изучение и детей-«Маугли», и слепоглухих (без патологии мозга) показывает, что, чем раньше они приобщаются к человеческому обществу, тем более податливы, чувствительны они к факторам воспитания, образования. Так, пятилетняя девочка, выросшая в изоляции, затем вполне удовлетворительно социально развивалась в обществе людей, а восьмилетняя девочка после изолированной жизни в течение последующих шести лет, проведенных среди людей, с трудом адаптировалась к человеческому коллективу (словарный запас ее составлял всего 30 слов). Точно так же, чем раньше слепоглухой ребенок подвергается специальному обучению, тем успешнее он осваивает социальный опыт, обучается речи, вырабатывает навыки познавательной активности, овладевает формами общественного поведения.

---

[1] См.: *Дубинин Н. П., Шевченко Ю. Г.* Некоторые вопросы биосоциальной природы человека, с. 135.

7 Заказ № 7102

Генетическая программа человека обеспечивает развитие целого ряда глубинных структур и функций, служащих предпосылками для развития тех черт, которые свойственны ему как социальному существу. Характерной чертой этих глубинных, врожденных особенностей служит их универсальность, т. е. возможность приобретения ими разных направлений развития в зависимости от действия социальной программы.

Это хорошо видно на примере развития языка. Ребенок выделяет из своего окружения звуки и другие признаки речи и, чтобы выразить мысль, строит вначале простые грамматические формы. Оказалось, что обычно используемые элементы этой грамматики универсальны, одинаковы для всех языков. Это говорит о том, что механизм, посредством которого зачаточная мысль исходно облекается в упорядоченные символы, имеет прямую связь с глубинной структурой мозга, т. е. с теми его морфофизиологическими, типовыми для всех людей особенностями, без которых не может реализоваться мышление. Однако на каком языке будет говорить и думать ребенок и каково будет содержание его мыслей, зависит только от его общения с людьми. Путь от первых простых грамматических фраз до абстрактного мышления проходит через воспитание, обучение и саморазвитие. Различие объективных жизненных условий, внешних по отношению к структуре языка и мышления, объясняет широкую изменчивость речевых и интеллектуальных свойств людей.

Конечно, генетическая изменчивость касается и глубинных структур. Это доказывается появлением мутаций, деформирующих мозг, что приводит к психозам и к смерти.

Однако установить и количественно учесть изменчивость глубинных структур в пределах нормы очень трудно. Дело в том, что их реализация в процессе развития не выявляет прямой связи между геном и при-

знаком. Для них нет адекватной зависимости от наличия мутационных генов малого действия. Это обусловлено тем, что мозг, будучи целостной системой, длительно развивается после рождения ребенка и способен компенсировать малые уклонения, обусловленные такими мутациями. Под формирующим влиянием социальной программы мозг исправляет те возможные генетические отклонения, которые совершались в пределах нормы. Поэтому генетические вариации мозга в пределах нормы можно трактовать как нейтральную изменчивость, при которой малые отклонения компенсируются в процессе развития.

Такая характеристика типологического признака не содержит в себе чего-либо исключительного. Например, известно, что типологическим признаком человека является симметрия правой и левой стороны, которая закладывается на первых этапах дробления оплодотворенного яйца. Этот типологический признак развивается по принципу: «Все или ничего». При некоторых мутациях наступает гибель зародыша или морфологическая деформация новорожденного. Все же мелкие генетические вариации компенсируются в процессе развития, не нарушая симметрии при развитии плода. Благодаря механизму компенсации возникает замечательная картина устойчивой исходной универсализации человеческого мозга — самой сложной системы на свете. Причина различий интеллекта коренится не в «генах интеллектуальности», а во внутренних и внешних факторах развития индивида.

При таком подходе изменчивость интеллекта в пределах нормы следует рассматривать как фенотипическую, не наследуемую изменчивость, возникающую под влиянием различий в общей жизнедеятельности и под влиянием социальной программы развития ребенка и взрослого. Мозг как морфофизиологическая система испытывает крупные преобразования и до, и после рож-

дения. Процесс формирования социальной сущности человека накладывает на развитие мозга печать индивидуальности.

С возрастом возможности усвоения социального опыта людей, связанные с развитием психической деятельности и особенно интеллекта, ограничиваются. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что 14—15-летние слепоглухие дети с большим трудом поддаются специальному воспитанию. Они остаются неспособными к интеллектуальному труду, и помимо однообразных и несложных трудовых операций ничему другому их обучить не удается [1].

Отсутствие зрения, слуха и связанная с отсутствием слуха немота лишают ребенка возможностей общения с окружающими людьми. Такое одиночество ведет к тому, что у ребенка не развивается человеческая психика. В этом случае мы как бы имеем модель социального развития человечества. Каждый новорожденный, имея полноценную генетическую программу, сам не способен развить в себе человеческие качества. Только деятельность в условиях взаимоотношения с людьми, творческое освоение социального наследия ведут к становлению личности человека, обладающей сознанием, мышлением, речью, способностями к целеполагающей деятельности.

Темпы биологического и социального развития в онтогенезе неравномерны. Такая же неравномерность обнаруживается и внутри этих процессов, отдельно взятых. Периоды усиления как биологического, так и социального развития сменяются периодами замедления. Каждая из черт человека имеет оптимальные сроки своего развития. В связи с этим действие различных социальных факторов (например, воспитания и обра-

[1] См.: *Мещеряков А. И.* Слепоглухонемые дети. М., 1974.

зования) также неравноценно на разных возрастных этапах.

Оптимальные сроки развития определенных психических функций, лежащих в основе социализации человека, несомненно предполагают существование соответствующей биологической базы, т. е. соответствующего уровня морфофункционального развития, прежде всего мозга. Динамика развития функциональных систем мозга связана с различиями во времени появления психических функций.

На разных возрастных этапах на переднем плане оказывается та или иная психическая функция. Так, у двухлетних детей доминирует аффективное восприятие, через которое проявляются и память, и мышление. Иными словами, эти дети мыслят лишь до тех пор, пока воспринимают, тогда как мышление взрослых может осуществляться и без непосредственного восприятия. В дошкольном возрасте доминирует память, в школьном — мышление. При этом развитие психических функций в онтогенезе происходит, как показал Л. С. Выготский, по принципу динамической системы со структурой, меняющейся на каждой ступени развития. Филогенетически более древняя психическая функция формируется у детей в процессе общения с людьми раньше, чем филогенетически более молодая. Кроме того, раньше вызревают более простые функции, например восприятие — раньше памяти и мышления, ориентировка в пространстве — раньше ориентировки во времени [1].

Указанные закономерности психического развития в раннем онтогенезе служат одним из доказательств единства биологического и социального в человеке и неправомерности противопоставления и отрыва их друг

[1] См.: *Выготский Л. С.* Развитие высших психических функций. М., 1960; *он же.* Умственное развитие детей в процессе обучения. М.—Л., 1935.

от друга. Не вызывает сомнений, что необходимым условием развития психики субъекта и усвоения им социального наследия его предшественников является наличие коллектива, общения с людьми. При этом даже серьезные сенсорные нарушения, фактически изолирующие человека от внешнего мира, перестают быть непреодолимым препятствием для превращения его в полноценную личность. Ярким примером этого может служить выдающееся достижение советской педагогической науки — получение высшего образования группой слепоглухих — С. Сироткиным, Ю. Лернером, А. Суворовым, Н. Корнеевой, а еще раньше — защита диссертации О. И. Скороходовой [1]. В случаях же стойкого поражения мозга у таких слепоглухих не удается сформировать даже простейшие адекватные поведенческие акты.

Как утверждает английский педагог У. Ричмонд, вся история педагогики — это многовековой спор между «экстерналистами» и «интерналистами» [2]. По мнению «экстерналистов», формирование личности определяется средой, воспитанием, поэтому цели и задачи воспитания и образования необходимо формировать в свете требований общественного развития. «Интерналисты» же считают, что исходным в педагогических воздействиях должно считаться не общество, а интересы и потребности самого ученика. Анализируя эти два направления, Ричмонд показывает, что теоретическая позиция педагога, его точка зрения на решающий фактор развития ребенка определяет цели, содержание, методы педагогических воздействий.

В конечном счете то или иное решение проблемы «биологическое и социальное» обусловливает создание

---

[1] См.: *Ильенков Э. В.* Становление личности: к итогам научного эксперимента.— Коммунист, 1977, № 2, с. 69—70.

[2] См.: *Ричмонд У.* Учителя и машины. М., 1968.

определенной системы образования: это либо элитарная, либо единая демократическая система.

С самого начала возникновения образования как способа передачи социального опыта и тем самым как социального фактора указанная проблема и отношение к ней общества играли решающую роль в определении воспитательных, педагогических мер, призванных воздействовать на подрастающее поколение. Идеологи имущих классов пытались закрепить существующую социальную иерархию ссылками на биологические различия людей и на генетическую обусловленность классовых различий.

Платон писал, что тем людям, которые способны начальствовать, бог от рождения «примешал золота», а землевладельцам и мастеровым — «железа и меди». Соответственно он предлагал в корне различные меры и цели воспитания и обучения для тех и других. Эта мысль Платона по сути своей сохранилась в последующих классовых обществах, хотя и в модифицированном виде.

Биологизаторское направление в педагогике в капиталистических странах, используя новейшие достижения смежных наук, и прежде всего генетики, стремится свести социальные противоречия к биологическим особенностям человека, к фатальной наследственности, которая якобы заранее определяет возможности, свойства и качества личности, социальная же среда не в состоянии что-либо изменить. По мнению представителей этого направления, основным фактором, наследственно зафиксированным в генетической программе и определяющим неравномерность развития людей, является интеллект.

Вместе с тем со времен Ф. Гальтона в западной педагогике и психологии произошли некоторые сдвиги в понимании природы интеллекта. Так, в 20—30-х годах интеллект понимался как врожденное, генетически

детерминированное качество, не зависящее от обучения и воспитания [1]. В дальнейшем даже самые крайние сторонники подобной концепции, исходящие из того, что в основе интеллекта лежит наследственность, стали признавать и влияние среды. Так, американский психолог А. Дженсен утверждал, что умственные способности человека определяются на 80 процентов генами и на 20 — средой [2]. Назывались и другие цифры: соответственно 76 и 24, 75 и 25 и т. д. Эти цифры показывают, что основной тенденцией биологизма по-прежнему остается признание фатального предопределения развития интеллекта все теми же генами.

Широкое распространение в буржуазной педагогике получило измерение интеллекта с помощью тестов с целью определения «коэффициента интеллектуальности». На основе такого тестирования во многих капиталистических странах стала функционировать «селекционная» структура народного образования, предусматривающая дифференцировку детей на «одаренных», «обычных» и «отстающих». При этом в число «одаренных», как правило, попадали дети из обеспеченных классов, имеющие более высокий коэффициент умственного развития. Содержание и методы обучения, а также цели воспитания в каждой из этих групп школьников различны.

Однако при решении конкретных вопросов теории и практики воспитания и образования среди буржуазных педагогов и психологов возникают разногласия. Прогрессивные ученые капиталистических стран приближаются к признанию взаимосвязи биологического и социального. Так, западногерманский ученый Х. фон Бреккен в результате фундаментального анализа 1200 работ по психогенетике пришел к выводу, что прошло

---

[1] How the Mind Works? L., 1933.

[2] *Jensen A.* The philogeny and ontogeny of intelligence.— Perspectives of Biology and Medicine, 1971, v. 15, N 1.

то время, когда считалось, что индивидуальное «Я» человека определяется исключительно генетическими факторами. Чем глубже изучалась проблематика этой области, тем яснее, по его мнению, становилось, что дальнейшее развитие невозможно, если не уделять внимания условиям среды и ее многообразным столкновениям с генетическими факторами.

Прогрессивные зарубежные ученые стремятся пересмотреть педагогические концепции, препятствующие созданию единой школы. Ряд исследователей из Американского общества психологических основ социальных исследований в коллективном письме выступили против попыток делать далеко идущие социальные и политические выводы, основанные на извращении полученных психологами данных. Авторы письма указывали, что статистические результаты тестирования не могут служить достаточным основанием для утверждения о наследовании интеллекта. Опровергается и мнение, что для черных рас якобы «непосильна ноша, возложенная на них цивилизацией». При этом справедливо отмечается, что для обоснования вывода о неравенстве рас по интеллекту следует создать одинаковые условия для развития хотя бы нескольких поколений белых и черных. Известный английский генетик Ш. Ауэрбах также возражает против примитивного подхода к вопросу о наследовании интеллекта [1]. Она утверждает, что корреляция между генами, определяющими цвет волос, кожи и иные биологические качества, и уровнем интеллекта неправдоподобна и ненаучна.

В советской педагогике ведущее место всегда занимали демократические, гуманистические идеи, направленные против фаталистического понимания врожденности поведения человека. В. А. Сухомлинский, говоря о реакции А. С. Макаренко на взгляды тех, кто

[1] New Scientist, 1969, 19 May, p. 491—492.

взаимоотношения в коллективе понимал биологизаторски, писал: «С сарказмом Антон Семенович говорил, что от этого определения на десять тысяч верст пахнет биологизмом, что оно может быть применено к стае обезьян или колонии полипов, но совершенно непригодно для коллектива людей, для человеческой деятельности». И далее В. А. Сухомлинский подчеркивал: «В человеке его человеческие черты формируются только потому, что с первого в своей жизни вздоха — он существо общественное»[1].

Интересуясь формированием подростков, ставших на путь правонарушений, В. А. Сухомлинский провел беседы со 113 преступниками. Он писал: «Самое главное, что пытался выяснить,— это зависимость между нравственным падением этих людей и их духовной жизнью, духовным миром, духовными интересами и нуждами». И делал вывод: «Настоящая духовная жизнь, начатая в детстве, отрочестве, юности, создает Человека, богатство полноценных духовных потребностей и запросов»[2].

Наряду с обучением огромное значение имеет активность личности. Возросший объем знаний, творческое отношение к ним требуют активности со стороны подрастающего поколения. Более того, развиваясь в недрах образования, самообразование приобретает значение самостоятельного фактора.

Непосредственные источники нравственного формирования личности многообразны. Это, во-первых, сама личность со всеми ее изменяющимися свойствами; во-вторых, малые социальные группы — семья, школа и т. д.; в-третьих, производственный коллектив; в-четвертых, в более общем плане, нация, класс и общество

---

[1] *Сухомлинский В. А.* Методика воспитания коллектива. М., 1981, с. 4, 40.

[2] *Сухомлинский В. А.* Жить — мыслить, творить.— Под знаменем ленинизма, 1969, № 9, с. 47, 50.

в целом, осуществляющие политическое, идеологическое, культурно-воспитательное и иное воздействие через средства массовой информации и другие каналы. Политические, экономические и социальные условия жизни членов данного общества, их жизненный опыт, формы поведения и представления оказывают огромное влияние на поведение и взгляды человека. Вряд ли вообще можно назвать такую сторону жизни общества, коллектива, которая была бы нейтральна для формирования личности. К этому следует добавить, что биологические и другие естественные процессы также играют свою роль в развитии личности, взаимодействуя с процессами социальными.

Формирование личности как объект генетического изучения представляет собой весьма сложную область для исследователя. Очень нелегко отличить фенотипическую изменчивость, возникающую под влиянием воспитания, образования, всего комплекса социальных условий, от влияния генотипа.

Например, тот факт, что дети воспроизводят формы поведения родителей, еще мало говорит о роли биологической наследственности, поскольку родители регулируют воспитание детей, а те сами подражают родителям, испытывая при этом влияние семейной среды в целом. В свое время проводились обширные исследования родословных семей, члены которых на протяжении ряда поколений были нищими, проститутками и т. д. Казалось, что эти факты можно считать доказательством биологической, наследственной обусловленности социальных пороков. Но в наши дни подобные генеалогические объяснения не могут быть приняты.

Приведем «жизнеописание» преступника-рецидивиста Р. Родился он в семье в общем благополучной, был третьим ребенком. Отец его был сначала рабочим, а потом квалифицированным краснодеревцем, мастером. Мать, воспитывая детей, одновременно работала в од-

ном из учреждений общественного питания. В семье господствовала атмосфера труда, и Р. воспринял необходимость трудиться как неотъемлемую черту человеческого существования. Однако отец был не прочь выпить и с каждым годом пил все больше. На предприятии это ему прощалось, так как он слыл мастером золотые руки. Он опускался все ниже, что сказывалось на отношениях в семье: стал поднимать руку на жену, чего никогда раньше не делал, а самого Р. втягивать в выпивки. Но пить с отцом Р. не стал, а начал уходить из дому. В уличной компании Р. познакомился с человеком, оказавшимся неоднократно судимым, который выразил ему сочувствие и вскоре стал для него непререкаемым авторитетом. Никаких попыток втянуть Р. в какое-либо незаконное дело новый знакомый на первых порах не предпринимал.

Затем произошел случай, резко изменивший жизнь Р. Пожаловавшись новому знакомому на недостойное поведение отца после очередной пьянки, он получил совет: «А ты проучи его, дай ему так, чтобы запомнил». И Р. «дал», причинив отцу тяжкие телесные повреждения. В местах лишения свободы Р. получил от своего «друга» письмо, содержавшее обещание помощи. Когда он вышел на свободу, то его «друг» уже не скрывал своего обличья, и для Р. началась жизнь, состоящая в постоянной борьбе с законом. Достаточно сказать, что после нескольких осуждений, тяжелых жизненных испытаний, в том числе смерти матери, в значительной степени из-за его поведения, Р. задумался над тем, как он живет. Первая попытка вырваться из того круга, в который он попал, кончилась неудачей. Вторая же попытка, предпринятая с помощью работников органов внутренних дел и коллектива, где он работал после освобождения из мест лишения свободы, привела к отрыву его от преступной среды. Психологически важное значение имело то, что он понял подлость и жестокость

того, кого он считал своим кумиром и кто толкнул его на путь совершения преступлений.

Очевидно, что такие колебания в поведении Р. никак не могут быть объяснены с позиций генетики, равно как и его возвращение на путь честной жизни.

В процессе работы над этой книгой под руководством авторов, использовавших метод отобранных групп, в ряде исправительно-трудовых учреждений было проведено исследование, имевшее целью установление связи между преступлениями родственников разной степени родства, в том числе и связи генетической (исследование провели сотрудники отдела ВНИИ МВД СССР, руководимого И. В. Шмаровым). Были изучены личные дела осужденных, проведены опросы как осужденных, так и представителей администрации, анкетирование. Всего обследовано 200 человек, причем материалы, на основании которых можно делать определенные выводы, касаются 140 человек.

Исследованием было охвачено 10 исправительно-трудовых колоний. В них содержалось около 9 процентов осужденных, имевших ранее судимых родственников. Среди обследованных лиц (выбирались те, у кого родственники были судимы) имели судимых родителей 60 процентов, братьев — 35 и детей — 5 процентов. 60 процентов случаев совместного участия родственников в преступлениях составляют хулиганство и хищения государственного и общественного имущества. Генетическое происхождение этих деяний не доказано.

На вопрос о том, проживали ли осужденные совместно с родственниками на момент осуждения, получены следующие ответы (в процентах).

В 75 процентах случаев осужденные не признают наличия взаимосвязи между их преступлениями и преступлениями родственников. Представители администрации исправительно-трудовых учреждений указывают на эту зависимость чаще, объясняя это тем, что они

Вид колонии (режим)	Проживали совместно	Не проживали	Не жили вместе длительное время
Общий	60	25	15
Усиленный	55	25	20
Строгий	35	30	35

наблюдают, как более опытный в жизни (и более социально запущенный) родственник в специфических условиях места лишения свободы подавляет волю более слабого. Кроме того, нередко сказывается влияние ранее судимых, но находящихся на свободе родственников, которые вступают в контакты с осужденными при свиданиях. Бывает, что после таких свиданий осужденные ведут себя хуже.

Обычно влияние родственников на преступную деятельность тех, кто длительное время совместно с родственниками не проживал, но, оказавшись вместе, встал на преступный путь, объясняется примерно так: приехал в гости (или пожить вместе), «отметили» встречу, поговорили «за жизнь», почувствовали, что «как раз друг друга им и не хватало», и договорились о том, что надо «делать дела» вместе. При этом заинтересованность в совместном совершении преступлений в основе своей имела удовлетворение самых примитивных потребностей обеих сторон (пьянство, разгульная жизнь).

Следует отметить, что исследователи не имели единых критериев установления наличия или отсутствия связи между преступлениями родственников. Поэтому выводы о наличии или отсутствии такой связи являются лишь предположительными. Чаще признавалась эта связь при совершении преступлений, носящих длительный характер, причем явно не «генетического» происхождения (самогоноварение, хищения и т. п.).

В то же время было выявлено следующее. Бóльшая часть преступников упоминала не столько о связи с

родственниками, совершившими преступление, сколько о влиянии образа жизни и поведения их друзей, соседей, сослуживцев, знакомых. Иными словами, очевидными на всех уровнях были не физиологические и тем более не генетические связи между преступниками, а связи социальные, в которых родство выступало лишь как часть социальных связей человека с окружающим его миром и имело меньшую притягательную силу, чем социальные связи не родственного характера.

Здесь же следует сказать и о повторяющемся преступном поведении — рецидиве. Криминологические исследования показывают, что подавляющее число рецидивистов начинало свою преступную деятельность в молодом и даже в подростковом возрасте. Среди них есть люди чрезвычайно социально запущенные, у которых сложился за многие годы отрицательный взгляд на жизнь, направленный против элементарных правил, существующих в обществе. Та среда, в которую эти люди попали, выработала свои нормы поведения и обычно крайне нетерпима к тем, кто не подчиняется им, причем способы принуждения бывают нередко весьма жестокими. В этих условиях кроме «подогревания» таких черт человека, как непомерное честолюбие и самолюбие, господствуют жестокость и страх. И если человек долго подвергается подобному воздействию, это создает огромные трудности для его возвращения на путь честной жизни. Специфические условия, влияние «двойного», противоположно направленного воздействия — преступной среды и персонала исправительного учреждения, социальная запущенность и незрелость приводят к колебаниям в поведении. Одни люди исправляются (хотя о полной нравственной переориентации говорить не приходится, это процесс длительный) и больше не совершают преступлений. Другие «держатся» какой-то период, но потом вновь возвращаются на преступный путь. Третьи совершают преступления, практически не

успев даже понять, что такое жизнь на свободе: уже в поезде, увозящем человека из места лишения свободы, а иногда и по пути на поезд.

Жизнь в обычных условиях тоже связана с определенными испытаниями для тех, кто привык нарушать закон и отбывать за это наказание. Человек адаптируется к конкретным социальным условиям, привыкает к ним и не так-то просто приспосабливается к новым, даже если прежние условия объективно непригодны для нормальной человеческой жизни, а новые открывают простор для утверждения человеческой сущности. При этом в случаях преобладания отрицательного влияния происходит не только привитие человеку антисоциальных правил поведения, но и подавление его интеллекта, психики, осуществляется психологическое давление на него, принижение его человеческого достоинства, выработка безоговорочного подчинения «лидерам» преступного мира.

Попадание после осуждения в непривычную среду, даже объективно полезную, переживается человеком болезненно; груз прошлого тянет его назад, тем более что новая среда предъявляет к нему ряд непривычных и часто трудных требований. Криминологическое исследование группы лиц, неоднократно совершавших преступления, показало: 9 процентов изученных лиц не адаптировались после освобождения из мест лишения свободы потому, что не преодолели отчуждения, сложившегося в отношениях с новым коллективом; 11 процентов — из-за «непомерно высоких требований к ним» (между тем эти требования были обычными: соблюдать дисциплину труда, быть корректными в общении, не пьянствовать, не лодырничать, не отлынивать от общественных поручений); 7 процентов не адаптировались из-за неудовлетворительно сложившихся по их же вине отношений в коллективе; 13 — из-за сугубо формальных, холодно-безразличных отношений в коллек-

тиве и 14 — потому, что считали свою работу временной. Остальные 46 процентов адаптировались в новых условиях и больше преступлений не совершали.

Приведенные данные свидетельствуют о том, что воспитательная работа с лицами, совершающими преступления, трудна и ее результаты оказываются весьма неоднозначными. У многих лиц становление на путь честной жизни проходит через ряд этапов, например вслед за первым преступлением они сразу же могут совершить второе, после этого несколько лет не совершать нового преступления, а затем вновь его совершить и, наконец, окончательно порвать с преступным прошлым. Вряд ли можно представить себе в подобном случае какое-либо генетическое воздействие. Генотип не может меняться столько раз, сколько изменений происходит в поведении человека, и говорить о том, что причины преступного поведения (и исправления) имеют генетическое происхождение, конечно, не приходится.

На психологию и поступки человека, особенно молодого, оказывают серьезное влияние объективные противоречия, существующие в реальной жизни. Едва ли, например, сформируется у человека устойчивость взглядов, если он видит противоречия между тем, чему учит его воспитатель, и тем, что этот воспитатель делает на самом деле, особенно тогда, когда провозглашаемые «истины» изрекаются как нечто непреложное и общеобязательное. Разочарование от таких «уроков жизни» оставляет глубокий след в душе человека, и он чаще всего приходит к выводу, что удобнее жить, исповедуя двойную мораль, демонстрируя себя «для всех» как общественно активного и сознательного, а «для себя» являясь таким, каким это ему выгодно. Очевидно, что разрыв между обещаемым и исполняемым, провозглашаемым и существующим на деле — явление социальное. И антиобщественное, преступное поведение,

вызываемое таким разрывом, тоже имеет социальный характер.

Процессы отражения, творческого создания социальных программ длятся всю жизнь человека, что ведет к постоянному обогащению его личности, поведения, знаний, мировоззрения, к возрастанию его участия в жизни общества. Развитие человека при взаимодействии генетической программы с социальными условиями, справедливо отмечает советский исследователь, *«предполагает устойчивое отражение всех воздействий окружающей среды в особенностях внутреннего развития. Способность организма к такому отражению не постоянна. Она изменяется в онтогенезе. Взаимодействие названных программ обеспечивает относительную независимость онтогенеза человека от генотипа»* [1].

Каждый этап в развитии человека формирует в нем новые качества, которые служат основой дальнейшего онтогенеза. Для успешного воспитания необходимо не только подготовить ребенка к обучению, но и знать те периоды, когда он наиболее способен положительно воспринять данный вид обучения. В течение критических периодов интенсивно проявляется единство созидательных и разрушительных процессов, которые при неблагоприятных социальных воздействиях деформируют личность. Поэтому в такие периоды требуется особое внимание к детям, сознательное предотвращение отрицательных воздействий, мешающих формированию положительных качеств личности человека. Критические периоды — это этапы целостного онтогенеза, сопровождающиеся бурными перестройками. В остальное время происходит более плавное развитие. Таким образом, весь жизненный цикл человека от рождения до смерти представляет собой постоянное само-

---

[1] *Карсаевская Т. В.* Прогресс общества и проблемы целостного биосоциального развития современного человека. М., 1978, с. 123.

совершенствование, становление и обогащение его социальной сущности на базе все усложняющегося отражения социальных условий жизни.

Генетическое разнообразие создает уникальность, неповторимость биологической индивидуальности каждого из людей. Однако эта биологическая уникальность, накладывающая свой отпечаток на нейродинамические основы и чувственно-эмоциональную окраску личности, ее темперамент и характер, не входит в нее как «вторая» сущность наряду с сущностью социальной. В процессах онтогенеза, под которым подразумевается весь жизненный цикл человека, благодаря наличию генетически детерминированной способности к универсализму, усвоению социальной программы человек выступает как открытая социальная система, творчески отражающая воздействие окружающей действительности.

3. Мотивация поведения: потребности и интересы

Чтобы глубже разобраться в механизме антиобщественных поступков, рассмотрим ряд вопросов, связанных с мотивацией поведения. Именно на этом этапе нередко зарождается конфликт личности со средой, выражающийся затем в противоправном поведении. Следует заметить, что, трактуя природу человеческих потребностей, представители западной психологии и социологии часто прибегают к биологическому упрощению проблемы. Известный психолог У. Мак-Дауголл утверждал, например, что человеческие поступки определяются такими инстинктами и влечениями, как драчливость, самоунижение, воспроизводство, стадность и т. п. Однако концепции подобного рода противоречат исторической практике. Потребности человека и спо-

собы их удовлетворения «сами представляют собой продукт истории и зависят в большой мере от культурного уровня страны, между прочим в значительной степени и от того, при каких условиях, а следовательно, с какими привычками и жизненными притязаниями сформировался класс свободных рабочих»[1].

Потребности человека служат основой для формирования целей поведения и познания тех объектов, на которые оно направлено. Многие из потребностей имеют биологическую природу, например потребности в самосохранении, питании, размножении. Следует, однако, иметь в виду, что все потребности человека социализированы. Так, потребность в самосохранении трансформируется в представление об общественной безопасности, возникают новые потребности: в труде, общении, познании окружающего мира, развитии мировоззрения.

В некоторых случаях потребности могут деформироваться и даже деградировать. Анализ потребностей и интересов, характерных для лиц молодого возраста, нарушивших закон, показывает, что у большинства из них преобладают элементарные органические потребности, духовная их сфера неразвита, интересы в большинстве случаев примитивны и односторонни, потребности творческого характера редки. У молодых преступников, совершивших кражи, хулиганские действия, грабежи и другие преступления, были отмечены такие черты, как жадность и корысть (23,2 процента обследованных), бедность духовных интересов (38,9), индивидуализм (47,2), привычка к алкоголю (57,1 процента)[2]. Уровень духовных потребностей несовершеннолетних преступников характеризуется хотя бы тем, что всего 10—13 процентов из них более или менее систе-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 182.

[2] См.: *Игошев К. Е.* Психология преступных проявлений среди молодежи. М., 1971, с. 152.

матически читают художественную литературу, в то время как у подростков контрольной группы этот показатель доходит до 60 процентов.

При изучении преступного поведения важное значение имеет анализ извращенных потребностей. Многие из них входят в те же группы, что и нормальные потребности, но отличаются от них по содержанию или интенсивности. Так, извращенными потребностями в сфере материальных интересов являются стяжательство, накопительство; в сфере социального общения — стремление к превосходству над окружающими, честолюбие, карьеризм, насилие над личностью; в мировоззренческой сфере — эгоцентризм, фанатизм. Специфическими извращенными потребностями становятся алкоголизм и наркомания.

Изучение причин преступлений свидетельствует о том, что в наших условиях стремление к удовлетворению минимально необходимых жизненных потребностей довольно редко служит стимулом для нарушения закона. В одном из исследований по вопросам мотивации преступного поведения было установлено, что только 2 процента из числа подростков, совершивших грабежи и разбойные нападения, и 9 процентов из числа совершивших кражи сделали это с целью приобретения средств на питание, одежду или на проезд в связи с материальными затруднениями. С другой стороны, потребностью в алкоголе руководствовались 48 процентов обвиняемых, стремлением получить одобрение группы сверстников, доказать свою «взрослость» — 19, желанием иметь деньги на развлечения — 10 процентов. До 40 процентов взрослых, осужденных за хищение социалистического имущества, объяснили свое поведение склонностью к пьянству, стремлением к разгульной жизни.

Что касается духовных потребностей, в особенности познавательного и творческого содержания, то они

практически не встречаются в качестве субъективных причин преступного поведения. Однако нередко такой причиной становятся потребности, входящие в комплекс потребностей в социальном общении. Стремление к признанию со стороны группы, личный престиж, самолюбие, ложно понимаемое чувство товарищества нередко играют негативную роль, особенно у молодежи и подростков.

Среди потребностей, наиболее тесно связанных с физиологическими процессами организма и имеющих базовое значение для продолжения человеческого рода, часто называют сексуальную потребность (влечение). Генетическая обусловленность сексуально ориентированных поступков многим представляется если не очевидной, то во всяком случае гораздо более вероятной, чем, например, такая обусловленность применительно к потребностям в знаниях, творчестве, социальном общении.

Однако не только криминологические исследования, но и исследования генетиков и психологов не подтверждают врожденного происхождения так называемого сексуального поведения. Группа американских ученых под руководством профессора Г. Харлоу изучала обезьян (макак-резусов), изолированных от матери и своих сородичей другого пола. Когда спустя определенное время исследователи захотели получить потомство от этих животных, оказалось, что обезьяны — как самцы, так и самки — не способны к сексуальной активности. Лишение животных контактов с другими особями делало их психическими инвалидами и исключало возможность осуществления, казалось бы, врожденной, чисто инстинктивной деятельности. Что касается человека, то нет таких действий, которые он мог бы выполнять без соответствующего опыта. По существу, все формы эмоционального поведения человека являются продуктом развития и научения.

Данные многочисленных исследований свидетельствуют о том, что для большинства правонарушителей характерны: 1) нарушение равновесия между различными видами потребностей; 2) общая бедность потребностей и интересов; 3) извращенный характер некоторых из них; 4) аморальность способов их удовлетворения[1]. Довольно часто примитивные и извращенные потребности правонарушителей по степени своей интенсивности существенно превосходят нормальные потребности этих лиц и в случае борьбы мотивов могут «перевесить», отрицательно повлияв на выбор целей и средств деятельности.

Как уже отмечалось, ряд потребностей человека имеют биологическую основу. И. П. Павлов, разбирая книгу Э. Кречмера, заметил: «Мы теперь очень стоим на том, что имеются врожденные качества человека, а с другой стороны, привитые ему обстоятельствами жизни... Если речь идет о врожденных качествах, это будет тип нервной системы, а если идет дело о характере, то это будет смесь прирожденных наклонностей, влечений с привитыми в течение жизни под влиянием жизненных впечатлений»[2]. Влечения — это и есть потребности биологического уровня, которые, разумеется, проявляют себя через сложную систему ценностных ориентаций, взглядов, привычек человека, действующего в социальной среде.

Указывая на значение потребности для человеческого поступка, К. Маркс и Ф. Энгельс писали: «Никто не может сделать что-нибудь, не делая этого вместе с тем ради какой-либо из своих потребностей и ради органа этой потребности...»[3] Это, однако, не означает,

---

[1] См.: *Джекебаев У. С.* О социально-психологических аспектах преступного поведения. Алма-Ата, 1971, с. 67; см. также: Курс советской криминологии. М., 1986, с. 337.

[2] *Павлов И. П.* Избр. произв. М., 1951, с. 540.

[3] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3, с. 245.

что потребность всегда является непосредственной, ближайшей субъективной причиной преступного поведения. Между потребностью и поступком в большинстве случаев стоит интерес, т. е. осознание человеком как своих потребностей, так и общих условий и средств, способствующих их удовлетворению. «Именно интересы лежат в основе мотивации деятельности, определяют ее цели, а также мир ценностей и ориентаций, присущих данной личности или группе лиц» [1].

Суть интереса заключается в удовлетворении потребности. При этом интерес включает осознание не только потребности, но и того более или менее длительного и сложного пути, который необходимо пройти до стадии ее удовлетворения. Этот путь зависит от характера потребности, социального статуса личности, внешних и внутренних условий поведения и многих других факторов. Кроме того, непосредственные интересы человека могут состоять в том, чтобы устранить объективно сложившиеся препятствия к удовлетворению тех или иных потребностей. Если, например, удовлетворение потребности лица в социальном общении, в признании и одобрении со стороны ближайшего окружения затруднено из-за неприязненных отношений с каким-то членом коллектива, то интересы субъекта могут быть в этом случае направлены на устранение указанного препятствия, в том числе и неправомерными средствами.

Таким образом, преступное поведение может преследовать следующие цели:

а) непосредственное удовлетворение какой-либо потребности (это характерно, например, для многих имущественных преступлений);

б) осуществление более отдаленных жизненных

---

[1] *Шляпочников А. С.* Значение категории интереса в криминологии.— Советское государство и право, 1972, № 10, с. 88.

планов, лишь в конечном счете направленных на удовлетворение какой-то потребности (например, взяточничество, злоупотребление служебным положением, приписки к государственной отчетности, подлог документов, клевета);

в) разрешение личных конфликтов и устранение препятствий к удовлетворению актуальных или потенциальных потребностей (например, преступления против личности, против общественного порядка).

Не все эти формы поведения одинаково распространены. Преступление как реализация более или менее далеко идущих жизненных планов наблюдается на практике сравнительно редко. По данным К. Е. Игошева, твердая жизненная цель отсутствует в среднем у 54,5 процента молодых преступников. Не удивительно поэтому, что преобладают ситуативные, большей частью весьма примитивные «планы» преступной деятельности, цели которой носят непосредственно потребительский характер: достать деньги для выпивки, отомстить обидчику, «показать себя» окружающим и т. п.

Напротив, конфликты как непосредственные причины преступного поведения довольно часты: почти каждый девятый из молодых преступников находился в момент совершения преступления в остром конфликте с окружающими; среди лиц, совершивших убийства и изнасилования, эта цифра еще выше — 28,1 процента [1]. Это не случайно. Ведь сами свойства личности правонарушителей и их поведение, предшествующее преступлению, во многих случаях создают противоречия в ближайшем социальном окружении, вызывают ссоры в семье и на производстве, неприязнь со стороны окружающих. Потребности и интересы, попытки удов-

---

[1] См.: *Игошев К. Е.* Психология преступных проявлений среди молодежи, с. 65.

летворения которых служат впоследствии источником преступления, уже во время своего формирования не соответствуют общепринятым нормам, противоречат им, создавая неизбежные для данного лица трудности в его социальном общении.

Формирование общественно полезных потребностей — не менее важная задача, чем обеспечение всесторонних экономических, социальных и духовных возможностей для их удовлетворения. Необходимо ясно представлять себе механизм человеческого поведения в тех случаях, когда образуется расхождение, разрыв между потребностями лица и возможностями их удовлетворения в данных конкретных условиях. Это может объясняться рядом причин: экономическими, организационно-управленческими, социально-психологическими, в том числе связанными и с особенностями личности данного субъекта. В некоторых случаях указанный разрыв существует лишь в воображении субъекта, но тем не менее непосредственно определяет его поведение.

Механизм дальнейшего поведения заключается в том, что на основе потребностей и интересов намечаются цели поступка и средства, пригодные для достижения этих целей. Как видим, от потребности до правонарушения, преступления — большая дистанция. Даже в том случае, если потребность является негативной, социально неодобряемой (например, корысть), это еще не значит, что будет совершено преступление.

Тем более велика дистанция от генетически заданных предпосылок той или иной потребности (например, самосохранения) до конкретного акта поведения, направленного на ее удовлетворение. У человека все потребности находятся под контролем сознания и воли, и их реализация предполагает всякий раз выработку и принятие решения. Этот процесс мы рассмот-

рим далее. А пока несколько конкретизируем проблему мотивации применительно к так называемому агрессивному поведению.

4. *Агрессивность и альтруизм*

Заметную роль в мотивации преступного поведения играют чувства и эмоции негативного характера: гнев, страх, месть, враждебность и т. п. Агрессивное поведение, тесно связанное с этими эмоциями, выражается в драках, побоях, оскорблениях, телесных повреждениях, убийствах, отчасти в изнасиловании, в повреждении либо уничтожении имущества. Именно такое поведение нередко рассматривается в качестве наиболее убедительной модели, подтверждающей тезис о генетической природе преступности. При этом полагают, что агрессивное, особенно недостаточно мотивированное, поведение есть прямое проявление генетического неблагополучия индивида, пусть даже и не выраженного в хромосомной аномалии.

Идея прирожденной агрессивности человека исповедуется многими буржуазными философами, политиками и биологами. Некоторые из них, по существу, ставят знак равенства между агрессивностью, т. е. враждебностью по отношению к людям, и любым активным началом. Так, К. Лоренц, один из предшественников социобиологии, писал, что у человека чувство агрессии — это внутренняя, наследственно закрепленная потребность убивать и что «социальная организация человеческого общества очень подобна таковой у крыс. Люди, как и крысы,— миролюбивые существа в пределах их клана, но очень злые против индивидов других видов или групп, не принадлежащих к их клану или виду»[1]. На этой почве даже возмож-

---

[1] *Lorenz K.* On aggression. L., 1966.

ность преступной ядерной войны изображается как биологически детерминированное проявление агрессивности людей. В более позднем произведении К. Лоренц заявляет следующее: «Если у вас не хватает личной агрессивности, вы не индивидуальность... И коллективный, воинственный энтузиазм, являющийся предпосылкой для войны, служит также предпосылкой для всех высших человеческих стремлений»[1].

Как известно, такая позиция не нова. З. Фрейд также утверждал, что «склонность к агрессивному поведению является неистребимым инстинктом человеческой природы»[2]. Между тем видные прогрессивные биологи, генетики, философы и юристы уже давно раскрыли несостоятельность утверждений об агрессивной природе человека, о ее генетической обусловленности.

Еще Ч. Дарвин, признавая, что определенные реакции и поступки людей основаны на врожденных механизмах, вместе с тем отмечал, что многое в их поведении обусловлено общественными нормами. Врожденными реакциями являются, например, переживание чувства страха, стремление к избежанию опасности или самозащите. Однако все эти реакции, способные вызвать физиологический аффект, могут сдерживаться, контролироваться и направляться человеческим сознанием. Нелишне заметить, что если эти эмоции, как показывают медицинские исследования, можно ослабить или усилить посредством медикаментов, то, следовательно, они не замкнуты фатально на прирожденных механизмах психики.

«У высокоразвитых животных и у человека...— писал Д. Крук,— в поведении присутствует значительный компонент агрессии, который проявляется в тенденции

---

[1] Psychology today, 1974. N 6, p. 90.

[2] *Freud S.* Arguments for an instinct of aggression and destruction.— Abstracts of S. Freud. Porkville, 1971, vol. XXI, p. 152.

отвечать нападением или враждебностью на определенные виды раздражителей. Однако не существует достоверных доказательств в пользу генетически (наследственно) обусловленной потребности в агрессивном поведении»[1]. Как отмечает австрийский ученый В. Холличер, «все то, что является специфическим для поведения человека, не является врожденным, а то, что является врожденным, не носит черт, специфических только для человека»[2].

О том, что те или иные проявления агрессивности тесно связаны с типами человеческой культуры, наглядно свидетельствуют антропологические исследования. Они показывают, что переживания и эмоции, порождаемые как внешними, так и внутренними причинами, выражаются у человека обычно в форме, принятой в той культуре, к которой он принадлежит.

Любопытный пример влияния воспитания на агрессивность в поведении подростков дает наша современная практика. В Черемушкинском районе Москвы была создана общеобразовательная спортивная школа со специализацией по самбо. Подростки, поступавшие в школу (некоторые из них ранее состояли на учете в милиции), не только не стали сами пополнять ряды правонарушителей, но и активно помогали вести борьбу с хулиганством в микрорайоне. В их взглядах на свою роль в обществе, на отношение к другим людям произошел резкий поворот. Одна из учительниц этой школы так сказала об этом превращении: «Когда ребята пришли в школу, многие из них были плохо управляемы, дерзки и даже агрессивны. Казалось бы, занятие таким видом спорта, как самбо, должно было усугубить эти черты характера. Произошло же обратное: ребята постепенно стали мягче, внимательнее к

---

[1] *Crook J. H.* The nature and function of territorial aggression.— Man and Aggression. Oxford, 1968, p. 154.

[2] *Холличер В.* Человек и агрессия. М., 1975, с. 129.

тем, кто был послабее, агрессивность сменилась добротой». Подобный процесс примечателен, во-первых, тем, что за короткий срок изменилось поведение подростков, а это трудно объяснить прирожденными механизмами; во-вторых, тем, что сознание своей силы и своей полезности положительно повлияло на нравственное развитие подростков.

А вот несколько иной пример, приводящий, однако, к аналогичным выводам. Член Национального совета судей по делам несовершеннолетних (США) К. Вуден в книге «Они плачут, когда другие смеются» рассказывает об эксперименте, проведенном американскими учеными в стенфордской тюрьме. Суть его состояла в том, чтобы определить, как будут вести себя люди, никогда не совершавшие преступлений, но принявшие на себя роль преступников или роль сотрудников тюрьмы (надзирателей, воспитателей и т. п.). Кандидаты на эти роли выбирались из числа студентов юридических учебных заведений на основе принципа добровольности. Все они были физически здоровы. Их участие в эксперименте было анонимным как для заключенных, так и для тюремной администрации. Результаты эксперимента потрясли исследователей, развеяв многие ранее сложившиеся представления.

«Заключенные» быстро вошли в свою роль как обычные участники специфической тюремной микросреды. Они сразу же восприняли правила и установки заключенных, их стиль общения между собой и отношение к администрации. Новый образ жизни настолько сильно подействовал на неопытных студентов, что у некоторых из них уже на шестой день пребывания в тюрьме стали появляться странности в поведении. У других, не выдержавших психической нагрузки, ужасных нравов, царящих в этой микросреде, стали обнаруживаться психические отклонения в виде продолжительного плача, припадков ярости, нарушения

мыслительных процессов, подавленности и т. п. Пришлось их срочно выводить из эксперимента, чтобы они не заболели серьезными психическими расстройствами.

Группа студентов, игравших роль надзирателей, столь же быстро усвоила «правила жизни» этой категории людей. Близкое знакомство с их нравами и с отношением к заключенным привело к тому, что вскоре они стали проявлять пренебрежительное отношение к заключенным, прибегать к окрикам, затем к рукоприкладству и, наконец, к жестоким методам и издевательству. В спокойных ранее людях развились агрессивные черты. Подавление сопротивления и унижение людей стали им нравиться. Их взгляды резко изменились. Вместе с тем у некоторых стали проявляться психические отклонения, и их тоже пришлось выводить из эксперимента.

Таким образом, данное исследование показало, что агрессивность как прививается, так и снимается социально.

Подробное изучение причин поведения лиц, совершивших тяжкие насильственные преступления (убийства, телесные повреждения, хулиганство), было проведено Н. А. Барановским, который установил, что большая часть указанных преступлений была связана со стремлением к реализации социальных потребностей в узком смысле (потребностей социального общения, межличностных взаимодействий). Вообще к этой группе относятся нормальные человеческие потребности в общении, товариществе, уважении, признании, самоутверждении. Однако во многих случаях эти потребности искажаются, извращаются, переходят в стремление к превосходству над окружающими, к навязыванию своей воли, к насилию над другими людьми. Часто такая деформация личности связана с пьянством.

У субъектов, совершивших тяжкие насильственные преступления, доминировали следующие стремления (в процентах к числу изученных дел):

к насилию над другими людьми	42
к самоутверждению	25
к превосходству над окружающими	10
к власти	7
эгоцентризм	6

Таким образом, в 90 процентах случаев потребности, лежащие в основе указанных преступлений, связаны с проявлением преступниками своего «Я», чаще всего в извращенной форме. Эти потребности в 81 проценте случаев были хорошо осознаны преступниками, причем в 31 проценте имели устойчивую личностную значимость. Из деформированных потребностей вытекают и антиобщественные цели, преследуемые в поведении, которое направлено на их удовлетворение [1]. Так, в 68 процентах случаев из общего числа изученных преступлений насильственные действия объяснялись стремлением к установлению отношений авторитарной власти (подчинения, превосходства и страха). Эти данные подтверждаются и другими исследованиями [2].

Те или иные мотивы поведения преступников вовсе не являются прирожденными. Известно, что нормальная потребность человека, признаваемая и гарантируемая обществом, может подчас встретить препятствие при своем осуществлении в конкретной жизненной ситуации, в малой социальной группе. Достаточно сказать, что даже в случаях тяжких насильственных преступлений 14 процентов лиц, их совершивших, стре-

---

[1] Интересные исследования, подтверждающие сказанное, провела и проводит группа ученых под руководством профессора А. Р. Ратинова.

[2] См.: *Игошев К. Е.* Психология преступных проявлений среди молодежи. М., 1971.

мились в сложившейся конфликтной ситуации к установлению отношений равенства и взаимопонимания, чему препятствовал потерпевший. В таких ситуациях ведущий интерес субъектов состоит часто в том, чтобы «содействовать сохранению условий, благоприятных для жизни... и бороться с условиями, затрудняющими их существование...»[1]. Правда, для этого некоторые лица не находят (а часто и не стремятся найти) подходящие средства, допускаемые законом.

Анализ различных криминогенных факторов показывает, что действия преступников вовсе не являются «необъяснимыми», не связанными с социальной средой. Многие агрессивные поступки обусловлены низким уровнем культуры, пьянством, конфликтами на производстве и в быту. По этой причине борьба с агрессивным поведением — с преступлениями, направленными против жизни, здоровья, достоинства личности,— вполне возможна и необходима путем самых различных социально ориентированных мероприятий.

Иногда в качестве доказательства прирожденной агрессивности человека приводят примеры, связанные с так называемыми «безмотивными» преступлениями.

Прежде всего заметим, что термин «немотивированные» («безмотивные») преступления выдвинут не криминологами, не специалистами в области права и не генетиками. Он получил широкое хождение с легкой руки журналистов и писателей, интересовавшихся проблемами преступности, особенно тех, кто писал о различных преступлениях, потрясавших западный мир. Например, об известном эпизоде, когда из окон нью-йоркского небоскреба преступником были расстреляны многие ничего не подозревавшие люди. «Безмотивными» преступлениями подчас называли жестокие

---

[1] *Джекебаев У. С.* О социально-психологических аспектах преступного поведения, с. 62.

8 Заказ № 7102

расправы бушующих подростков над первыми попадавшимися им на пути людьми. Даже вопиющие преступления банд, носившихся на мотоциклах в немецких военных касках и с фашистскими крестами на шеях, западные журналисты, а за ними и некоторые теоретики пытались объявить безмотивными, неким проявлением природной агрессивности человека.

Получив распространение, этот термин стал применяться без особого раздумья о том, могут ли вообще быть безмотивными поступки нормального человека. И у нас о некоторых проявлениях хулиганства тоже стали писать как о «безмотивных» преступлениях. Действительно, с точки зрения процесса принятия решения такое преступление, как хулиганство, внешне может казаться чем-то импульсивным, необъяснимым. Иногда и сам преступник бывает не в состоянии объяснить свое поведение. И подчас полагают, что, сказав: «безмотивное», тем самым «решают» проблему, перенося ее, так сказать, в область непознаваемого.

Сотрудники Всесоюзного института проблем укрепления законности и правопорядка при Прокуратуре СССР (руководитель А. Р. Ратинов) изучили более 700 уголовных дел о разных преступлениях, главным образом насильственного характера, в которых «на поверхности» можно было видеть деяние, но мотивация его требовала более глубокого проникновения в его сущность, в том числе путем изучения личности преступника, его совершившего. При тщательном изучении этих дел исследователи не обнаружили ни одного «безмотивного» преступления. Выяснилось, что, когда преступники не хотели открыть смысл и мотивы своего поведения (что и служит основанием для тех, кто видит лишь поверхностные «слои» преступления, делать вывод о «безмотивности»), они говорили: «не задумывался», «не знаю», «сам не понимаю, как это произошло», «случайно сделал» и т. п. Так говорили

18 процентов обследованных убийц, треть хулиганов, 37 процентов осужденных за разбойные нападения и грабежи, 42 процента — за кражи, 60 процентов — за изнасилования. Потребовалась кропотливая работа для того, чтобы исследователи смогли проникнуть в сущность события и внутренний мир преступников. Оказалось, что в каждом из этих семисот дел поведение преступников внутренне было мотивировано. Таким образом, непонятное поведение, не укладывающееся в привычные схемы, не есть нечто безмотивное и непознаваемое. Пристальное внимание к личности человека, совершившего, допустим, «безмотивное» хулиганство, позволяет снять покров «таинственности» с его поведения. Изучение личности этих преступников показывает, что тот «безмотивный» поступок, который, как взрыв, проявляется вовне, является обычно результатом длительного внутреннего созревания антиобщественной направленности личности. Истоки такого поведения лежат в тех обстоятельствах, в которых личность формировалась. Это и неблагоприятные условия жизни, связанные с различными сторонами социальной реальности, и прежде всего микросоциальные конфликты: травмирующая обстановка в семье, не сформировавшиеся контакты с ближайшим окружением, конфликты с ним, «перенос» нарастающих настроений протеста с ближайшего окружения на людей в целом. И чаще всего такая «злоба на весь мир» свидетельствует о провалах в социальном воспитании личности [1].

Нередко подобные лица, желая создать конфликтную ситуацию, но не имея при этом конкретного адресата своих агрессивных действий, не представляя себе в деталях (а подчас даже и в общих чертах), что же

---

[1] См. об этом подробнее: *Чазкин С.* Похитители разума, с. 77, 135; *Шур Э.* Наше преступное общество, с. 106.

они будут делать, вооружаются «на всякий случай», вливают в себя «для храбрости» определенную дозу алкоголя и выходят на улицу. А затем самый незначительный предлог (нередко провоцируемый) вызывает поведение, которое и выглядит как «безмотивное». Человек, «подготовивший» себя таким образом, совершает дерзкие и часто жестокие по характеру преступления, особенно в тех случаях, когда его асоциальное созревание отягощается наличием психопатических черт.

И все-таки такой преступник всегда в конечном счете знает, чего он хочет. Так или иначе у него срабатывает глубинная мотивация поступков, ибо «навредить (отомстить) всем» — это тоже мотив, хотя и примитивный, впрочем соответствующий примитивным представлениям данной личности о своей роли в обществе, об отношении к другим людям.

В то же время необходимо учитывать, что подобная форма поведения весьма часто присуща лицам невменяемым, страдающим агрессивными формами психических заболеваний. Это подлежит обязательному установлению с помощью судебно-психиатрической экспертизы. Подобного рода болезненные состояния, естественно, могут носить и генетический характер. Но в случае невменяемости отпадает вопрос об уголовной ответственности, а термин «безмотивность» теряет всякий смысл, ибо мотивация поведения присуща лишь нормальной человеческой личности.

«Прирожденная агрессивность», рассматриваемая как черта всего животного мира, как свойство дикаря, как проявление генетических аномалий и т. п., нередко противопоставляется поведению альтруистическому, направленному на благо других людей, как более позднему, социальному по своей природе образованию. Правда, в последнее время высказывалась и другая точка зрения, согласно которой именно альтруизм является прирожденной чертой человека, а агрессив-

ность — результатом негативных социальных влияний. «Альтруизм, супружеская верность, отеческая преданность молодому поколению и другие аналогичные формы поведения свойственны многим видам от насекомых до млекопитающих»[1],— утверждает американский журнал «Сайенс».

Так или иначе, один из двух полюсов оси «агрессивность — альтруизм» объявляется прирожденным и наследственным признаком человеческого рода. Разница лишь в том, что, согласно одной точке зрения, «человек по природе зол», а согласно другой — он «по природе добр».

Что касается агрессивного поведения, то это, как уже отмечалось, не прирожденная биологическая реакция (разумеется, за исключением неконтролируемых действий, совершаемых лицами невменяемыми), а одна из форм поведения, обусловленная социальными связями и отношениями, хотя и порицаемая правом и господствующей нравственностью.

Но, может быть, верна другая точка зрения, которая признает прирожденной чертой человека альтруизм? На этот вопрос дают отрицательный ответ многие работы, известным обобщением которых можно считать статью американского психолога Д. Т. Кэмпбелла[2]. Автор убедительно показывает, что в основе альтруистического поведения человека лежит социальный нормативный аспект, отражающий выгодность взаимного сотрудничества членов человеческого сообщества, сложившегося еще в глубокой древности. Такие мотивы человеческого поведения, как честность, доверие, храбрость, стремление к накоплению и сохранению

---

[1] Science 10.I.1975. См. также: *Эфроимсон В. П.* Родословная альтруизма.— Новый мир, 1971, № 10.

[2] См.: *Кэмпбелл Д. Т.* Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: эволюционный аспект.— Психологические механизмы регуляции социального поведения. М., 1979.

продуктов производства, «могут быть рассмотрены как мотивы приобретенные, постепенно внедряемые в каждое новое поколение путем социального обучения»[1].

Анализируя результаты исследований Дж. Уильямса и Б. Хэлдейна, Д. Т. Кэмпбелл детально разбирает генетическую сторону предполагаемого прирожденного альтруистического поведения. Он, в частности, обращает внимание на то, что если бы в человеческой группе по тем или иным причинам (например, в результате мутаций) появилось несколько индивидов с предполагаемыми «генами храбрости и самопожертвования», то эта группа поначалу стала бы более жизнестойкой; однако репродукционные возможности «трусливых» индивидов отнюдь не понизились бы, а так как их в группе больше, то со временем они будут встречаться в популяции более часто. «Если в храбрости существует компонент самопожертвования, то нет способа, с помощью которого альтруистические генетические тенденции могут усиливаться по сравнению с тенденциями к самосохранению»[2].

Собственно говоря, этот вывод был сформулирован еще Ч. Дарвином. «Весьма сомнительно,— писал он,— чтобы потомки людей благожелательных и самоотверженных, или особенно преданных своим товарищам, были многочисленнее потомков себялюбивых и склонных к предательству членов того же племени... Наиболее храбрые люди... должны в среднем гибнуть в большем числе, чем другие»[3]. Иными словами, альтруизм не мог бы закрепиться в наследственных признаках организма; способность человека к самопожертвованию, склонность к сотрудничеству и взаимопомощи не

---

[1] *Кэмпбелл Д. Т.* Социальные диспозиции индивида и их групповая функциональность: эволюционный аспект.— Психологические механизмы регуляции социального поведения, с. 81.

[2] Там же, с. 95.

[3] *Дарвин Ч.* Соч. М., 1953, т. 5, с. 243.

биологические, а социальные черты личности и общества, способствующие сохранению рода и прогрессивному развитию. Ни агрессия, ни альтруизм не могут быть научно обоснованы с генетических позиций.

Это положение является достаточно общепризнанным среди большинства советских ученых, хотя поставлены еще далеко не все точки над «и».

Проведенные за последние годы исследования указывают лишь на то, что могут наследоваться анатомические и физиологические особенности организма, а также динамические свойства нервной системы [1]. Но влияют ли подобные свойства на формирование нравственных качеств человека? Это вызывает серьезные сомнения, которые могут быть опровергнуты только при получении достаточно убедительных конкретных доказательств. В литературе отмечалось, что, «возможно, правильнее говорить не о биологических предпосылках нравственности как компонента общественной жизни человека, а о естественной предыстории определенных механизмов поведения, связанных с развитием и обогащением эмоциональности и способностью к психической саморегуляции» [2].

5. Принятие и исполнение решений

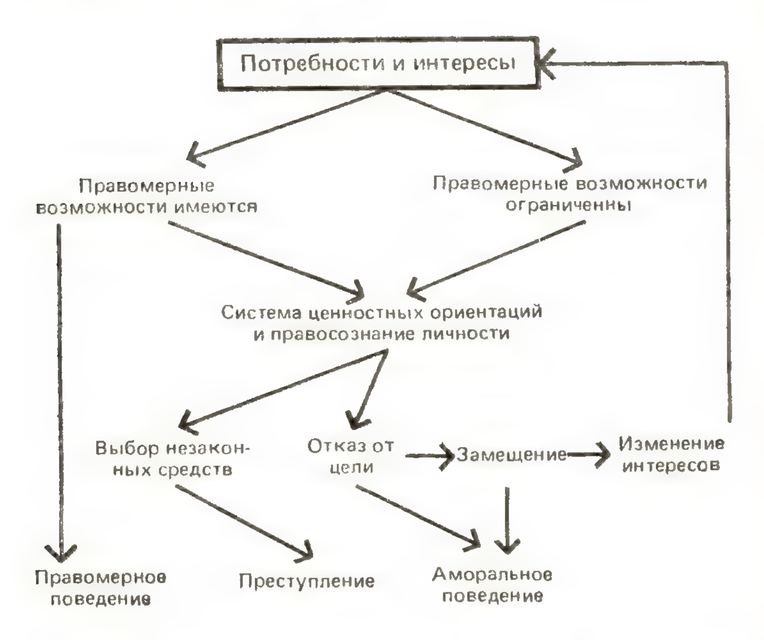
Итак, потребности и интересы лица более или менее отчетливо определены, мотивы поступка сформировались. Однако это еще не поведение, в том числе и не преступление. На пути от потребностей и интересов до поступка имеется ряд звеньев, которые могут напра-

---

[1] Подробнее см., например: *Дитль Г.-М., Газе Г., Кранхольд Г.-Г.* Генетика человека в социалистическом обществе, с. 110 и далее.

[2] *Полис А. Ф.* Единство социального и биологического в гармоническом развитии личности. Рига, 1981, с. 170.

вить линию поведения в ту или иную сторону, приостановить его или придать ему совершенно иной характер. Во всех этих звеньях субъект принимает решения: об использовании тех или иных возможностей; о целях и средствах; наконец, о месте и времени действия, которое он намерен совершить.

Выбор того или иного вида решения — результат сложного взаимодействия внешней ситуации с особенностями личности субъекта. Этот выбор имеет предпосылки в системе личностных свойств человека, к которым относятся его потребности, интересы, взгляды, ценностные ориентации, а также особенности интеллекта, воли, эмоциональной сферы, внутренней системы

нравственного и социального контроля. Во всех этих элементах или по крайней мере в некоторых из них у преступника имеются отклонения от соответствующих свойств, характерных для человека, соблюдающего нормы поведения в обществе. Однако эти отклонения не могут быть сведены к биологической, генетической основе. Речь идет о содержательных отличиях, касающихся направленности интеллекта, воли, чувств.

К. К. Платонов выделял четыре основные сферы (подструктуры) личности, имеющие разную степень связи с биологическими свойствами организма. Во-первых, направленность личности, ее отношения и моральные черты. Эта подструктура не имеет непосредственных природных задатков, а отражает индивидуально преломленное общественное сознание. Во-вторых, знания, навыки, умения и привычки, приобретенные в личном опыте. Эти черты хотя и не обусловлены биологически, однако испытывают заметное влияние природных предпосылок. В-третьих, индивидуальные особенности психических процессов и функций (например, восприятие, память). Здесь влияние природного сильнее, хотя оно, разумеется, не распространяется на содержание психической деятельности. Наконец, в-четвертых, темперамент, возрастные и половые особенности личности и ее патологические изменения. Эти свойства больше зависят от физиологических и морфологических особенностей мозга, чем от социальных влияний [1]. Все эти подструктуры вовлечены в процесс принятия решений, поэтому «доля» социального и «доля» биологического в нем не равнозначны.

Соображения К. К. Платонова подтверждаются многими исследованиями. Так, доказано, что вариации телесных различий людей вызываются мутациями ге-

---

[1] См.: *Платонов К. К.* О системе психологии. М., 1972, с. 125—128.

нов. Были предприняты попытки доказать, что и различия по интеллекту имеют под собой генетическую обусловленность. Это удавалось, когда речь шла о некомпенсируемых поражениях, т. е. о болезнях мозга. Предметом клинической генетики стало множество психических заболеваний, ибо в этих случаях при порче генетической программы нарушается структура мозга.

Однако, когда мы обращаемся к вариациям интеллекта, воли, эмоций в пределах нормы, картина резко меняется. Например, длительное и упорное стремление установить зависимость между различиями нормальных людей по интеллекту и наличием у них определенного количества «генов интеллектуальности» ни к чему не привело.

Особую популярность получило в связи с этим изучение «генетики интеллекта» с помощью психологических тестов. Широко известны так называемые коэффициенты интеллектуальности (IQ), посредством которых оцениваются такие элементы интеллекта, как эрудиция, способность к аналогиям, память, словарный запас и т. д. Однако при этом нельзя оценить интеллект в целом. Кроме того, сами тесты допускают субъективное истолкование, не учитывают характера среды, влиявшей на развитие ребенка. В результате при использовании показателей IQ было сделано немало ошибок.

Так, оценивая величину IQ для негров и белых, А. Шуе [1] пришел к выводу, что у негров этот коэффициент на 15 баллов ниже. Р. Хебер [2], а также А. Вильсон [3], измеряя величину IQ для американских детей из

---

[1] *Shuey A.* The Testing of Negro Intelligence. N. Y., 1966.

[2] *Heber R.* Research of Education and Habilitation of the Mental Retarted. Nashville, Tennessee, 1968.

[3] *Wilson A.* Educational Consequences of Segregation in a California Community, 1967.

пяти разных по социальному и имущественному положению групп, также пришли к заключению, что у негров во всех пяти группах, от обеспеченных до малоимущих, случаи умственной отсталости (IQ менее 70 процентов) встречаются значительно чаще, чем у белых, и что в целом у представителей малоимущих классов, независимо от принадлежности к той или иной расе, величина IQ ниже, чем у детей из обеспеченных семей.

Отсюда были сделаны выводы, что негры по сравнению с белыми имеют генетическую программу, которая обладает меньшими возможностями обеспечить развитие интеллекта, и что дети из малоимущих классов имеют менее ценную наследственность, чем дети из обеспеченных слоев населения.

Однако подобные выводы полностью опровергаются в ряде методически более совершенных работ. Б. Тизард[1] сопоставил показатели IQ у негритянских и у белых детей, находившихся с раннего возраста в одном и том же специальном интернате и имевших сходные условия среды и воспитания. Эти показатели для обеих групп детей были одинаковыми. П. Николс и Е. Андерсон[2] изучали величину IQ у белых и негритянских детей из городов Балтимора, Филадельфии, Бостона. Сравнение данных по каждому городу не показало различий по величине IQ. Однако эти показатели для детей из разных городов оказались неодинаковыми, причем различия касались в равной мере и белых, и черных. Очевидно, что если изучать разные группы детей из разных городов, то можно прийти к совершенно ошибочным выводам.

При работе с коэффициентом IQ возможны и неверные субъективные оценки. Интересный анализ был

[1] *Tisard B.* IQ and race.— Nature, 1973, 247, 316.

[2] *Nichols P., Anderson E.* Intellectual performance, race and socioeconomic states.— Social Biology, 1973, 4, p. 367—374.

проведен С. Шервудом и Натаупску. Они исследовали, в какой мере влияют на характер оценки различий по интеллекту у людей разных рас особенности биографий самих ученых, делавших эту оценку. Для 80 авторов опубликованных статей сравнивались сделанные ими оценки величины IQ относительно негров и белых. Авторы статей принадлежали к двум категориям. Биографии одной категории ученых были отмечены трудностями, имевшими место в школе, в семье (например, малообразованные родители, иммигрировавшие в США). Эти авторы не обнаружили различий по величине IQ для белых и черных. При наличии же некоторой разницы они находили ей объяснение в различиях условий жизни и воспитания. Другая категория авторов имела обеспеченных родителей, хорошую обстановку в семье и в школе, их родители были коренными жителями страны. Эти ученые утверждали, что IQ у черных детей ниже, чем у белых, и что эта разница детерминирована генетически.

В свое время Ф. Гальтон торжественно заявлял, что талант — это наследственный дар природы, что благодаря разной наследственной одаренности классы и расы имеют генетические различия. В XX веке этот тезис был положен в основу евгеники, социал-дарвинизма и расовых теорий. В течение почти ста лет сотни исследователей пытались доказать тезис Гальтона о наследовании интеллектуальных различий. Однако принципиальных, научно обоснованных фактов в пользу этого воззрения так и не было получено. Распространенное мнение о том, что уровень интеллекта передается от родителей к детям, по существу не имеет научных доказательств. Конечно, это не относится к патологии, когда дефекты мозга вызывают нарушение его функций.

Однако главное заключается в том, что уровень интеллекта вообще не находится в значимой связи с пре-

ступным поведением. Среди преступников есть люди умные и глупые, волевые и безвольные, эмоциональные и сухие по натуре. Все эти различия, существующие и среди населения в целом, сказываются в конкретных случаях на определении человеком линии поведения, на принятии им решения, на скорости его реакции и т. д., но не имеют специфического криминогенного значения.

Главным фактором, определяющим при прочих равных условиях выбор решения, связанного с совершением антиобщественного поступка, преступления, является, как показывают криминологические исследования, антиобщественная ориентация самой личности.

Наиболее распространены два типа такой ориентации: корыстный и насильственный. В первом случае материальные интересы становятся самоцелью; при этом у одних они выражаются в стремлении к накопительству, других привлекает «достижение некоторых стандартов более высокого уровня жизни (машина, хорошая квартира, дача, модная одежда, поездки в курортные места, посещение ресторанов и т. д.)» [1], чаще же ближайшей целью является расходование денег на пьянство [2]. На основе подобной системы целей и «идеалов» у человека возникают систематические конфликты с окружающими на производстве, в семье, в быту. Постепенно происходит замена прежних связей на новые, более соответствующие указанным «идеалам»; контакты с товарищами по работе ослабляются,

---

[1] *Смирнов Г. Л.* Советский человек. Формирование социалистического типа личности, с. 326.

[2] По данным А. А. Герцензона, среди воров систематически употребляли алкоголь 58 процентов, среди грабителей — 67 (см.: Криминология. М., 1968, с. 331). По данным С. С. Степичева, около 60 процентов осужденных за грабеж и разбой совершили эти преступления с целью добыть деньги на выпивку (см. там же, с. 432).

зато возникают новые сомнительные знакомства, появляются «дружки», склонные к «левым» заработкам, хищениям, пьянству.

Конфликтная ситуация, только еще более ярко выраженная, характерна и для другого типа антиобщественной ориентации личности — насильственной. Социально-психологические черты лиц, совершающих так называемые насильственные преступления — хулиганство, телесные повреждения, убийства, изнасилования,— а также участвующих в драках, скандалах, нередко связаны с переоценкой собственной персоны, с уродливым стремлением к самоутверждению, проявлению своего «Я» вопреки интересам окружающих. При этом насильственное, агрессивное поведение часто даже не является средством для достижения каких-либо рациональных целей, а представляет собой в известном смысле самоцель. Подобная мотивация, свойственная этой категории правонарушителей, свидетельствует о глубоких внутренних конфликтах личности, так или иначе отражающих внешние социальные конфликты. Немаловажное значение имеет и то обстоятельство, что образовательный и культурный уровень этих лиц, как правило, довольно низок.

Помимо характеристики антиобщественной направленности личности по содержанию (корыстная и насильственная ориентация — лишь наиболее распространенные разновидности) важное значение имеет степень интенсивности этой направленности, колеблющаяся в довольно широком диапазоне. С одной стороны, мы видим незначительные отклонения от принятой в обществе системы ценностных ориентаций. С другой — резкий разрыв с этой системой ценностей, этических и правовых норм: перед нами «человек, как бы полностью заменивший свою связь с общественными ценностями на систему преступных, аморальных позиций и установок, сознательно декларирующий эту замену,

пытающийся утвердить свою позицию соответствующим актом противоправного поведения»[1].

Конфликты, возникающие у лиц с антиобщественной направленностью, разумеется, не всегда приводят к преступлениям или иным правонарушениям. Однако вероятность таких последствий довольно велика. Из общего числа обследованных лиц, осужденных за хулиганство, 20 процентов ранее уже привлекались к административной ответственности, 52 процента имели дисциплинарные взыскания, 70 процентов отрицательно характеризовались на работе и в быту. Преступление явилось для многих из них закономерным следствием предшествующего поведения. Для многих, но не для всех.

Личность правонарушителя в большинстве случаев глубоко противоречива. Исследование, проведенное на Южном и Среднем Урале, показало, например, что у молодых правонарушителей (в возрасте от 18 до 25 лет) наряду с отрицательными чертами личности (отсутствие твердой жизненной цели, неумение контролировать свои поступки, безразличие к окружающим, бедность духовных интересов, озлобление, жадность) нередки такие положительные качества, как любовь к родителям (у 27 процентов), стремление учиться (у 12), трудолюбие (у 21), честность (у 7). Положительные и отрицательные черты могут довольно длительное время «уживаться» друг с другом. При этом можно наблюдать противоречивые поступки и действия одного и того же человека. Использовать положительные черты такой личности, постепенно путем воспитания устраняя негативные навыки и привычки, укрепить хотя бы слабые ростки сознательного отношения к своему долгу, усилить отрицательное эмоциональное отноше-

---

[1] *Яковлев А. М.* Социология правонарушений.— Советская юстиция, 1972, № 22, с. 6.

ние к аморальному и противоправному поступку — значит суметь разрешить противоречие в конечном счете в пользу общества и самого человека.

Актуальной задачей научных исследований представляется выявление наиболее характерных психологических типов преступников и установление связей между этими типами людей и существом решений, принимаемых ими в различных ситуациях. Если бы мы четко знали, какому типу личности свойственно принятие определенного вида решения, в особенности если оно связано с выбором незаконных средств достижения целей, то мы могли бы более точно прогнозировать индивидуальное поведение, а следовательно, и эффективнее организовать профилактическую работу.

Поскольку решение принимается в конкретной обстановке, человек должен правильно понимать сложившуюся ситуацию. Нередко, однако, это понимание — и ввиду особенностей личности субъекта, и из-за препятствий объективного характера — оказывается неадекватным. Так, число преступлений, совершаемых вследствие пренебрежения правилами безопасности, довольно велико. При этом многие из них имеют в своей основе или недостаточное понимание физических свойств ситуации, грозящей наступлением вредных последствий, или пренебрежение подобным предвидением. Не менее существенно недостаточное понимание социальных и нравственных последствий такой ситуации.

Искаженное представление о нравственном или социальном значении тех событий, с которыми связан планируемый поступок, порождается либо особенностями сложившихся обстоятельств, их напряженностью, конфликтностью, либо особенностями самой личности (низкий интеллектуальный уровень, слабый самоконтроль, переоценка личных свойств, болезненная обидчивость, излишняя самоуверенность). В результате ситуация оценивается совершенно необъективно.

Многие принимают ошибочные решения вследствие беззаботного, легкомысленного отношения как к своему поведению, так и к его оценке со стороны общества и государства. Свыше 38 процентов убийц и 47 процентов лиц, предпринявших разбойные нападения, во время совершения преступления воспринимали угрозу наказания как абстрактную, малозначительную или неосуществимую [1]. Это говорит не только о слабости и ошибочности социальной оценки своего поведения, но в ряде случаев и о сильнейшем эмоциональном напряжении, стрессе, искажающем оценку ситуации и грозящих последствий.

Нередко агрессивные действия совершаются в состоянии аффекта, что также нарушает правильную оценку происходящего.

Еще один фактор, играющий определенную роль в искажении оценки ситуации и принятии неверного решения,— это скоротечность самой ситуации, дополняемая импульсивностью, поспешностью принимаемого решения. Характерно, например, что решения о совершении такого тяжкого преступления, как умышленное убийство, были приняты в 59,5 процента случаев непосредственно перед преступлением; длительное время вынашивалось только 13,5 процента решений. Соответственно время на подготовку преступлений в большинстве случаев не превышало нескольких минут [2].

Все эти факторы, конечно, влияют и на содержание решения. Разумеется, вид совершаемого преступления определяется и многими другими обстоятельствами: объектом; внешней ситуацией; условиями, способствующими совершению преступления; наконец, сообра-

---

[1] См.: *Дубовик О. Л.* Принятие решения в механизме преступного поведения и индивидуальная профилактика преступлений. М., 1977, с. 44.

[2] См. там же, с. 63.

жениями преступника о личной безопасности. Поэтому преступные действия, вызванные одинаковой потребностью и сходными интересами и даже совершенные при сходных условиях, могут иметь различную уголовно-правовую характеристику. Например, цель материальной выгоды достигается не только в результате совершения кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, вымогательства или должностного присвоения, но и путем спекуляции, частнопредпринимательской деятельности, коммерческого посредничества, подлога документов, получения взятки и т. д. Вот почему криминологическая классификация преступников и социально-психологическая классификация мотивов их поведения не совпадают с классификацией преступлений, предусмотренных уголовным кодексом.

Подобным же образом обстоит дело и в случае так называемого психологического замещения (переноса). Оно заключается в том, что не достигнутая цель заменяется иной, дающей лишь видимое и временное удовлетворение.

Нередко такое замещение выражается в пьянстве и других формах аморального поведения, которое зачастую, в свою очередь, ведет к преступлению. Кроме того, замещение может и непосредственно выразиться в преступном акте. Характерным примером является хулиганство, которое часто представляет собой перенос конфликта, сложившегося, скажем, в семье или ближайшем бытовом окружении, в совершенно иную ситуацию (избиение постороннего прохожего на улице, дебош, нецензурная брань в адрес незнакомых людей и т. п.). Характер преступления при замещении часто совершенно случаен; для субъекта важно лишь, что оно способно обеспечить ему определенную «разрядку» и удовлетворить чувство ущемленного самолюбия. Поэтому механизм замещения нередко приводит к совершению таких преступлений, которые, с точки зрения

субъекта, должны продемонстрировать силу, храбрость, независимость и другие качества, способные поддержать его завышенную самооценку или поднять его престиж в глазах окружающих. По данным Г. С. Саркисова, примерно в 60 процентах изученных случаев совершения хулиганства потерпевшие и обвиняемые ранее друг друга совсем не знали. 69 процентам обвиняемых была свойственна повышенная обидчивость, 56 — болезненное самолюбие [1].

Таким образом, от потребностей личности к преступлению или иному антиобщественному поступку ведет длинная цепочка, основные звенья которой таковы: потребности — интересы — возможности — цели — решения — средства — поведение — результаты.

Антиобщественная направленность поведения может появиться в этой цепочке не сразу, а сложиться постепенно.

В своем поведении человек не свободен от воздействия своего окружения, и его поступки нередко обусловлены влиянием других людей. Иногда человек следует чужому примеру намеренно, иногда — исподволь воспринимая формулу поведения, представляющуюся ему привлекательной. Иными словами, человек не чужд подражанию. И многое зависит от того, чему и кому он подражает. На склонности человека к подражанию (а это подражание есть не что иное, как заимствование социального опыта: хорошего или плохого, полезного или вредного) основано в значительной степени воспитание человека. Подражание чужим поступкам играет значительную роль в преступном поведении социально незрелых личностей. И его нельзя объяснить воздействием генофонда, который, как известно, остается неизменным. Взгляды же и привычки человека,

---

[1] См.: *Саркисов Г. С.* Предупреждение нарушений общественного порядка. Ереван, 1972, с. 46.

как и его поведение, меняются с возрастом, по мере приобретения социального опыта. Происходит его социальное воспитание, самовоспитание и перевоспитание.

Говоря о формировании потребностей человека, нельзя не отметить, что подчас нейтральные потребности осознаются в виде таких интересов, которые имеют сомнительную нравственную направленность; затем, приходя в противоречие с законными возможностями, эти интересы приводят к появлению явно антиобщественных целей, которые, будучи закреплены в решении, осуществляются в преступном поведении. Этот процесс может развиваться и по-другому, если отдельные его звенья (цели, средства и др.) нейтрализуются какими-либо внешними или внутренними факторами. В результате поступок становится не преступным или аморальным, а нейтральным с точки зрения права и нравственности или же лицо отказывается от его совершения.

Гибкость процесса детерминации поведения создает хорошую основу для разработки комплексной системы мер предупреждения преступлений, которая должна охватывать все звенья процесса. При этом одни из звеньев цепочки детерминации носят объективный характер, лежат в социальной сфере, а другие относятся к субъекту, к его личности (потребности, планы, интересы, решения). Поэтому и профилактические меры должны быть ориентированы как на изменение объективных социальных условий жизни и воспитания человека, так и на изменение его личности.

При планировании и принятии решения, а также при его исполнении важное значение имеет самоконтроль. В тех случаях, когда специально продуманного, устойчивого решения принято не было, самоконтроль может сыграть полезную сдерживающую роль. Он включает не только нормативно-ценностные элементы, но и эмоциональные аспекты (отвращение к преступ-

лению), и волевые качества (сохранение самообладания во время конфликта), и рассудочные соображения (понимание нерациональности поступка, его опасности, бесперспективности). Даже при деформации таких элементов, определяющих поступок, как потребности, интересы, ценностные представления, хороший социальный контроль и самоконтроль способны приостановить нежелательное развитие событий.

К сожалению, на практике нередко создается положение, при котором слабость внешнего и внутреннего контроля окончательно «развязывает» силы, деформирующие поведение субъекта. Поэтому некоторые исследователи справедливо связывают проблему преступления с проблемой эффективности функционирования системы социальной регуляции и контроля поведения индивидов. Преступление, рассматриваемое в таком аспекте, есть не что иное, как сигнал о глубоких противоречиях в этой системе регуляции. Нарушения системы внутреннего контроля нередко связаны с особенностями эмоционального состояния личности. Известно, что многие случаи правонарушений возникают под воздействием острых эмоциональных состояний (душевных волнений, сильных переживаний). Крайней степенью эмоционального напряжения может стать физиологический или патологический аффект.

Какова же роль наследуемых признаков в механизме принятия и исполнения решения? На этот вопрос еще нельзя дать развернутого и полного ответа. Судя по имеющимся материалам, «вклад» наследственности в этот механизм ограничивается его структурой, но отнюдь не распространяется на содержание решений, принимаемых и осуществляемых человеком.

Определенное значение для анализа данного вопроса имеют материалы по генетике человека. В литературе приводятся сведения о 2811 мутациях генов, изученных у человека. Среди них нет ни одного гена,

детерминирующего различия высшей психики. Имеются четыре обзора, специально посвященных вопросу генетики поведения человека (П. Бродхарст и др., Б. Чайлдс, Дж. Оменн, Б. Чайлдс и др.[1]).

В последнем из этих обзоров представлены данные из области медицинской генетики и весьма неясная картина в отношении изменчивости признаков поведения в пределах нормы. Под поведением человека авторы обзора имеют в виду психологические аспекты (восприятие, познание, обучение и т. п.). Они полагают, что задачи генетики поведения человека нельзя решить без выяснения в каждом отдельном случае средней величины для данного признака. Сами признаки поведения широки, глобальны, многие из них расплывчаты и трудны для измерения, их физиологическая основа неясна, полученные сведения не касаются отдельных индивидов, а характеризуют реакции или навыки групп. В этих условиях возможно только биометрическое, т. е. количественное, описание признаков. Используемые психологические тесты сложны, и их показатели нельзя относить к действию отдельных генов. В генетике поведения используется общая оценка наследуемости, а не анализ качества и количества генов, влияющих на поведение. Авторы обзора полагают, что в основе изменчивости поведения в конечном счете лежит действие генов. Однако они признают, что этот тезис еще не доказан, поскольку для получения доказательств необходимо «множество дополнительных данных о генетическом поли-

---

[1] *Broadhurst P., Fulker D., Wibok J.* Behavioral genetics.— Annual Review Psychology, 1974, 25, 389; *Childs B.* Genetics analysis of human behavior development.— Annual Review Medicine, 1972, 23, 373; *Omenn G.* Genetics mechanisms in human behavior development.— Developmental Human Behavior Genetics. Lexington, 1975, p. 93; *Childs B., Finucci J., Preston M., Pulver A.* Human behavior genetics.— Advanced Human Genetics, 1976, N 7, p. 57—97.

морфизме, о биохимических и физиологических особенностях, которые характеризуют развитие мозга и личности»[1].

Авторы обзора понимают, что данные медицинской генетики не позволяют понять генетику нормального поведения. Значение этих данных ограничивается констатацией того, что для нормального развития мозга необходима нормальная генетическая программа. Но о том, как именно будет складываться поведение личности при нормальном развитии, данные медицинской генетики ничего не говорят.

Поскольку нарушения мозговой деятельности человека возникают под влиянием «порчи» отдельных генов заметного действия, они дискретны и проявляются в разных формах нарушения поведения. В этих случаях осуществляется генетический анализ, изучается локализация генов в хромосомах человека, выявляются физиологические и биохимические механизмы, вызывающие дефекты мозга. Резюмируя имеющиеся данные по генетике поведения человека, авторы обзора пишут: «Менделевский метод мало пригоден для исследования нормальной изменчивости человека, так же как биометрический метод не годится для оценки ферментативной недостаточности отдельных мутантных случаев. Каждый из этих подходов имеет свои достоинства и каждый должен развиваться, но биометрический метод не может помочь в выяснении механизмов поведения или в нахождении количества и качества генов, которые влияют на них. Поэтому надо делать упор на менделевский анализ только в случае поведенческих отклонений... Генетики поведения должны учитывать, что фенотипы, которые они изучают, обычно сильно обусловлены обучением,

---

[1] *Childs B., Finucci J., Preston M., Pulver A.* Human behavior genetics.— Advanced Human Genetics, 1976, N 7, p. 63.

как в ходе обычного развития, так и вследствие направленного обучения. Таким образом, если кто-нибудь хочет обнаружить генетический вклад в такие фенотипы, необходимо свести к минимуму, если не исключить, вклад среды»[1]. Однако исключить влияние среды в нормальных условиях невозможно. Затруднения при изучении генетики поведения таковы, что «современная генетика поведения человека — это собственно потенциальная, а не действительная область знания»[2].

После всех этих оговорок в обзоре приводятся сведения о главных достижениях по генетике поведения человека. Эти достижения относятся к области медицинской генетики и касаются только случаев мутантных нарушений деятельности мозга. Приводятся данные по генетике шизофрении, маниакально-депрессивного психоза и других депрессий, анализируются возможная генетико-биохимическая основа чувствительности к алкоголю, к наркотикам, специфическая неспособность к чтению, мозговые дисфункции, задержки в развитии речи, нарушения нормального поведения при наличии генных мутаций, вызывающих врожденные нарушения метаболизма, в случаях слабоумия (при генных мутациях или при мутациях хромосом) и др. Врачи, особенно педиатры, следящие за психологическим и эмоциональным развитием детей, страдающих психологической дисгармонией, получают в данных по генетике той или иной болезни полезные сведения, касающиеся диагностики и терапии. Однако очевидно, что для понимания сущности и истоков преступного поведения эти исследования значения не имеют.

Обращаясь к изменчивости поведения в пределах

[1] *Childs B., Finucci J., Preston M., Pulver A.* Human behavior genetics.— Advanced Human Genetics, 1976, N 7, p. 61.

[2] Ibid., p. 58.

нормы, авторы обзора отмечают, что в этом случае в методическом плане в основном используются различные психометрические тесты, которые, однако, не дают возможности строгой индивидуальной оценки. Более удобно измерение реакций по определенной физической шкале (это касается физиологических механизмов, связанных с реактивностью нервной системы). Здесь можно указать на такие свойства нервной системы, как лабильность, скорость восприятия и других реакций и т. д. Но в обзоре не приводится фактов, свидетельствующих о наследовании даже этих элементарных нейродинамических и психодинамических характеристик.

Советские исследователи, изучавшие данную проблему, полагают, что «генетически детерминируются чувствительность, лабильность и пластичность организма, в том числе его нервной и эндокринной систем, их устойчивость по отношению к внешним влияниям»[1]. Прирожденные свойства нервной системы, полагал Б. М. Теплов, «являются физиологической основой такого рода индивидуальных различий, которые касаются «динамической», «формальной» стороны поведения...»[2]. По мнению В. М. Русалова, «только психодинамические особенности индивидуального поведения человека» зависят от его биологической организации[3]. П. К. Анохин считал, что генетически закрепленные «соотношения нервных структур» могут обеспечивать следующие поведенческие особенности: последовательность движений; спонтанность ряда ре-

---

[1] Дифференциальная психофизиология и ее генетические аспекты. Тезисы докладов. М., 1975, с. 213.

[2] *Теплов Б. М.* Новые данные по изучению свойств нервной системы человека.— Типологические особенности высшей нервной деятельности человека. М., 1963, т. 3, с. 3.

[3] См.: *Русалов В. М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий. М., 1979, с. 22.

акций; предрасположенность к определенным внешним стимулам. Но когда сигнальная значимость внешних факторов непостоянна (а это и характерно для человеческого общества), «приспособление осуществляется наиболее подвижной частью головного мозга — корой»[1].

Возникает вопрос: является ли случайным или же лишь результатом методических трудностей тот факт, что наука по сей день не имеет убедительных данных о наследовании содержательных различий, касающихся нормального поведения человека?

Известно, что генетика поведения животных достигла больших успехов. На примере муравьев и пчел показано, какие сложные формы поведения в виде взаимодействия между группами членов сообщества могут быть достигнуты путем биологической наследственности. Наследственно закрепленные инстинкты и реакции составляют основу поведенческого стереотипа отдельных особей животных и их групп. Через преобразование биологической наследственности осуществляется эволюция форм генетически закрепленного отражения.

Некоторые авторы полагают, что и у человека сохранился тот же тип взаимодействия наследственности и среды, что различия в генах сказываются на всех сторонах духовной жизни человека и что поведение людей — нечто среднее между биологически запрограммированным и социально приобретенным. С этой точки зрения многое в социальном поведении человека кажется биологически фиксированным.

В связи с этим уместно напомнить слова К. Маркса: «Паук совершает операции, напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек

[1] *Анохин П. К.* Социальное и биологическое в природе человека.— Соотношение биологического и социального в человеке. М., 1975, с. 317.

посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что, прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении человека, т. е. идеально» [1]. Маркс с предельной ясностью характеризует *основу* человеческого поведения, которое определяется потребностями в человеческом образе жизни. Эти потребности возникают у каждого человека под влиянием прежде всего общественных отношений, социальных условий жизни, трудового и нравственного долга и формируются социальной программой в целом, т. е. опытом истории, мышления, языка. Вся эта человеческая надстройка имеет надбиологический характер и качественно отличает человека от животных. Очевидно, что если его сознание и образ жизни не фиксированы в его биологических предпосылках, то о какой генетике социально обусловленных человеческих форм поведения может идти речь?

Многолетние исследования Л. В. Крушинского и его сотрудников в области генетики поведения привели их к выводу, что процессы возбуждения и торможения нейронов контролируются генотипом. При этом уровень возбудимости нервной системы сказывается как на нормальных актах поведения, так и на некоторых патологических процессах, в основном рефлекторного характера. Исследования на собаках показали, например, что сочетание повышенной возбудимости с трусостью (по мнению Л. В. Крушинского, также генетически обусловленной) делает потомство таких собак «чрезвычайно трусливым» [2].

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 189.

[2] См.: *Крушинский Л. В.* Актуальные проблемы генетики сложных форм поведения в норме и патологии.— Генетика и благосостояние человечества. М., 1981, с. 357—358.

Нетрудно видеть, что эти соображения, если их применить к человеческому поведению, мало чем могли бы помочь в объяснении причин антиобщественных поступков. Ведь трус может стать не только потерпевшим, но и преступником (например, под давлением опытного рецидивиста). А храбрость помогает не только совершить преступление, но и активно бороться с преступностью. Дело, видимо, в том, что свойства характера — трусость или храбрость, а тем более общие процессы возбуждения и торможения сами по себе не определяют содержания и направленности поступков.

В 1984 году С. Медник, В. Габриелли и Б. Хатчингс опубликовали результаты обширного исследования, в котором они пытались показать роль генетического фактора в формировании преступного поведения [1]. Исследование проводилось на основании данных о поведении 14 427 взрослых людей, воспитанных приемными родителями; показателем преступного поведения служили судебные обвинения. В основном сравнивалось поведение сыновей с поведением отцов. Результаты исследования показали следующее.

Среди осужденных за преступления были не только биологические, но и приемные родители (8 процентов), что позволило оценить значение психологического фактора при воспитании детей. В целом среди приемных детей 13,5 процента сыновей были осуждены за преступления, хотя ни биологические, ни приемные родители судимы не были. В том случае, если были ранее судимы приемные родители, эта цифра поднималась до 14,7, а если биологические — то до 20. Если были судимы и те и другие родители, то осуждалось 24,4 процента сыновей. Опираясь на эти факты, авторы сделали вывод, что «какой-то фактор, переданный роди-

---

[1] *Mednick S. A., Gabrielli W. F., Hutchings B.* Genetic influences in criminal convictions: Evidence from an adoption cohort.— Science, 1984, vol, 224, p. 891—894.

телями с преступными наклонностями, повышает вероятность того, что у их детей проявится криминальное поведение». Вместе с тем они приводят убедительные свидетельства в пользу влияния не биологических, а социальных факторов. Авторы пишут, что в ряде случаев приемные родители ставились в известность о факте осуждения биологического родителя и их эмоциональная неуравновешенность могла стать основой для развития в характере ребенка черт антисоциального поведения. Кроме того, 75 процентов детей были взяты на усыновление из приютов, пребывание в которых не могло не повлиять отрицательно на их психику. Авторы приводят данные, согласно которым биологическая детерминация касается только некоторых проявлений криминального поведения, а именно преступлений против собственности, и ее связь с преступлениями с применением насилия не является доказанной. Хотя авторы исследования не смогли до конца осмыслить значение различных факторов, нарушающих развитие психики приемных детей, они дали яркие свидетельства в пользу ненаследуемости криминального поведения. Нарушение психического развития приемных детей, по их наблюдениям, вылилось в совершение мелких правонарушений, что может быть результатом каких-то аномалий психики в пределах вменяемости.

* * *

Анализ приведенных нами результатов медико-биологических и генетических исследований говорит о том, что все (или почти все) морфологические и психофизиологические черты и свойства человеческого организма развиваются в онтогенезе (как, впрочем, и в филогенезе) на основе взаимодействия генетических и социальных факторов. При этом «в основе содержательной стороны психики (знаний, навыков, убежде-

ний и т. д.)... лежат сложнейшие системы условнорефлекторных связей, которые образуются всецело за счет социального опыта личности. Что же касается динамической стороны психики, то она определяется не столько социальным опытом человека, сколько его врожденными биологическими особенностями»[1].

Многие авторы подчеркивают, что даже ранние влияния среды «оказываются, по-видимому, небезразличными для развертывания самого генотипа, детерминирующего отдельные поведенческие акты»[2].

Но главное состоит в следующем. Все динамические особенности нервной системы, в том числе оказывающие влияние на поведение человека, неспецифичны в том смысле, что они в равной степени могут быть присущи как человеку, соблюдающему закон, так и преступнику, его нарушающему; они могут соответствовать как высоконравственному, так и безнравственному поступку.

Динамические свойства нервной системы могут, конечно, повлиять и на содержание поступка в той же мере, как физиологические и даже физические факторы. Так, ребенок, имеющий физический дефект, например хромоту, конечно же будет развиваться не так, как его сверстники, и столкнется в жизни со многими иными ситуациями. Но если он и станет преступником, то вряд ли мы назовем его хромоту причиной преступления. Сделать подобный вывод было бы равнозначно тому, что в известной повести Мериме признать черные глаза Кармен (несомненно, закодированные генетически) причиной преступления Хосе.

Многообразные морфологические, физиологические, психологические и иные структуры и механизмы вовлечены в подготовку и совершение любого человеческого

---

[1] *Русалов В. М.* Биологические основы индивидуально-психологических различий, с. 258.

[2] Развивающийся мозг и среда, с. 76.

поступка, в том числе и преступления. Но его причиной является не какая-либо деталь этих механизмов, а только то сочетание особенностей личности, внешней среды или их взаимодействия, которое породило поступок (преступление), чего бы при прочих равных условиях не произошло. Как известно, субъективные причины поведения относятся к сфере высшей нервной деятельности человека и контролируются его волей и сознанием [1]. Для того чтобы можно было отнести тот или иной фактор к числу причин преступного поведения, необходимо, чтобы он обладал дифференцирующими свойствами, т. е. чтобы его наличие вызывало совершение преступления, а отсутствие — исключало. Различные динамические особенности нервной системы людей такими свойствами не обладают.

Как уже отмечалось, не установлено каких-либо убедительных корреляционных зависимостей между генотипом населения и преступностью в целом, хотя некоторые авторы и призывают подчас «предметно разобраться в том, чтó, имея биопсихологическую основу, свойственно группам людей, а не тому или иному человеку в качестве его личных особенностей» [2]. Однако биологическая основа личности не привязана к отдельным видам преступлений; она необходима для любого поведения и определяет силу, подвижность, устойчивость, скорость нервных и психических процессов, а не их направленность, не их сущность. Поэтому биологические, в том числе и генетические, особенности организма являются лишь необходимым условием поведения, а не его причиной; их можно рассматривать как условие восприятия человеком той или иной социальной программы.

---

[1] Подробнее см., например: *Яковлев А. М.* Преступность и социальная психология. М., 1971.

[2] *Стручков Н. А.* Преступность как социальное явление. Л., 1979, с. 39.

Подобный вывод получает все большее распространение. Так, западногерманский криминолог Г. Кайзер, исходя из результатов конкретных исследований, проведенных за последнее время, пришел к заключению о ненаследуемости преступности и недопустимости евгенического вмешательства в природу человека [1]. Американский криминолог Э. Шур пишет: «Утверждение о наличии какой-то предрасположенности к преступлениям совершенно расходится с нашими общими знаниями о постоянно меняющихся формах индивидуального поведения, об исключительно сложном разнообразии преступлений и о том факте, что само понятие преступного поведения подвержено изменениям в свете тех поправок, которые вносятся в уголовное право» [2].

В свете сказанного можно сделать теперь более определенные выводы относительно той гипотезы об устойчивом «ядре» преступности, которая была высказана в главе IV данной книги. Согласно статистическим данным, 6—8 процентов всей преступности не подвержены существенным колебаниям во времени и в пространстве и связаны в основном с агрессивным поведением. Является ли эта часть генетически обусловленной? Приведенные ранее результаты исследований специально отобранных групп, а также анализ механизма преступного поведения этого не подтвердили. Следовательно, устойчивое «ядро» преступности имеет не биологический, а социальный характер. Оно представляет собой совокупность преступлений, порождаемых относительно устойчивыми факторами — сложившимися социальными типами личности и ситуациями, преобладающими в реальной действительности.

---

[1] См.: *Кайзер Г.* Криминология. Введение в основы. М., 1979, с. 262.

[2] *Шур Э.* Наше преступное общество, с. 111.

Глава VII

ПСИХИЧЕСКИЕ АНОМАЛИИ И ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНЫЕ ДЕЙСТВИЯ

1. Постановка проблемы

Исследования, проводившиеся в судебно-психиатрических учреждениях, а также в амбулаторных условиях, показывают, что у части лиц, совершивших общественно опасные действия, имеются те или иные психические аномалии, как исключающие, так и не исключающие вменяемость. Что же такое психическая аномалия? Это «врожденное или приобретенное функциональное или органическое изменение головного мозга, которое, отражаясь на различных сторонах психической деятельности субъекта, влияет на содержание и характер его социально значимого поведения, в том числе и общественно опасного поведения» [1].

Проблема связи преступности с душевными заболеваниями, с психическими аномалиями не нова. Опасное для общества действие может быть совершено как вменяемым, так и невменяемым человеком, как при полном осознании существа своих действий, так и при абсолютном непонимании их содержания. Известно, как трудно бывает понять мотивы ряда поступков

[1] *Михеев Р. И., Михеева А. В.* Значение психических аномалий для совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с преступностью.— Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. Владивосток, 1977, с. 48.

9 Заказ № 7102

людей, но еще труднее проникнуть в их духовный мир и предугадать их поступки. Именно это обстоятельство и приводит подчас кое-кого к смешению патологии медицинской — физиологической, психической с антиобщественным, преступным поведением нормальных людей (что тоже представляет собой патологию, но только социальную).

Преступность — явление социальное, а понятие юридическое. Уголовный кодекс любой страны содержит устанавливаемый господствующим классом перечень деяний, признающихся преступными, и несет на себе особенности определенной социально-классовой системы. Правда, существуют такие преступления, которые совершаются в любой социальной системе. Это прежде всего преступления против личности (убийство, нанесение телесных повреждений, изнасилование и др.). Данное обстоятельство и служит основанием для утверждения о том, что «всю преступность одними социальными факторами не объяснить». Поскольку преступные деяния бывают весьма жестокими, и к тому же некоторые люди совершают их по нескольку раз (рецидив), это наводит на мысль о существовании генетической предрасположенности к преступлениям. Отсюда рождаются предложения о необходимости «лечить» преступников либо даже уничтожать неполноценных людей.

К сожалению, подобного рода идеи в более ранние периоды человеческой истории воплощались в реальную действительность. В таком смешении понятий не было ничего удивительного. Уровень развития общества, состояние науки еще не позволяли правильно поставить и успешно решить многие сложнейшие вопросы, относящиеся к человеку. Результатом этого оказывались такие оценки природных и социальных явлений, такие меры властей и даже законодательные решения, которые сейчас кажутся проявлениями край-

него невежества. В период средневековья неумение отличить хотя и опасные для других действия, но совершенные душевнобольным человеком, от действий здорового преступника приводило к тому, что участь психически больных оказывалась трагической. Их обвиняли в колдовстве, в связях с дьяволом, четвертовали, сажали на кол, сжигали на кострах, не говоря уже о том, что предварительно пытали всеми способами. В тех же случаях, когда умалишенные помещались в темницы, методами их «лечения» были карцер, розги, цепи и иные подобного рода «средства воздействия». При этом перед господствующими классами открывались широчайшие возможности для произвола и признания умалишенными и преступниками любых неугодных им лиц. Научное невежество оказывалось, таким образом, на службе у политических изуверов.

Подобное положение сохранялось довольно долго. В России, например, лишь в XVII веке появились первые законодательные акты, отделявшие душевнобольных от преступников. В так называемых «Новоуказных статьях о татебных, разбойных и убийственных делах» (1669 год) содержалось положение о том, что «аще бесный убьет, неповинен есть смерти» [1]. Однако это положение долго и с большим трудом входило в юридическую и медицинскую практику. Развитие науки, с одной стороны, появление новых общественных отношений, с другой,— все это приводило к изменению взглядов на преступность и на самих преступников. Постепенно происходил переворот во взглядах на человека, его природу и предназначение.

Отвергая феодальный произвол и феодальное право, буржуазная классическая школа уголовного права, выступая против школы антропологической, исходившей из признания преступного характера самой чело-

[1] См.: *Морозов Г. В. и др.* Основные этапы развития отечественной судебной психиатрии. М., 1976, с. 12.

веческой личности, выдвинула принцип nullum crimen, nulla poena sine lege («нет преступления и наказания без указания на то закона» — лат.). Принцип опасности личности, как таковой, сменялся демократическим принципом ответственности лишь за те действия, которые предусмотрены законом. Утверждение этого принципа с неизбежностью повлекло и признание принципа ответственности человека за вину, т. е. за противоправные деяния, совершенные умышленно или по неосторожности. Тем самым стало неизбежным разграничение действий людей психически больных и людей здоровых.

Вслед за этим появились понятия «вменяемость» и «невменяемость». В уголовные кодексы Франции (1810 год), Германии (1871 год) и других стран были включены положения, согласно которым действия человека не признавались преступными, если они были совершены «в состоянии болезненности или болезненного расстройства душевной деятельности» (уголовный кодекс Германии). Французский уголовный кодекс не признавал действие преступным, если оно было совершено «в состоянии безумия». Шла борьба за то, чтобы не допускать изуверского отношения к больным [1]. Уровень развития медицины уже не позволял идти на поводу у суеверий. Жизнь поставила в повестку дня вопрос не о расправах с больными и умалишенными, включая заключение в тюрьмы, а об их лечении и тем самым о правильной социальной оценке их личности и действий.

Современное состояние психиатрических и юридических знаний позволяет и обязывает строго разграни-

---

[1] Следует отметить, что в этот период большую роль в защите душевнобольных от «юридического» (и внесудебного) мучительства сыграл французский психиатр Ф. Пинель (1745—1826). В частности, он демонстративно снял цепи с душевнобольных в парижской больнице Сальпетриер.

чивать несколько категорий состояния и поведения лиц, совершивших поступки, объективно опасные для общества.

Психиатрическая наука и практика различают:

а) хронические душевные заболевания (шизофрения, эпилепсия, прогрессивный паралич, энцефалитические психозы и др.);

б) временные расстройства душевной деятельности (острый реактивный психоз, маниакально-депрессивный психоз, алкогольный психоз), в том числе исключительные состояния (патологический аффект, патологическое опьянение, так называемое сумеречное состояние);

в) слабоумие, имеющее три вида: идиотию (наиболее глубокая степень), имбецильность и дебильность;

г) иные болезненные состояния (психопатии, наркотическая абстиненция, длительно протекающие неврозы и др.).

Для признания человека невменяемым одного лишь установления факта душевной болезни (медицинский критерий) недостаточно. Сам по себе этот факт не может быть единственным критерием, так как болезнь может быть выражена в разной степени. По данным института общей и судебной психиатрии им. В. П. Сербского, больные шизофренией признаются невменяемыми в 99,9 процента случаев; при эпилепсии от 20 до 30 процентов больных признаются вменяемыми, а при слабоумии — от 60 до 75 процентов.

Наряду с медицинским критерием (диагнозом заболевания) существует и психологический критерий (его называют также юридическим), который отвечает на вопрос, влияет ли болезнь на психические способности лица, т. е. сознает ли лицо характер совершаемых им действий и может ли руководить своими поступками.

Суть проблемы состоит в том, что человек может,

страдая одним из душевных заболеваний, в то же время не только сознавать смысл своих действий, но и руководить ими. Это значит, что болезнь не привела к распаду личности. Более сложна ситуация тогда, когда лицо осознает свои действия, но руководить ими не может.

Таким образом, возможны следующие варианты: признание невменяемым, а значит, не подлежащим уголовной ответственности; признание вменяемым и подлежащим уголовной ответственности; признание вменяемым с констатацией наличия тех или иных аномалий. В первом случае речь должна идти о направлении больного для лечения в психиатрическую больницу; во втором — о полной мере ответственности; в третьем — о применении наказания, соединенного с мерами медицинского характера.

Какова же распространенность этих вариантов? Ю. М. Антонян и Ц. А. Голумб провели в ряде регионов страны исследование лиц, прошедших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу. Было установлено, что из 4 тысяч обследованных свыше 3 тысяч были признаны вменяемыми, в том числе вменяемыми с наличием аномалий — 58,3 процента, а без аномалий (т. е. практически здоровыми) — 26,6 процента.

При этом из числа лиц, совершивших убийство, вменяемые без аномалий составили 22,7 процента, вменяемые с аномалиями — 57,0, а невменяемые (не убийцы в юридическом смысле слова, а больные) — 20,3 процента. Как видно, большинство общественно опасных действий совершается людьми, способными отдавать себе отчет в своих поступках и руководить ими.

Оставляя в стороне данные о лицах, признанных невменяемыми (их поведение изучается не криминологией, а медициной), а также о вменяемых без отклонений в психике, сосредоточим внимание на лицах с психическими аномалиями, не исключающими вменяе-

мости. Именно эти лица представляют интерес для комплексного биолого-криминологического подхода. Анализ причин их поведения вызывает определенные трудности.

Прежде всего отметим, что имеющиеся сведения о количестве лиц с психическими аномалиями среди правонарушителей весьма различны (в уголовной статистике они не содержатся). По данным обследования 222 подростков-правонарушителей, состоящих на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних, было установлено, что 42,8 процента из них имеют психопатические признаки, 10,2 — страдают неврозами, а 13,3 — алкоголизмом [1]. Изучение 830 подростков-правонарушителей показало, что у 24 процентов из них имеются различные формы психопатий [2]. При этом была установлена корреляция между формой психопатии и видом преступления. Как показали исследования, среди психопатов уровень правонарушений против жизни и здоровья личности в три раза выше, чем в общей преступности [3].

Приходится, к сожалению, констатировать, что исследования в рассматриваемой области нередко страдают существенной неполнотой; некоторые выводы являются противоречивыми; методика исследований неодинакова, и поэтому результаты одних исследований подчас несопоставимы с итогами других. Иногда исследователь оказывается заранее «запрограммированным» на определенную позицию и трактует полу-

---

[1] См.: *Фелинская Н. И.* О некоторых спорных вопросах в проблеме психопатий.— Журнал невропатологии и психиатрии имени С. С. Корсакова, 1965, № 11.

[2] См.: *Селецкий А. И.* Опыт психологического изучения трудновоспитуемых детей и подростков, страдающих психопатией.— Четвертый Всесоюзный съезд общества психологов СССР. М., 1971, с. 38—39.

[3] См.: Проблемы судебной и социальной психиатрии. М., 1975, с. 46.

ченные данные в соответствии с априорно сложившимся мнением.

Таким образом, об исследованиях связи преступности с психическими аномалиями следует сказать примерно то же, что уже было отмечено применительно к аномалиям генетическим.

Необходимы единые, сопоставимые и надежные методики исследования. Тем не менее и при данном состоянии разработки вопроса можно прояснить взаимосвязи преступного поведения и психических отклонений, тем более что многие механизмы этой связи раскрыты в психиатрических исследованиях.

Психические аномалии, не исключающие вменяемости, имеют разные причины. Они могут быть порождены, во-первых, наследственными заболеваниями; во-вторых, травматическими поражениями мозга и нервной системы; в-третьих, различными внутренними заболеваниями ненаследственного происхождения; наконец, в-четвертых, внешними неблагоприятными воздействиями, стрессовыми ситуациями, наложенными на ослабленный или просто легко восприимчивый к ним организм.

Причин наследственных заболеваний много, но сегодня следует в первую очередь сказать о такой проблеме, как загрязнение биосферы. Если учесть, что ежегодно выбрасываются в атмосферу миллионы тонн сернистого ангидрида и окислов азота, то вывод о вреде, наносимом только этими веществами живой природе и человеку, бесспорен. В биосферу уже внесены тысячи ранее не свойственных ей химических веществ, многие из которых оказались физиологически активными. Повысился и продолжает повышаться фон радиации. Перед современной наукой стоит неотложная задача — всесторонне оценить мутагенность загрязнений биосферы, их пагубное влияние на жизнь и здоровье людей и принять все меры для действенной борьбы

с этим злом. Очевидна необходимость как использования общесоциальных мер, направленных на то, чтобы «снять» столь опасный для жизни человека фон радиации, так и развития методов биологической науки, в частности генетики, требуемых для предохранения человека, его генетических структур от поражающих факторов внешней среды.

Изучение мутагенности среды и ее влияния на человека находится еще в самом начале, здесь много «белых пятен» и неясных вопросов. Но уже сейчас очевидно, что многие мутации имеют отрицательный характер и что рост мутагенности среды может привести к увеличению в популяциях числа особей с генетически врожденными дефектами, больных. Есть, однако, основания полагать, что это не фатальный для человечества отрицательный процесс. Обещают возможность его преодоления исследования по химической защите, по антимутагенным веществам, по активизации ферментных систем и др.

Возвращаясь к вопросу о наследственных болезнях, следует заметить, что причинами их могут быть различные мутации, локализованные в хромосомах, а также изменение числа или структуры хромосом.

Медико-генетические исследования человека показали, что среди детей с отклонениями наследственного характера около 0,4 процента случаев связано с наличием хромосомных мутаций. Остальные заболевания вызваны мутациями генов, приводящими к блокированию биосинтеза, изменению морфологии или физиологии развития, поражению нервной системы и т. д.

Среди наследственных патологий заслуживает внимания слабоумие, причиной которого служат ранние поражения головного мозга. Статистические данные, имеющиеся в развитых капиталистических странах, показывают, что примерно 1—2 процента их населения

составляют умственно отсталые люди. Следует отметить, что наследственные дефекты в целом оказывают значительное влияние на человека и влекут за собой серьезные социальные и экономические последствия. Не говоря об обычных соматических болезнях, укажем лишь на то, что уходом только за нервно-психическими больными занято 2—3 человека из каждой тысячи человек населения.

Благодаря социальным мероприятиям и успехам медицины резко сократилось распространение инфекционных болезней. На первый план вышли заболевания, имеющие так называемую эндогенную (связанную с внутренней средой) природу. Прогресс медицины здесь во многом зависит от достижений генетики человека.

Развитие диагностики наследственных болезней привело к разработке новых методов обследования больных. Знание звеньев патогенеза позволяет в ряде случаев добиваться их практического выздоровления. Например, при фенилкетонурии, связанной с генетически детерминированными нарушениями в обмене веществ, своевременное лечение спасает детей от тяжелой формы слабоумия. При некоторых генетически детерминированных психических заболеваниях положительный эффект достигается с помощью психотропных препаратов. Как видим, современная медицина, опираясь на достижения генетики, способна излечивать наследственные болезни человека, хотя пока это касается сравнительно ограниченного круга генетических патологий.

Генетическая программа, обеспечивающая развитие человека при наличии определенных условий среды, в известной мере различна для разных людей, что создает те или иные особенности в их реакции на внешние факторы. В результате предрасположение к развитию патологий ненаследственного характера, вплоть

до инфекционных болезней, и специфика протекания этих болезней также оказываются под контролем генетических факторов. Генетические особенности людей определяют формы протекания различных инфекционных болезней, сосудисто-сердечных заболеваний, таких инфекционно-аллергических заболеваний, как ревматизм и др. В будущем знание генетических особенностей людей, несомненно, будет обязательным для диагностики и лечения не только наследственных, но и ненаследственных болезней.

Значение генетики для разрешения проблем патологии очевидно. Хотя наследственные болезни поражают небольшой процент людей, проблема влияния генетических особенностей человека на развитие ненаследственных патологий и на сохранение здоровья касается всех. В целом проблема генетики и патологии человека — вопрос необычайной емкости и глубины. Однако, несмотря на большие успехи биологии, генетики, медицины в познании природы человеческих заболеваний, вопрос о сущности той роли, которую играют генетические факторы в конкретном развитии нормального человека и при его заболеваниях, разработан еще недостаточно. Все это свидетельствует о жизненной необходимости синтеза генетики с медициной и общим учением о человеке.

Духовный мир человека оказывает значительное влияние на его душевное и телесное здоровье. Это говорит о важности синтеза генетики с психологией, социологией, философией, правовой наукой, а также с психиатрией, особенно в той ее части, где речь идет об общественно опасных деяниях лиц с различными отклонениями от нормы в развитии психики либо с психическими заболеваниями.

Исходя из того, что преступление недопустимо путать с болезненностью, а преступников — с душевнобольными, мы считаем целесообразным рассмотреть,

как ставится и решается проблема социального и биологического в современной психиатрии. Академик Академии медицинских наук Г. В. Морозов любезно согласился предоставить в наше распоряжение свою работу, которую мы включили в книгу в качестве следующего раздела.

2. Роль социальных и биологических факторов в генезисе психических расстройств[1]

Развитие теоретических взглядов советской психиатрии тесно связано с трактовкой проблемы соотношения социального и биологического в возникновении и течении психических заболеваний. Особенно методологически острой становится эта проблема при рассмотрении научных и практических вопросов социальной психиатрии, изучающей влияние условий жизни общества и различных социальных факторов на возникновение и особенности психических заболеваний, а также на реабилитацию психически больных.

Основоположники отечественной психиатрии, ее прогрессивные представители, закладывая основы психопрофилактического направления, говорили о проблемах, относимых ныне к социальной психиатрии, и намечали правильное понимание соотношения социальных и биологических факторов при психических болезнях. Так, В. П. Сербский указывал на «дурные стороны цивилизации» как причину роста психических заболеваний. К этим отрицательным факторам он относил сифилис, алкоголизм, скученность населения в больших городах, развитие пауперизма, усиленные

[1] Основу данного параграфа составляет статья Г. В. Морозова, опубликованная под этим же названием в сборнике «Этико-психологические проблемы медицины» (М., 1978).

требования, которые предъявляются к интеллектуальным и нравственным силам каждого в борьбе за существование[1]. В то же время В. П. Сербский относил приведенные выше социальные факторы к предрасполагающим условиям развития психических болезней, считая непосредственными их причинами такие «индивидуальные» факторы, как наследственность, травмы, отравления и различные острые и хронические соматические болезни.

Говоря о воздействии психогенно-ситуационных факторов на психическую деятельность, он считал, что «психические причины» в конце концов сводятся к физическим влияниям, так как всякое душевное потрясение сопровождается изменением деятельности мозга.

С. С. Корсаков писал о социальной психиатрии, о необходимости общественных и государственных мер по профилактике психических заболеваний. Специально исследовалась роль различных социальных факторов в накоплении психически больных в отдельных группах населения. Прогрессивные идеи отечественных психиатров были претворены в жизнь после Великой Октябрьской социалистической революции. Были созданы предпосылки для проведения эффективных мер по профилактике ряда психических заболеваний и укреплению психического здоровья населения.

В последние десятилетия исследования в области психиатрии показали влияние социальных факторов на распространение психических заболеваний и их проявления.

Из этих работ видно, что воззрения на природу психических нарушений во многом определяются тем, как трактуют авторы проблему соотношения социаль-

---

[1] См.: *Сербский В. П.* Судебная психопатология. М., 1900, т. 2, с. 161.

ного и биологического. С этой точки зрения показательны воззрения на природу психических нарушений, подробно представленные в обстоятельной монографии Файблмена «Роль биосоциальных факторов в происхождении психических болезней». Западная культура, пишет Файблмен, достигла середины периода быстрых изменений, и у людей появилось чувство страха и неуверенности, которое у лиц наиболее слабых и плохо подготовленных к адаптации проявляется в форме психических заболеваний. По мнению этого автора, всем людям свойственно испытывать страхи, подозрения, недоверие, злобу, агрессивность и уход в себя. У всех людей имеются явления, свойственные больным шизофренией. Но у последних они повторяются, становятся постоянными и центральными в психической жизни. Файблмен приходит к безрадостному и пессимистическому заключению о том, что человек, благодаря прогрессу техники создав себе искусственную окружающую среду, получил огромную власть над внечеловеческой средой, но это же стало и причиной психических заболеваний. В обществе, имеющем множество машин, зданий, других материальных ценностей, у людей наступило отчуждение от этих элементов, которые они сами создали.

Такое отчуждение может проявляться в виде симптомов психических болезней. С этой точки зрения параноидная агрессия интерпретируется Файблменом как борьба психически больного за возвращение к исходному статусу, параноидные бредовые системы — как полное отделение от реальности, кататоническая шизофрения — как отказ больного от рассмотрения возникших у него проблем, маниакально-депрессивный психоз — как колебание между усилиями вернуться к реальности и предельным отказом от возвращения к ней. С этой крайней позиции большинство психически больных рассматриваются как жертвы прогресса куль-

туры, происходящего слишком быстро и потому непереносимого.

Высказывания этого ученого о значении технического прогресса в происхождении психических заболеваний — яркий пример того, как неправильные научно-методологические позиции приводят к ошибочным заключениям. Вместе с тем они лишний раз подчеркивают, что технический прогресс не должен рассматриваться однозначно, вне связи с социальной структурой общества. Важно то, в каком обществе он происходит: способствует ли он обострению существующих социальных проблем или, наоборот, стимулирует создание условий для благоприятного развития умственной и эмоционально-волевой сферы человека.

Буржуазные специалисты делают попытки разобраться в подлинных причинах неблагоприятного влияния условий жизни капиталистического общества на психическое здоровье людей. Сообщается о своеобразной социальной изоляции, проявляющейся в равнодушии и безразличии к нуждам и духовным запросам многих групп населения в буржуазном обществе. Была сформулирована концепция о предрасположенности к заболеванию «молниеносным» психозом нормальных людей, поставленных в соответствующие условия. Это отмечено у жителей домов с дешевыми квартирами, многосемейных и т. д. или у населения больших жилых ансамблей, у бедняков, не имеющих постоянного местожительства (среди них нередко встречаются старые сельскохозяйственные и неквалифицированные рабочие и новые иммигранты).

Американские ученые Фэрис и Дэнгам, исследовав распространенность психических заболеваний среди жителей Чикаго, нашли, что она находится в прямой связи с их экономическим положением. Так, у малообеспеченного населения распространенность психических заболеваний в 10 раз больше, чем среди богатых.

При этом рядом авторов отмечается отчетливая зависимость между социальным статусом и выявляемыми психическими болезнями с точки зрения уровня заболеваемости и даже их структуры. Неврозы преобладают в высших классах, а заболеваемость психозами — в низших классах. Эти данные показывают в свою очередь не однозначное, а многостороннее влияние социальных факторов. Подобные результаты исследований не могут не стоять в связи с особенностями психиатрической помощи в капиталистических странах. Там лечение более богатых пациентов проводится у частных врачей и в частных лечебницах, что не находит отражения в статистических данных. Безусловно, различен и характер обращения разных контингентов населения за медицинской помощью в зависимости от материальной обеспеченности.

Следует подчеркнуть, что существует значительная разница в научной трактовке проблемы соотношения социального и биологического, принятой в советской психиатрии, от той, которая господствует в западноевропейской и американской психиатрии. Среди зарубежных специалистов получили распространение как биологизация социально обусловленных форм поведения, так и попытки сугубо психологического толкования в неофрейдистском духе психических расстройств и многих социальных явлений. В ряде работ понимание воздействия социальных факторов на человека сводится лишь к межличностным отношениям.

По мнению психоаналитически ориентированных исследователей, для объяснения происхождения большинства психозов и неврозов решающее значение имеет психодинамическая концепция, согласно которой болезнь, как правило, порождается наличием у индивида неосознанного конфликта между его инстинктами и морально-этическими установками общества.

Принцип психогенеза стал ведущей частью нео-

фрейдизма, в частности психодинамической концепции психиатрии. Решающее значение в формировании предпосылок для возникновения психических расстройств, патологических форм поведения здесь придается особенностям внутрисемейных отношений, влияющих на ребенка на превербальной стадии. Для объяснения возникновения психических расстройств привлекаются представления, предложенные З. Фрейдом. Эти представления используются для объяснения социального поведения людей и многих социальных явлений.

Воззрения советских психиатров на соотношение социального и биологического в происхождении психических заболеваний основаны на принципах марксистско-ленинского детерминизма, согласно которому, как справедливо отмечал С. Л. Рубинштейн, внешние причины действуют через внутренние условия, причем последние сами формируются в результате внешних воздействий. Эти важные методологические положения нашли развитие в работах И. В. Давыдовского и А. В. Снежневского. Они подчеркивают, что исследования, имеющие одностороннюю ориентацию — биологическую или психологическую, не позволяют сделать правильные выводы, так как нарушается понимание единства человека как существа биосоциального, а это приводит к трактовке этиологии психических заболеваний с точки зрения линейной зависимости между причиной и следствием. Такой подход не соответствует современному пониманию общей патологии человека и не позволяет правильно решить проблему соотношения социального и биологического в медицине.

Линейное понимание зависимости между причиной и следствием не позволяет объяснить, почему один и тот же патогенный фактор в одних случаях вызывает болезнь, а в других — нет или обусловливает то серьезные, то незначительные психические расстройства. Возникает необходимость учитывать влияние ряда

других факторов: наследственности, конституции, предрасположения и т. п. Помимо всего этого необходим эволюционный подход к болезни, так как внешние факторы воздействуют на организм, обладающий исторически развившимися потенциями.

А. В. Снежневский и И. В. Давыдовский справедливо подчеркивают существенное влияние социальных факторов на возникновение различных психических заболеваний. Они выделяют группу психических расстройств, происхождение которых непосредственно связано с условиями жизни общества, а также заболеваний, относящихся к числу эндогенных психозов, где связь с общественными условиями более опосредствована и менее изучена.

Анализ причинно-следственных отношений выявил наибольшее значение социальных факторов в возникновении неврозов, психогенных реакций, в патологическом развитии личности. Эти соображения находят подтверждение в работах, посвященных клинико-статистическому изучению заболеваний, происхождение которых непосредственно связано с условиями жизни общества.

Еще в 1940 году Е. К. Краснушкин писал, что «для социологического и психологического типов источником их изменчивости являются преимущественно социальные воздействия, а для конституционально-биологического, кроме социальных влияний, эндогенные и биологические экзогенные (болезни, травмы и т. д.)» [1].

Советская судебная психиатрия исходит из того, что психические аномалии, в том числе и психопатические особенности, если они не исключают вменяемости, не определяют поведение человека. В рамках поведения вменяемого лица патологические черты его психики, если они имеются, опосредствуются содержа-

---

[1] *Краснушкин Е. К.* Избранные труды. М., 1960, с. 411.

нием сознания[1]. Содержание сознания вменяемого лица, будучи социально обусловлено, является ведущим фактором во взаимоотношениях его с окружающей средой, поведения в быту, в семье, на производстве и т. д. Соответственно антисоциальные действия таких лиц также вырастают из социально-психологических причин, а патологические явления, например психопатические аномалии, не достигающие глубины, которая позволила бы приравнять их к психическому заболеванию, не являются решающими в возникновении преступлений.

Наиболее наглядной моделью единства социального и биологического при всей сложности и неоднозначности их соотношений, возможно, являются психогенные, или реактивные, психозы. При психогенных реакциях, как это отмечают И. В. Давыдовский и А. В. Снежневский, удельный вес социального в причинно-следственных отношениях наибольший по сравнению со всеми другими психическими заболеваниями. Однако и здесь социально-психологическое воздействие опосредствуется функционально-динамическими механизмами деятельности головного мозга, обусловливающими общебиологические стереотипы болезни. Как и при всяком патологическом процессе, который зависит не только от внешнего фактора, но и от биологических свойств организма, клинические варианты психогенных психозов определяются, с одной стороны, характером внешнего причинного фактора (психогения), а с другой — адаптационно-компенсаторными возможностями организма.

При всем многообразии психогенных факторов патогенная значимость психологического содержания травмирующей ситуации во многом определяется об-

---

[1] См.: *Лунц Д. Р.* Проблема соотношения социального и биологического в судебной психиатрии.— Судебно-медицинская экспертиза, 1968, № 1, с. 44.

щей системой ценностей данной личности, ее социальными и моральными установками.

Вместе с тем не меньшее значение имеют особенности «биологической» почвы, на которой развивается психотическое состояние. При этом характеристика реагирующей «почвы» включает ряд признаков. Наряду с конституциональными особенностями организма не меньшее значение имеют его изменения, обусловленные перенесенными в прошлом воздействиями: травма головы, хронические инфекции, интоксикации и др.

Таким образом, несмотря на наличие единого и общего для всех психогенных психозов фактора, существует совокупность условий, усложняющих действие основной причины. Поэтому особенности патогенеза этих состояний определяются более или менее широким вовлечением в болезненный процесс многообразных дополнительных звеньев. В соответствии с этим существуют клинически различные варианты реактивных психозов. Анализ конкретной формы психогенного заболевания позволяет показать неоднозначную роль и различный удельный вес социальных и биологических факторов на различных этапах заболевания, динамику их соотношения.

Проблема соотношения социального и биологического является одной из важнейших методологических проблем психиатрии. Правильное понимание этого соотношения в его динамике позволяет полнее раскрыть те факторы, которые способствуют возникновению психических заболеваний, определяют их формирование и течение.

Рассмотрение в этом аспекте отдельных форм заболеваний показывает многообразие и сложность взаимодействия социальных и биологических компонентов в возникновении психических расстройств. Познание закономерностей взаимодействия этих компонентов,

несомненно, повысит эффективность лечения психически больных и будет способствовать разработке мер по их социальной реабилитации.

3. Влияние психических аномалий на общественно опасное поведение

В предыдущем разделе была показана сложная и многосторонняя взаимосвязь социальных и биологических факторов в механизме возникновения и развития психических аномалий. Столь же сложна и связь этих факторов при формировании и осуществлении преступного поведения лицом, которое страдает психическим расстройством, не исключающим вменяемости.

Основное отличие механизма связи психических аномалий, не исключающих вменяемости, с преступным поведением от внешне сходной связи психических болезней с опасными действиями больных состоит в природе детерминации поведения. При психических болезнях поведение обусловлено не внешним миром, а самим заболеванием[1]. При психических же аномалиях, не исключающих вменяемости, сохраняется не только связь с внешним миром, но и детерминация им психической деятельности и поступков человека, хотя и с определенными искажениями. Авторы, изучавшие особенности этой связи, отмечают, что психические аномалии в определенных условиях снижают сопротивляемость к воздействию ситуаций, в том числе конфликтных; создают препятствия для развития социально полезных черт личности, особенно для ее адаптации к внешней среде; ослабляют механизмы внутреннего контроля; сужают возможности выбора решений и вариантов поведения; облегчают реализацию импульсивных, случайных, непродуманных, в том числе противо-

[1] См.: *Кербиков О. В.* и др. Психиатрия. М., 1968, с. 7.

правных, поступков. Все это отрицательно сказывается на развитии личности и может способствовать преступному поведению.

Исследования, проведенные психиатрами и криминологами, позволяют судить о характере преобладающих у преступников психических аномалий. Так, по данным Ю. М. Антоняна, М. В. Виноградова и Ц. А. Голумба, удельный вес наиболее распространенных аномалий среди обследованных преступников таков: психопатии — 14,17 процента, психопатоподобные состояния — 18,24, органическое поражение центральной нервной системы — 18,66, травматическое поражение центральной нервной системы — 18,04, хронический алкоголизм — 16,06 процента [1].

Следует отметить, что довольно распространенными аномалиями, «сопутствующими» преступлениям, являются поражения центральной нервной системы.

Велико число случаев хронического алкоголизма и склонности к потреблению алкоголя, «сопутствующих» совершению преступлений. У взрослых эти показатели достигают (в случаях убийств) более 30 процентов, у несовершеннолетних — 10 процентов.

Именно у алкоголиков часто рождаются дети не только с различными физическими недостатками, но и слабоумные, часть которых сразу же может быть признана невменяемыми, а другая часть требует специального лечения, которое, к сожалению, далеко не полностью устраняет болезнь. Однако слабоумие не дает оснований рассматривать эту категорию практически больных людей как «потенциальных преступников». Об этом говорят и результаты данного исследования, согласно которым процент участия слабоумных в насильственных преступлениях невелик. Более тщательное изучение этих лиц показало к тому же, что

---

[1] См.: *Антонян Ю. М.* и др. Преступность и психические аномалии.— Советское государство и право, 1979, № 7, с. 100.

они находились в крайне неблагоприятной социальной ситуации: их родители пьянствовали, дебоширили, применяли насилие по отношению друг к другу, к приятелям и собутыльникам, проявляли неуважение к окружающим. Именно такое поведение и явилось «примером» для детей, тем более что ослабленные умственные способности мешали им правильно его оценить; зачастую они просто считали его нормой. Очевидно, что изменение социальной ситуации могло бы уберечь эту категорию людей от совершения преступлений. К тому же сам факт слабоумия отнюдь не всегда лишает человека возможности осознавать свои поступки и руководить ими. Поэтому наряду с лечением его как больного возможно и его социальное воспитание.

Как уже отмечалось, определенная часть случаев слабоумия имеет наследственное происхождение. Это означает, что «прирожденной» является болезнь, а не преступление, и лечить ее нужно, используя как медицинские, так и социальные меры, тем более если поведение лица не достигло степени невменяемости.

Среди лиц, совершивших убийства и признанных вменяемыми, но с наличием аномалий, довольно большой процент страдающих психопатией и психопатоподобных (примерно 37 процентов среди взрослых и 42,5 процента среди несовершеннолетних). Известно, что тяжелые формы психопатии встречаются крайне редко. Эта болезнь обычно является следствием длительного развития человека в ненормальной, травмирующей психику социальной ситуации, особенно если его организм ослаблен сопутствующими болезнями соматического характера. Поэтому случаев развившихся психопатий у обследованных несовершеннолетних было не так уж много.

В значительной части заболевания психопатов-преступников социальны по происхождению, порождены обстановкой в ближайшем окружении, на производст-

ве. «...Как показывает опыт психиатрических диспансеров и больниц,— отмечал О. Е. Фрейеров,— большинство подверженных этому заболеванию лиц вообще не совершают антисоциальных поступков. В тех же случаях, когда такие действия совершаются, они, как правило, обусловлены отрицательным влиянием среды, алкоголизмом, неблагоприятной ситуацией в семье, материальными затруднениями и т. д.» [1]. И хотя рецидив у психопатов-преступников несколько выше, чем у других категорий лиц, это, однако, не дает оснований считать их преступное поведение врожденной чертой личности.

Подобные соображения высказывались и другими специалистами. Характерно, что даже при так называемых ядерных психопатиях, т. е. связанных с органическим поражением нервной системы, у несовершеннолетних преступников главенствующими оказываются негативные социальные факторы. По имеющимся данным, каждый третий подросток-правонарушитель рос без отца, а в тех случаях, когда были оба родителя, у каждого четвертого отец страдал алкоголизмом. В каждых трех из пяти наблюдений воспитание являлось совершенно недостаточным. Неблагополучные семьи составили 50,7 процента. Из них: неполная семья — 25,9 процента; алкоголизм родителей — 14,3; аморальный образ жизни родителей — 3,9; систематические конфликты в семье — 15,5; систематическое избиение ребенка — 2,6; преступность среди родителей — 1,3; проживание с психически больными родственниками — 10,4 процента [2].

---

[1] *Фрейеров О. Е.* О так называемом биологическом аспекте проблемы преступности.— Советское государство и право, 1966, № 10, с. 110.

[2] См.: *Фелинская Н. И., Гурьева В. А.* Соотношение биологических и социальных факторов в этнопатогенезе психопатий у подростков.— Соотношение биологического и социального в человеке, с. 695.

Исследования, проведенные позже, вновь подтверждают сказанное. Сошлемся на работы О. И. Калгановой. Ни один из олигофренов из трехсот несовершеннолетних с аномалиями психики не совершил убийства либо изнасилования. В целом удельный вес убийц среди лиц с аномалиями психики 0,8 процента, в то время как в контрольной группе — 1,1.

У всех обследованных были неблагоприятные условия жизни и воспитания в семье. У 49,3 процента родители пьянствовали либо были алкоголиками (в контрольной группе — 32,4); один из родителей был судим — 12,1 (6,6); в 52 процентах семей обстановка в семье постоянно конфликтная (в контрольной группе постоянных конфликтов нет); родители имеют нервно-психические заболевания разной степени и интенсивности в рамках вменяемости — 17,7 (3,2).

К этому следует добавить такие данные. У лиц с аномалиями психики родители имели высшее образование всего в 6 процентах случаев (в контрольной группе — 27,1), образование менее 8 классов — 48,5 (31,3). Если при этом иметь в виду, что с помощью физического насилия (так называемого наказания) родители «воспитывали» аномальных детей в 43,9 процента семей (в контрольной группе — 15,5), то становится очевидным, что генетические признаки тут ни при чем.

Наконец, необходимо указать и на ту непосредственную среду (помимо семьи), в которой вращались лица с психическими аномалиями и которая также имела на них подчас решающее влияние. Среда эта состояла из: а) правонарушителей (20,3 процента), б) отстающих в учебе и отлынивающих от работы (22,9), в) употребляющих спиртные напитки — 16,9, г) в остальных случаях — из старших по возрасту, как правило, с антиобщественными навыками.

Все это, в свою очередь, приводило к тому, что лица,

имеющие аномалии психики, были социально и педагогически запущенными.

Неврозы, психопатии и психопатоподобные состояния в сочетании с неблагоприятными условиями формирования личности и характером той ситуации, в которой совершается преступное деяние, выступают, таким образом, как условия (но не причины) преступления. Поэтому они оказывают влияние не на сам факт преступного поведения невротика или психопата, а на вид этого поведения, которое чаще всего относится к насильственному либо дезадаптивному типу (например, бродяжничество).

Имеющийся эмпирический материал позволяет сделать следующие выводы: достоверного увеличения доли лиц с невротическими и психопатическими нарушениями по мере увеличения общественной опасности содеянного не наблюдается; преобладающая часть аномалий связана с психопатическими чертами и остаточными явлениями после травмы, которые в 80—85 процентах случаев явились результатом неблагоприятных условий жизни и воспитания и наличие которых не связано с необратимыми изменениями психики; у лиц, имевших аномалии, отсутствовала фатальная предрасположенность к преступлению; психические аномалии в качестве катализирующего фактора взаимодействовали в механизме преступного поведения с ведущим фактором — нравственной невоспитанностью, усугубляя социальную неадаптированность, неадекватность реакции, но отнюдь не определяя социальной направленности конкретных действий [1]. Следует добавить, что психика всех обследованных систематически травмировалась из-за неблагоприятных условий жизни.

Индивидуальная неповторимость личности, способ-

---

[1] См.: *Миньковский Г. М., Ратинов А. Р.* О роли биологического в личности преступника и преступном поведении.— Соотношение биологического и социального в человеке, с. 495.

ность человека к восприятию социальной программы зависит и от индивидуальных социальных раздражителей, в том числе неблагоприятных. Поэтому при анализе влияния психопатии на поведение людей делать обобщения нужно крайне осторожно. По всей вероятности, здесь наиболее целесообразен анализ психопатических личностей и сугубо индивидуальное воздействие на них, как социальное, так и медицинское. Психопаты и психопатоподобные, как правило, могут сдерживать свои эмоциональные вспышки. Самоконтроль вполне им по силам. Понимание этого обстоятельства имеет важное значение для оценки их поведения как в медицинском, так и в правовом смысле.

Конкретные наблюдения врачей-психиатров за психопатами показывают, что правонарушители, относящиеся к этой категории, чаще других совершают повторные преступления, в том числе в местах лишения свободы, и чаще других подвергаются повторному (иногда многократному) лечению. Как правило, психопатические личности отличаются неуживчивостью, конфликтностью, приводящими к нарушениям режима в исправительно-трудовых колониях, взысканиям и т. п. Все это в свою очередь обостряет психопатические черты характера этих людей, порождает трудности в воспитательной работе с ними. Наблюдения за значительным контингентом осужденных, страдающих психопатией, дают подчас примеры «психопатических концертов», при которых, буйствуя, разбивая, круша все вокруг, причиняя ущерб имуществу либо другим людям, они в то же время чутко наблюдают за реакцией окружающих на их поведение и почти никогда не причиняют большого вреда самим себе. Следует, однако, иметь в виду, что поведение психопатов в период буйства может иметь и тяжкие последствия, ибо они довольно хорошо контролируют направленность своего поведения, но хуже — интенсивность. Прекращают

они такое поведение, как правило, либо в тех случаях, когда на него никто не реагирует, либо тогда, когда они чувствуют, что могут серьезно поплатиться за свое буйство. Подобные припадки при особой активности и силе могут перейти в нервный стресс, после которого наступает депрессия, упадок сил, часто сопровождающийся плачем и полным безразличием к окружающему. Но повторяем, что, совершая такие действия, человек обычно способен осознавать их вред и руководить своими поступками[1]. Нередко психопаты-преступники симулируют душевную болезнь, хорошо зная, что признание невменяемыми спасло бы их от уголовной ответственности.

Говоря о склонности психопатов и психопатоподобных к аффективным действиям, следует указать на то, что советское уголовное право не только исходит в данном случае из нравственных правил, присущих нашему обществу, но и опирается на достижения медицинских наук.

Физиологический аффект признается обстоятельством, смягчающим ответственность; тем самым право учитывает возможность болезненного состояния человека и соответственно снижает наказание. Кроме того, принимается во внимание, что физиологический аффект может быть вызван неправомерными, носящими провоцирующий характер действиями потерпевшего или другого лица. Патологический же аффект, связанный с полным помутнением сознания (как и патологическое опьянение), ведет к признанию человека невменяемым, не подлежащим уголовной ответственности.

У некоторых психопатических личностей наблюдается склонность к совершению сексуальных преступле-

---

[1] Более 85 процентов психопатов, проходящих судебно-психиатрическую экспертизу, признаются вменяемыми.

ний. Ввиду особого характера того, что касается интимной жизни человека, психические аномалии обнаруживаются в этих случаях с трудом.

Советские психиатры, исследовавшие проблему сексуальных отклонений, в частности в связи с вопросом о вменяемости и невменяемости (В. А. Гиляровский, О. В. Кербиков, Н. И. Фелинская, В. В. Мохов), пришли к выводу, что эти явления могут иметь три основных источника: а) функциональное расстройство системы влечений, особенно у психопатических личностей; б) искажение социальных установок под влиянием неблагоприятных факторов внешней среды, в том числе вызванное условнорефлекторным путем; в) дефекты органического происхождения (в подобных случаях лица обычно признаются невменяемыми).

Отклонения в половой сфере, включая сексуальные преступления, требуют гораздо большего внимания, чем им уделяется сейчас. В этой области много «белых пятен», нерешенных организационных вопросов. Особенно актуальными являются вопросы ранней диагностики сексуальных отклонений, их профилактики, сочетания социально-воспитательных мер с мерами медицинскими и правовыми. Необходимы более углубленные научные исследования различных сторон данной проблемы, ибо зачастую профилактика этого вида правонарушений явно неэффективна, а меры уголовно-правового воздействия запаздывают, являясь реакцией на уже совершенное преступление.

Рассмотрение проблемы преступного поведения лиц с психическими аномалиями говорит о том, что, хотя среди лиц, совершающих преступления, не так уж мало психопатических личностей, не следует преувеличивать их значение. Здесь необходимо подчеркнуть, что на Западе, особенно среди американских ученых, имеет хождение теория, согласно которой психопаты являются вариациями нормальных личностей. Еще ча-

ще ставится знак равенства между психопатиями и неврозами. Психопатию нередко считают прямым проявлением «криминальных наклонностей». Иными словами, почти все люди признаются психопатами, и им приписывается склонность к совершению преступлений; это, в сущности, новый вариант старой теории о прирожденности и вечности преступности.

Вместе с тем прогрессивные ученые Запада относятся к такого рода взглядам весьма критически. «...Совершенным абсурдом было бы настаивать на том, что в основе большей части преступности в Америке лежит психопатология,— пишет Э. Шур.— Ведь чтобы оправдать подобное утверждение, потребовалась бы еще более общая посылка, а именно что большинство, если не все американцы — душевнобольные люди» [1].

Указывая на необходимость «искать во внешних условиях жизни причины определенной качественной психопатизации населения», советский психиатр П. Б. Ганнушкин еще в начале 30-х годов писал: «Можно определенно сказать, что правильно организованная социальная среда будет заглушать выявление и рост психопатий... социалистическое устройство жизни ... явится залогом создания нового человека» [2].

Советская психиатрия исходит из того, что вызываемая социальными факторами психопатия — это вместе с тем и клиническая реальность, имеющая свои патофизиологические механизмы. На ее основе могут совершаться преступления (как, впрочем, и без нее). Разумеется, психопатия не может быть сведена к агрессивному и антисоциальному поведению. Один из основных признаков психопатии — затрудненность полноценной социальной адаптации (что способствует и преступному поведению) достаточно успешно корри-

---

[1] *Шур Э.* Наше преступное общество, с. 100.

[2] *Ганнушкин П. Б.* Избранные труды. М., 1964, с. 252.

гируется социальными и лечебно-профилактическими мерами.

Во всех случаях антиобщественного поведения, связанного с психическими аномалиями, весьма важное значение имеют ранняя диагностика и своевременное лечение, а если необходимо, то и изоляция больных. Все это — прерогатива медицины. Совместные медико-юридические исследования помогают найти правильные решения, касающиеся отграничения болезни от преступления, методов и средств борьбы с общественно опасным поведением, а также оптимального сочетания мер наказания с мерами медицинского характера.

Важная роль в этой связи принадлежит медицинской генетике, имеющей дело с распознаванием и лечением наследственных болезней. Очевидно, что в том случае, когда медицина находит способы излечивать какое-либо наследственно обусловленное заболевание или хотя бы компенсировать его, она ликвидирует вредное проявление гена. Такой ген, даже сохраняя свое действие, уже не нарушает нормальное развитие человека, а вызывает лишь нейтральные наследственные изменения.

В отношении многих тяжелых наследственных заболеваний медицина остается пока бессильной. Но это не значит, что надо заменять медицинские меры стерилизацией, изоляцией или уничтожением «неполноценных» людей только потому, что еще не найдено путей лечения той или иной болезни. Особенно это недопустимо в отношении лиц, психические особенности которых рассматриваются в настоящее время как аномалии, недопустимо тем более, что сами эти особенности возникли и сложились помимо воли этих людей, в силу тех объективных или субъективных условий, которые присущи современному человеческому обществу.

Глава VIII

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ И ПРОФИЛАКТИКА

1. Правовая ответственность и гуманизм

Стоящие перед нашим обществом проблемы революционной перестройки, коренного обновления социализма требуют повышения инициативы, ответственности, организованности трудящихся, активизации их социальной энергии. От этого во многом зависят темпы этого процесса, его конкретные черты.

Анализируя особенности создания нового общества, В. И. Ленин призывал «особенно большое внимание обратить на развитие и укрепление товарищеской дисциплины трудящихся и всестороннее повышение их самодеятельности и сознания ответственности. В этом состоит главнейшее, если не единственное, средство окончательно преодолеть капитализм и привычки, созданные господством частной собственности на средства производства»[1]. Эта задача сохраняет всю свою актуальность и в наши дни.

Важное место в решении указанной задачи принадлежит советскому праву. Его роль в охране, укреплении и развитии социалистических общественных отношений определяется тем, насколько активно оно воздействует на поведение граждан и коллективов трудящихся. В условиях развивающегося социализма, когда во весь рост встала задача создания правового

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 38, с. 96—97.

государства, реформы политической системы, имеющая своей целью глубже раскрыть потенциал социалистического народовластия, регулирующая роль права значительно возрастает, однако не за счет более широкого применения мер государственного принуждения, а в результате дальнейшего развития социалистической демократии, повышения общественной активности и инициативы трудящихся, расширения участия их в управлении обществом. Именно эта принципиальная линия характеризует современные тенденции развития советской правовой системы, информационная и воспитательная роль которой усиливается, в то время как принудительный аспект хотя и сохраняется, однако изменяет свой характер.

В чем же состоят изменения в сфере мер государственного принуждения? Главное заключается в выдвижении на первый план методов организации, предупреждения, общественного воздействия, что определяется как дальнейшим развитием и укреплением экономических и организационных возможностей социалистического государства, так и ростом культуры и сознательности советских граждан. В этих условиях складываются реальные возможности шире использовать правовые средства, связанные не столько с запрещением противоправного поведения, сколько со стимулированием поведения правомерного, созданием для него необходимых организационных, психологических и моральных предпосылок. Советское право призвано быть гуманным, справедливым средством охраны общественных и личных интересов, прав и свобод граждан.

Главный принцип ответственности в советском праве состоит в том, что это — ответственность за вину. Согласно советскому законодательству, уголовной ответственности и наказанию подлежит только лицо, виновное в совершении преступления, т. е. умышленно

или по неосторожности совершившее предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние.

Смысл ответственности состоит в том, чтобы воздействовать судом и наказанием на сознание и волю лица, совершившего преступление, исправить и перевоспитать его, вернуть в ряды честных граждан. Вместе с тем ответственность имеет и общепредупредительное значение; она воспринимается и другими членами общества, подтверждает силу закона, неотвратимость наказания для его нарушителей.

Разумеется, уголовная ответственность, преследуя исправительные и предупредительные цели, может быть обращена только к лицам, отдающим себе отчет в совершаемых действиях и способным ими руководить; иначе она не имела бы смысла. Как известно, конечная задача уголовного права — предотвращение преступлений. Но может ли человек невменяемый, душевнобольной, в том числе и по генетическим причинам, исправиться и перевоспитаться под воздействием уголовного права? Человек, признанный судебно-психиатрической экспертизой невменяемым, не воспринял бы наказание ни как меру, примененную к нему для исправления и перевоспитания, ни вообще как меру воздействия. Он просто не смог бы это осознать. Не случайно Ф. Энгельс в свое время отмечал, что «невозможно рассуждать о морали и праве, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой» [1].

Вопрос о вменяемости, а следовательно, и об ответственности человека за свои поступки возникает на практике, в частности, применительно к действиям лиц с хромосомными аномалиями. «Если синдром *XYY* рассматривать как болезнь,— пишет Г. Кайзер,— то

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 115.

его носители, разумеется, не могут нести ответственность за наличие этого синдрома»[1]. Французский суд присяжных прекратил дело по обвинению в убийстве, когда экспертиза обнаружила у обвиняемого хромосомные отклонения типа *XYY*. Тем не менее, как полагают специалисты, данная генетическая аномалия оставляет большие возможности для индивидуального развития, и поэтому вывод о невменяемости не всегда может быть обоснован. «Должно быть проведено психиатрическое исследование для того, чтобы установить, может ли считаться *XYY* — субъект частично или полностью не ответственным за свои действия»[2].

Как же квалифицировать случаи, когда душевнобольные совершают насильственные действия и даже причиняют смерть другим лицам? В обиходе это называется насилием и убийством. Однако термины, употребляемые в обиходе, далеко не всегда правильно отражают сущность проблемы. Безусловно, подобные действия представляют опасность для общества. Но это не преступления, и нельзя применять наказание к лицам, совершившим такие действия.

Содружество правовой науки и медицины привело к тому, что юристы стали глубже понимать и правильнее использовать научные данные о физиологическом и патологическом аффектах, точнее определять степень тяжести телесных повреждений, патологического и физиологического опьянения и др. В уголовно-процессуальном праве предусмотрено назначение в необходимых случаях судебно-психиатрической экспертизы, определяющей состояние вменяемости или невменяемости, что необходимо для решения вопроса об ответственности. В настоящее время не только профессиональные юристы, но и широкие круги населения

---

[1] *Kaiser G.* Genetics and Crime.— Proceedings of II International Symposium on Criminology, p. 14.

[2] Ibidem.

понимают, что душевная болезнь может породить не преступление, а опасные действия, не влекущие за собой уголовной ответственности. В такого рода случаях не исключены и патологические изменения генов. Это означает, что человек уже родился больным и его нужно лечить с первого дня появления на свет. Искать новые пути раннего выявления наследственных болезней призвана медицинская генетика.

Социалистический гуманизм находит свое последовательное проявление в ряде положений советского права и криминологии, в частности в тезисе о том, что нет неисправимых преступников. Этот тезис, четко характеризующий позицию советских криминологов по вопросу о свойствах личности человека, совершившего преступление, и методах обращения с правонарушителями, включает по меньшей мере три положения.

Во-первых, все ранее сказанное позволяет утверждать, что люди не рождаются, а становятся преступниками. Преступление не вытекает из «природы человека», оно есть продукт сложного взаимодействия личности со средой.

Во-вторых, признавая ведущую роль социальной среды в формировании личности, в том числе и в неблагоприятном направлении, советская наука и действие этой среды не считает фатальным, непреодолимым. Дело в том, что сама социальная среда поддается позитивному социальному воздействию, перестройке. Кроме того, поскольку среда формирует человека через его индивидуальные нравственные и психофизиологические особенности, последние сами могут служить серьезным препятствием для неблагоприятного влияния среды. Подросток, выросший в семье, где антиобщественное поведение является привычным, вовсе не обречен стать преступником.

В-третьих, даже человек, сформировавшийся как правонарушитель, способен исправиться при соответ-

ствующем позитивном воздействии. Следует отметить, что эта гуманная идея находит выражение не только в научных монографиях, но и в партийных документах последнего времени, в которых большое внимание обращается на усиление гуманистического характера всей системы формирования и воспитания человека в нашем обществе.

Сказанное не значит, что в действительности исправляются все без исключения правонарушители. Существует рецидивная преступность. Еще несовершенны конкретные методы индивидуального исправления и перевоспитания преступников. Однако все это не противоречит указанному выше принципиальному тезису; напротив, лишь на его основе создается перспектива для успешной борьбы с правонарушениями. В этой связи одной из актуальных задач советской правовой науки и практики является разработка дифференцированных методов исправительного воздействия на правонарушителей с учетом социальных, психологических и иных особенностей их личности. Предусмотренное законодательством дальнейшее расширение условного осуждения и условно-досрочного освобождения от наказания, сокращение числа случаев лишения свободы и ряд других мер представляют собой существенный шаг на этом пути.

При этом, однако, надо отметить, что практика применения условного осуждения и особенно условного освобождения из мест лишения свободы требует совершенствования. Законодательство об условном освобождении лиц из мест лишения свободы с направлением на стройки народного хозяйства в значительной степени себя не оправдало. Более того, экономически оно оказалось, по нашему мнению, вредным, ибо приучило многих хозяйственников не набирать рабочую силу в соответствии с необходимостью, а ждать, когда им направят далеко не лучший контингент. Сугубо

«экономический» подход к проблемам исправления правонарушителей противоречит принципам советской исправительно-трудовой политики.

Совершенствование советского права требует дальнейшего сужения сферы уголовной репрессии, расширения профилактических, предупредительных мер, а также предоставления суду права отсрочки исполнения приговора, вынесенного в отношении несовершеннолетнего правонарушителя. В законодательстве и судебной практике более полно проводятся в жизнь принципы дифференциации и индивидуализации ответственности в зависимости от степени общественной опасности деяния и данных о личности виновного, при соблюдении требований социалистической законности.

Советское уголовное право не отказывается и не может отказаться от достаточно строгих наказаний. Предел наказания — 10 лет лишения свободы, а за наиболее тяжкие преступления — 15 лет. Строгость реализуется и через порядок исполнения лишения свободы (дифференциация осужденных по режиму содержания, необходимая дисциплина в исправительно-трудовых учреждениях и др.). Разумная строгость не имеет ничего общего с жестокостью. К. Маркс отмечал, что «жестокость, не считающаяся ни с какими различиями, делает наказание совершенно безрезультатным, ибо она уничтожает наказание как результат права»[1]. Она серьезно препятствует нравственному воспитанию и в конечном счете подрывает авторитет самого наказания. Жестокость способствует обесценению человеческой личности и к тому же, вызывая сочувствие к преступнику, ослабляет авторитет суда и его приговора.

Наказание должно приносить пользу обществу прежде всего потому, что оно является средством ис-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 1, с. 123.

правления и перевоспитания (хотя и специфическими методами) лиц, совершивших преступления, а также потому, что оно является одним из средств предупреждения новых преступлений. Именно поэтому наказание не должно быть жестоким. Переоценка жестокости по отношению к «вредным» для общества людям есть не что иное, как отражение традиционного взгляда на наказание, дошедшего до нас из досоциалистических формаций. Вместе с тем следует иметь в виду, что жестокость по отношению к преступнику — это лишь первый этап снижения моральных установок личности, за которым следуют пренебрежение к интересам других людей, безразличие к ним, эгоизм и беспринципность. Этими реальными последствиями «воспитания жестокостью» пренебрегать нельзя.

Сказанное не противоречит ни необходимости принудительной силы наказания и его строгости, ни тому, что наказание связано с ограничением в личных благах и причинением моральных страданий. Нет и не может быть наказания без принуждения, без отрицательной оценки личности государством, без нравственных переживаний и даже страданий. Однако следует различать *непримиримость* к преступлениям и *жестокость* по отношению к преступникам. Непримиримость ко всякого рода правонарушениям означает, что вслед за преступлением должно обязательно и быстро последовать наказание; что ни одно лицо, совершившее преступление, не должно оставаться безнаказанным; что за тяжким преступлением должно следовать суровое наказание, сопровождаемое общественным осуждением. Но не по принципу «око за око, зуб за зуб». Эмоции — плохой советчик в вопросах карательной политики и практики, в вопросах борьбы с преступностью. И если имеются достаточные основания полагать, что человек, не совершивший тяжкого преступления, может быть исправлен с помощью мер воспитательного

характера и общественного воздействия без изоляции его от общества, то именно эти меры и следует использовать.

В целом же необходимо иметь в виду, что социальный эффект, достигаемый путем предупреждения преступлений, несравненно больше, чем эффект от применения наказаний за каждое правонарушение.

2. Меры предупреждения антиобщественного и социально опасного поведения

Марксистские исследования социальных процессов позволяют сделать вывод о том, что преодоление и предупреждение антиобщественного поведения возможно лишь на пути совершенствования социальной жизни людей. Сочетание и комплексное использование экономических, социально-культурных, воспитательных и правовых мер — основное условие решения этой сложной социальной проблемы. Преодоление антиобщественных и социально опасных поступков связано с выявлением и устранением причин, порождающих их, и условий, способствующих их совершению. Ведущее место при этом должны занимать меры по совершенствованию общественных отношений и воспитанию человека. Меры принуждения могут иметь в этом процессе лишь вспомогательное значение.

Что касается предупреждения преступлений, то под этим имеется в виду совокупность государственных и общественных мер, имеющих целью устранение или нейтрализацию причин и условий, способствующих совершению правонарушений. Предупреждение преступлений обеспечивается всем комплексом мероприятий, направленных на совершенствование и перестройку общественных отношений, экономики, идеологии и куль-

туры, на создание и укрепление такой организации общественной жизни, которая противостоит любым антиобщественным проявлениям.

Профилактика — главное направление борьбы с преступностью. Данный принцип представляет собой прямое следствие общей концепции советского права, криминологической науки и практики. В самом деле, если преступность обусловлена объективными социальными процессами и ее причины коренятся не в пороках человеческой натуры, то отсюда следует, что борьба с этим злом должна основываться прежде всего на устранении конкретных недостатков в жизни общества, в воспитании детей, на улучшении отношений в семье и в производственном коллективе, на совершенствовании управления общественными процессами, функционирования государственных институтов. Глубокий философский тезис К. Маркса: «Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, сделать обстоятельства человечными» [1] — реализуется ныне в крупных социальных мероприятиях Коммунистической партии и Советского государства, направленных на коренное обновление всех сфер жизни нашего общества, его всестороннюю демократизацию.

Предупреждение преступности — одно из важных направлений деятельности социалистического общества и государства по совершенствованию общественных отношений и воспитанию людей.

Общие предупредительные меры могут быть экономическими, политическими, идеологическими, культурно-воспитательными, правовыми, организационно-управленческими и техническими. При этом за всеми мерами профилактики преступности следует видеть человека, ибо цель социализма — человек с его потреб-

---

[1] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 145—146.

ностями, со всеми присущими ему как личности особенностями.

Многообразие социальных связей человека составляет, пожалуй, главную трудность при выборе методов воспитания, воздействия на поведение, на формирование нравственных качеств и моральных взглядов людей. Именно поэтому предупреждение преступлений должно носить комплексный характер.

К проблеме предупреждения преступности с полным основанием может быть отнесено замечание В. И. Ленина об изменениях в культуре общества: «Культурная задача не может быть решена так быстро, как задачи политические и военные... Политически победить можно в эпоху обострения кризиса в несколько недель. На войне можно победить в несколько месяцев, а культурно победить в такой срок нельзя, по самому существу дела тут нужен срок более длинный, и надо к этому более длинному сроку приспособиться, рассчитывая свою работу, проявляя наибольшее упорство, настойчивость и систематичность» [1].

Если говорить обобщенно, то рост общественного богатства, соединенный со всесторонней воспитательной работой государства и общества на базе ускорения научно-технического прогресса и использования его достижений для радикального обновления общественных отношений, формирования человеческой личности, есть основной, магистральный путь предупреждения преступности. Это — общесоциальный аспект данной проблемы.

Социальные меры предупреждения преступлений носят и более конкретный характер. Прежде всего речь идет о такой распространенной ныне форме, как комплексные планы профилактики правонарушений, яв-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 44, с. 174—175.

ляющиеся составной частью планов социального развития городов, районов, областей и республик, а также предприятий и организаций.

Существенное значение в этом плане имеют осуществленные после XXVII съезда КПСС мероприятия по развертыванию индивидуальной трудовой деятельности и борьбе с нетрудовыми доходами. Предупредительный аспект этих мер состоит в том, чтобы вести решительную борьбу не только с наиболее опасными формами нетрудовых доходов — собственно преступлениями, но и со всеми другими формами, носящими антисоциальный характер. Предупредительный аспект заключается и в создании обстановки нетерпимости вокруг тех, кто пытается строить свое благополучие на нетрудовых доходах, в создании, образно говоря, общесоциального климата, несущего в себе значительный профилактический эффект. Однако, скажем откровенно, законодательство по борьбе с тем, что называют нетрудовыми доходами, несет на себе отпечаток поспешности, непродуманности, в ряде случаев оказывает отрицательное влияние на социальную практику и нуждается в дальнейшем совершенствовании. Кроме того, само понятие «нетрудовые доходы» социально и экономически расплывчато, не продумано научно. Это не может не сказаться отрицательно и на законах, ибо они вторичны, а экономические отношения первичны.

Система предупредительных мер в разных регионах и социальных группах имеет свою специфику и своих адресатов. Наряду с общеобразовательными и воспитательными мерами в планах профилактики правонарушений предусматривается, что конкретно должны делать юридические органы (органы МВД, юстиции, прокуратуры и суды), непосредственно ведущие борьбу с преступностью; планируется совместная их работа с общественными организациями, а также координирование их действий. Адресат предупредитель-

ных мер — это те люди, поведение которых отклоняется от норм закона или правил социалистического общежития. В планах профилактики правонарушений предусматриваются пути и методы правового, нравственного и эстетического воспитания населения, особенно молодежи.

Отклонения от норм поведения должны становиться предметом внимания прежде всего в той микросреде, где человек формируется как личность,— в семье, в школе, в трудовом коллективе. Именно здесь важно вести кропотливую работу по преодолению антисоциальных навыков и привычек.

Здесь же в цепочку социального воздействия могут включаться органы, непосредственно ведущие борьбу с правонарушениями и преступностью. В данном случае речь идет о воспитании и перевоспитании лиц, уже вставших на путь совершения антиобщественных поступков. Меры общего воспитания в семье, школе, на производстве, видимо, оказались недостаточно эффективными и не произвели на этих лиц необходимого воздействия, вредные влияния оказались сильнее, в области воспитания были допущены просчеты и ошибки.

Анализируя жизненный путь правонарушителя, всегда можно найти те изъяны его личности, которые вначале привели его к аморальным поступкам, а затем и к более серьезному конфликту с правилами поведения в обществе, с уголовным законом. При этом важное значение имеют не только жизненные условия или особенности конкретной обстановки, например неустроенность, действительная или кажущаяся обида, но также индивидуальные черты личности, реагирующей на сложившуюся ситуацию.

Многообразие действий людей, находящихся в сходных условиях, объясняется прежде всего наличием в самой объективной действительности различных

путей и возможностей, что и составляет основу для принятия человеком того или иного решения. Профилактическая работа, особенно специальные ее формы, связанные с анализом конфликтных ситуаций и предупредительным воздействием на лиц, уже впитавших в себя определенные антиобщественные навыки, призвана нейтрализовать влияние антисоциальных предпосылок и вместе с тем активизировать все социально полезное с учетом степени испорченности человека и возможности его исправления и перевоспитания.

При проведении специальных предупредительных мер необходимо учитывать, что в микросоциальных группах в силу специфических условий могут складываться «свои» правила поведения, «свой» образ жизни, противостоящий если не в целом, то в значительной части существующим в обществе нормам и моральным ценностям. Не секрет, например, что у лиц, неоднократно судимых, часто имеется «своя» ущербная психология и «свои» взгляды на нормы поведения в обществе.

Поэтому дифференцированный подход к оценке образа жизни людей в различных микросоциальных группах должен быть связан, естественно, и с дифференцированным подходом к самим людям, к использованию разнообразных форм и методов работы с ними. Поиски «слабого звена» в жизненном пути человека имеют принципиальное значение для принятия адекватных социальных мер предупреждения антиобщественных поступков.

Предупреждение преступлений посредством индивидуализированного воздействия на людей, вставших на путь антиобщественного поведения, осуществляется органами Министерства внутренних дел, прокуратуры, судами в тесном взаимодействии с общественными организациями и коллективами предприятий, учреждений и организаций. Это вытекает из природы

социалистического общества и характера социалистических общественных отношений. Сложностью проблемы преодоления преступности определяется основной вывод: борьба с преступностью не может быть прерогативой какого-либо одного органа государства (или даже нескольких его органов), это — дело всего общества и каждой его социальной ячейки.

Существующие формы совместной профилактической деятельности органов, ведущих борьбу с преступностью, и общественности направлены главным образом на перевоспитание и исправление конкретных правонарушителей. Здесь в пределах своей компетенции и предоставленных законом прав действуют добровольные народные дружины, советы профилактики, общественные пункты охраны порядка, товарищеские суды, родительские комитеты. Сейчас эта работа, к сожалению, ослаблена.

Особое место в предупреждении правонарушений и преступлений принадлежит прокурорскому надзору, о необходимости укрепления и усиления которого говорилось на XXVII съезде КПСС. Сохраняя свою основную функцию — высший надзор за соблюдением законов всеми учреждениями, организациями и гражданами, прокурорский надзор приобретает в настоящих условиях более ярко выраженный предупредительный характер. Задача прокурора — не только выявить нарушение закона, кем бы и где бы оно ни было совершено, не только привлечь нарушителя к установленной законом ответственности, но своим вмешательством создать такую обстановку, которая исключала бы возможность повторения нарушений. Принимаемые в этих случаях меры прокуратура берет под контроль. Следует отметить, что в условиях перестройки, происходящей в нашем обществе, это особенно важно, ибо, с одной стороны, ни закон, ни деятель-

ность правоохранительных органов не должны быть тормозом на пути развития экономики и общественных отношений и призваны способствовать их совершенствованию, а с другой — должны быть на страже действующего законодательства, не допускать нарушения законов под «благовидными» предлогами «улучшения работы». При этом значительно повышается роль самих производственных звеньев, являющихся не только производителями материальных ценностей, но и их охранителями, поскольку отношения собственности и охрана социалистического имущества — это их прерогатива, а правоохранительные органы — лишь их помощники и контролеры. Надзор за сохранностью государственного и общественного имущества прежде всего должен быть сосредоточен в трудовых коллективах. А за прокуратурой остается высший надзор за тем, как хранители и распорядители социалистической собственности сохраняют ее и соблюдают советские законы.

Не менее важна в деле предупреждения правонарушений и преступлений роль Министерства внутренних дел, его аппарата по борьбе с хищениями социалистической собственности, деятельность которых, как показала практика, пока еще далеко не на высоте.

Важную роль в профилактике преступности играют суды, причем не только тогда, когда они выносят приговоры конкретным виновникам преступлений, назначая соответствующие наказания, но особенно когда они выносят так называемые частные определения в адрес руководителей предприятий и организаций, нарушивших закон. Повышение роли суда — одна из основных задач осуществляемой в стране правовой реформы.

Профилактические функции присущи всем государственным органам, ведущим борьбу с преступностью. Розыскные и следственные органы Министерства внут-

ренних дел и прокуратуры работают с конкретными правонарушителями. Прокурор решает вопрос о судьбе конкретного человека. Суд назначает наказание с учетом индивидуальности осужденного. Органы, исполняющие наказание, призваны исправлять и перевоспитывать конкретных преступников. Деятельность всех этих органов основана на законе. Она связана с принуждением и в то же время с выполнением важной социальной задачи: привлекать к ответственности, воспитывая, сочетать принуждение и воспитание и в конечном счете способствовать возвращению человека на путь честной трудовой жизни. Значение профилактики как главного направления в борьбе с преступностью подчеркнуто и в решениях XXVII съезда КПСС, в постановлениях ЦК КПСС об улучшении работы по укреплению законности и охране правопорядка.

Социальной и правовой базой воспитания и исправления преступников является закон, практика его применения. Достаточно указать на статьи уголовных и процессуальных кодексов союзных республик, говорящие об обязанности органов, ведущих борьбу с преступностью, выявлять причины преступлений и условия, способствующие их совершению; об обязанности судов индивидуализировать наказание с учетом обстоятельств дела и личности человека, совершившего преступление. Эти правовые методы борьбы с преступностью выполняют важную социальную роль, специфически воздействуя на лиц, совершивших преступления. В конечном счете каждое положение законодательных актов, ставящих целью борьбу с преступностью, направлено на то, чтобы способствовать возврату конкретных людей на путь честной жизни.

Воспитательная роль законов проявляется во всех аспектах их действия на человека, в том числе и в случае применения строгих мер, связанных с длительным лишением свободы и назначаемых за тяжкие пре-

ступления. Тем более ярко проявляется она тогда, когда закон предоставляет человеку возможность осознать недостойность своего поведения не в исключительных условиях, т. е. не в местах лишения свободы, а в коллективах трудящихся, где он наряду с определенными ограничениями ощущает на себе доверие государства и общества.

Между тем среди населения бытуют далеко не всегда правильные воззрения по вопросу о роли и месте закона в общественной практике, причем и среди законопослушных граждан, и среди тех, кто уже успел нарушить уголовный закон. Криминологические исследования этой проблемы путем опросов населения и выявления общественного мнения показывают следующее. Как известно, азбукой законности является положение о том, что закон должен всеми неукоснительно исполняться, пока он не изменен или не отменен в установленном порядке. Это положение записано в Конституции СССР, в Законе о Прокуратуре СССР, оно постоянно встречается в различных публикациях. И все-таки в общественном сознании широко распространено мнение, согласно которому, мол, жизнь сложна, ее не втиснешь в рамки закона, бывают «безвыходные» ситуации, когда нарушения закона либо оправданны, либо просто неизбежны. При одном из опросов каждый второй поддержал это мнение безоговорочно, а каждый третий — частично. При этом мнения людей, не нарушавших закон, и тех, кто его уже преступил, оказались идентичными, особенно применительно к преступлениям, совершаемым в народнохозяйственной сфере (речь шла преимущественно о должностных злоупотреблениях, о приписках к плану и т. п.). Вероятно, многолетние несообразности в экономике, бесхозяйственность, пороки в планировании и распределении ресурсов и служат объяснением того, что, казалось бы, бесспорные положения за-

кона, существующие в интересах общества, государства, каждого человека, подвергаются сомнению.

В общественном мнении распространено и деление законов и правовых норм на «важные» и «менее важные». Отсюда делается вывод, что от менее важных законов и норм можно отступать, причем что́ именно важно, а что́ менее важно, как правило, оценивается субъективно. Преступники, например, нередко считают: то, что они совершили, «менее важно», чем у других.

Считается также, что «устаревший» закон не только можно, но и нужно корректировать. Многие так и делают, особенно в сфере хозяйствования. Сказанное свидетельствует о том, что правовое воспитание всех слоев населения все еще оставляет желать лучшего. Наблюдается и следующее. Чем выше уровень образования у многих людей, тем легче у них развивается убеждение, что они все знают и во всем разбираются. Поэтому нередко они берутся безапелляционно судить о качестве законов, полагая, что уж им-то «азбучные истины» (понимаемые ими субъективно и чаще всего неправильно) не нужны. Отсюда, кстати, проистекают и заблуждения типа: «Чем жестче закон, тем лучше», «Всех надо строго наказывать» и т. п. Мы уж не говорим о незнании принципов права и законодательства. Одно из исследований общественного мнения показало, что по реальному незнанию законов на первом месте стояла группа представителей творческой интеллигенции. Лучше всех ориентировались в этом вопросе квалифицированные рабочие.

В связи с ростом числа посягательств на государственное и общественное имущество был проведен опрос об отношении людей как к самой проблеме охраны социалистической собственности, так и к законам, ее охраняющим. Оказалось, в частности, что многие вообще не считают мелкое хищение преступле-

нием, объясняя это тем, что в условиях существующей бесхозяйственности гибнет ценностей намного больше, чем берут все мелкие расхитители, вместе взятые, а также дефицитом самых необходимых для жизни «мелочей» и т. п. В этой связи резким контрастом с оценкой общественным мнением указанного деяния как не преступного звучит точка зрения профессора Г. З. Анашкина, согласно которой за мелкое хищение надо наказывать, как правило, лишением свободы не менее чем на один год[1]. Как видим, здесь очевиден разрыв и в понимании проблемы, и в отношении к ней. Сразу скажем, что мы не разделяем жесткую позицию Г. З. Анашкина. Но неверно и то, что мелкое хищение не есть преступление. Нет, это преступление, и распространенное. Но вести борьбу с ним нужно и мерами экономическими, и мерами воспитательными, и административными, а уж в последнюю очередь — уголовно-правовыми. И вообще упование на тюрьму — это, как показывает опыт, всегда признак слабости, хотя без принуждения, в том числе и сурового, связанного с лишением свободы, еще не обойтись. Государство сильно не жестокими законами и их широким применением, а экономической и социальной политикой, проникнутой заботой о людях и верой в их поддержку, сильно демократизацией и гласностью, воспитательной работой с людьми, а также разумной практикой использования в борьбе с правонарушениями правовых мер, в том числе и таких строгих, какими являются меры уголовного наказания.

Комплексный подход к изучению причин антиобщественного поведения означает также, что наряду с «личностными» факторами следует обращать внимание и на те объективные условия, которые делают возможными преступное поведение и его общественно вредные последствия. Советские криминологи и юри-

[1] См.: Как быть с «несуном».— Известия, 1986, 27 ноября.

сты, не ограничиваясь изучением поведения потерпевшего (виктимология), уделяют внимание и вопросам, связанным с выявлением и устранением недостатков в хозяйственной деятельности предприятий и организаций, в воспитательной работе школ, производственных коллективов и т. д.

Большой социальный заряд призвана нести воспитательная работа, проводимая в исправительно-трудовых учреждениях. Их деятельность, основанная на законе, связана с выполнением такой важной социальной функции, как исправление и перевоспитание людей, особо запущенных в социальном и нравственном отношениях, испытавших на себе все сложности отрицательных явлений социальной жизни и до того, как они совершили преступление, и после, в том числе в местах лишения свободы, где находится весьма специфический контингент людей со своими взглядами, привычками и навыками, преодолеть которые совсем не просто. И хотя основными методами исправления и перевоспитания людей здесь являются труд, определенный режим и воспитательная работа, вследствие специфики этих учреждений и многолетней атмосферы секретности, в их деятельности накопилось немало недостатков.

Поэтому важной стороной профилактической деятельности должна являться работа с освобожденными от наказания людьми. Они требуют особого внимания, учитывая их предыдущий социальный опыт, определенную социальную ущербность, отсутствие зачастую специальности, а нередко и образования. Не последнюю роль играет и моральная ущемленность, а подчас болезненность, связанная обычно с расстройствами нервной системы, что также должно учитываться при организации воспитательной работы. В то же время стремление спекулировать на своих «несчастьях», чем часто грешат такие люди, должно получать соответст-

вующую оценку и отпор со стороны тех, кто продолжает воспитательную работу с ними после отбытия ими наказания.

Во всех случаях создание общего благоприятного фона, соединенного с индивидуальной воспитательной работой, является рациональным и эффективным условием исправления и перевоспитания людей, вставших на преступный путь. Своевременное выявление неблагополучных ситуаций и оказание помощи людям, попавшим в такую ситуацию,— самый трудный, но зато и самый реальный и гуманный путь предупреждения антиобщественного, преступного поведения.

Общие и специальные профилактические мероприятия предполагают целенаправленное формирование человеческих потребностей, создание наиболее благоприятных возможностей для их удовлетворения, а также усиление роли нравственных начал в поведении людей. Это касается всех классов и социальных групп нашего общества. Вместе с тем необходимо учитывать и более частные территориальные, экономические, национальные и социально-психологические различия. Эти различия порой заметно сказываются на мотивах поведения, уровне правового и нравственного сознания. Профилактическая работа должна проводиться дифференцированно в масштабах республики, области, района, города, отдельного предприятия, а также учитывать возрастные, профессиональные и иные особенности людей.

Говоря о предупреждении антиобщественных и социально опасных действий, необходимо иметь в виду, что виды этих действий разнообразны и от их оценки во многом зависит система профилактических мер.

Под антиобщественным поведением понимается поведение человека, направленное против интересов общества в целом, отдельных его ячеек, конкретных людей, контролируемое его сознанием и волей. Очевидно,

что такой человек должен обладать всеми качествами социальной личности, включая определенное состояние психического здоровья, т. е. этот человек должен быть вменяемым.

Антиобщественные поступки, связанные с нарушением нравственных норм и правил, преодолеваются преимущественно с помощью воспитательных мер.

Правонарушения — более серьезные антиобщественные деяния. Это нарушения не только нравственных, но и правовых норм — от безбилетного проезда на городском транспорте до преступления. Наиболее опасным видом антиобщественного поведения является преступление, за совершением которого следует уголовное наказание.

Все эти действия суть поступки людей вменяемых, которые, правда, могут иметь те или иные отклонения в психике, влияющие на характер их поведения, но отклонения, не изменяющие их сущностной характеристики. Поэтому и предупреждение антиобщественных действий таких лиц связано прежде всего с их социальным воспитанием.

В то же время встречаются деяния невменяемых, которые являются социально опасными и которые иногда необоснованно путают с антиобщественным поведением. Такими могут быть действия, на первый взгляд сходные с преступлениями (например, убийство одним человеком другого и т. п.). Однако они сходны лишь внешне, по механизму действия, но не являются преступлениями в собственном смысле этого слова и не должны рассматриваться как влекущие ответственность, ибо их совершают невменяемые, больные люди.

Естественно, что предупреждение подобных деяний лежит в иной плоскости, чем предупреждение аморальных поступков и правонарушений. На разных стадиях такое предупреждение может быть связано и с

социальными мерами (вывод из травмирующей социальной ситуации), и с лечением (если уже имеются медицинские показания). На более же поздней стадии, когда речь идет о болезни, преобладающее значение имеют, конечно, меры медицинского характера. Именно с их помощью общество должно ограждаться от действий социально опасных больных людей.

В то же время бывают и достаточно сложные ситуации, требующие сочетания профилактических мер социального и медицинского характера.

Исследования несовершеннолетних с аномалиями психики, но вменяемых, проведенные О. И. Калгановой, привели к ряду весьма важных, на наш взгляд, выводов, касающихся динамики влияния аномалий психики на формирование личности. Лишь у 22,5 процента подростков такие аномалии стали проявляться в раннем возрасте, причем в этих случаях большинство родителей страдали алкоголизмом (что, кстати сказать, еще не говорит об отягощенной наследственности); 68,3 процента аномалий возникли постепенно как следствие неблагоприятных условий семейного воспитания, постоянных конфликтных либо стрессовых ситуаций, жестокого обращения со стороны родителей, ухода из семьи одного из родителей и т. п. К этому прибавлялись конфликтные ситуации в школе, поскольку трудности дома рождали соответствующее поведение в школе (у 81 процента таких подростков), плохую успеваемость и соответствующую реакцию школьной администрации, часто не разбиравшейся во всей сложности жизненной ситуации подростка (у 72,9 процента).

Очевидно, что раннее выявление как физиологических особенностей ребенка, так и неблагоприятных микросоциальных ситуаций могло бы способствовать коррекции его поведения прежде всего путем созда-

ния социальных условий, необходимых для формирования полноценной человеческой личности.

В связи с затронутым вопросом мы не можем не высказать критического замечания по поводу одной публикации «Литературной газеты», авторы которой рекомендуют для предупреждения детских неврозов и правонарушений широко применять психотропные препараты[1]. При этом они выражают несогласие с мнением Министерства здравоохранения СССР, которое справедливо считает недопустимым применение психотропных средств к несовершеннолетним даже в период пубертатного криза. Заметим, что речь идет не о слабоумных, а о «сотнях и тысячах» практически здоровых, вменяемых детей, для которых правильная система воспитания, благоприятные социальные условия в семье, школе, на производстве — лучшее лекарство. Ведь чаще всего именно конфликты в этих ячейках общества отрицательно сказываются на детях. К сожалению, авторы публикации в достаточной мере не разграничивают подростков здоровых и больных, вменяемых и невменяемых, нуждающихся в социальной помощи или действительно в медицинском лечении.

Теперь вернемся к более сложным ситуациям, требующим комбинированного подхода. Встречаются люди, особенно среди неоднократно судимых, хотя и вменяемые, но имеющие дефекты нервной системы, ведущие себя не всегда достаточно адекватно той ситуации, в которой они находятся. Как известно, в обыденном сознании существует представление о психической неполноценности чуть ли не всех преступников, хотя, как было показано, этого нет в действительности. И все же нередко возникает вопрос о медицин-

[1] См.: Как помочь подростку? — Литературная газета, 1980, 25 июня.

ской оценке таких людей и их состояний, а именно о том, с помощью каких средств и методов можно влиять на них, какова здесь роль социальных и медицинских мер, каково их соотношение.

Необходимо констатировать, что у нас еще далеко не все делается для того, чтобы установить постоянное медицинское наблюдение, патронаж над людьми, страдающими в той или иной степени слабоумием; тщательно продумать вопросы их трудового использования, обязательно соединенного с лечением; систематически, с участием квалифицированных специалистов, проводить их профилактические осмотры и освидетельствование. Конечно, это непростая задача. Но ведь не просто и вполне здорового человека сделать полезным членом общества. Разумеется, налаживание социального и медицинского обслуживания данной категории больных требует немалых капитальных вложений, подготовки соответствующих квалифицированных кадров. Но это следует признать совершенно необходимым, учитывая важность данной проблемы. В подавляющем большинстве случаев можно добиться того, чтобы слабоумные не совершали общественно опасных действий, а для психопатических лиц обеспечить уменьшение травмирующих конфликтных ситуаций (в том числе на микроуровне), короче говоря, изменить их прежний образ жизни. При этом важную роль должно играть воспитание самокритичности и самоконтроля.

Среди юристов — теоретиков и практиков обсуждается вопрос о целесообразности организовывать специальные исправительно-трудовые колонии для осужденных с аномалиями, особенно психопатов и психопатоподобных, чтобы содержать их отдельно от лиц, не имеющих аномалий. Доводы сторонников создания специальных исправительно-трудовых колоний сводятся к тому, что лиц возбудимых, склонных легко

«воспламеняться» лучше изолировать от преступников без аномалий. К тому же здоровые преступники — это, как правило, лица с сильным характером, стремящиеся к лидерству, и зачастую они намеренно издеваются над заключенными с более мягким характером либо с аномалиями или натравливают на них других.

Безусловно, в этих доводах много верного. В то же время высказываются и другие соображения, а именно: дело не только в раздельном содержании самом по себе, но и в формах того труда, которым приходится заниматься заключенным, а также в условиях их быта и содержания. Как известно, даже на свободе формы трудовой деятельности не всегда соответствуют запросам личности. Тем более трудно достичь желаемого разнообразия в труде в условиях ограниченных возможностей колонии. Аномалий же встречается немало, к тому же они достаточно индивидуальны, да и определяются во многом не столько по медицинским, сколько по социальным признакам — по степени социальной адаптированности человека. Отдельное содержание лиц с психическими аномалиями привело бы к уменьшению, а не увеличению разнообразия труда и других возможностей воспитания осужденных [1].

Известно также, что одним из методов воспитательного воздействия на человека является влияние на него коллектива. Конечно, когда речь идет о группе осужденных, то о «коллективе» можно говорить лишь условно. И тем не менее коллективные формы труда и наличие одних и тех же интересов оказывают положительное влияние на личность. При всей трудности перевоспитания осужденных не все они социально запущены настолько, чтобы не стремиться к нормальным формам человеческого общения даже (и тем более) в

[1] См.: *Королев В. В.* Спорные аспекты проблемы криминогенности психических нарушений у несовершеннолетних.— Вопросы борьбы с преступностью. М., 1981, вып. 35, с. 105.

условиях исправительно-трудового учреждения, ибо для многих из них осознание необходимости соблюдать не только законы, но и нравственные правила начинается именно там.

Конечно, необходимо иметь в виду реальную угрозу возможного издевательства сильных и наглых над более слабыми. Но ведь и в обычных коллективах такие уродливые явления иногда бывают. Тем более следует задуматься над тем, что произойдет, если всех лиц с различными аномалиями собрать в одно место. Не будут ли в этих условиях аномалии еще более усугубляться, превращаясь вследствие постоянной стрессовой социальной ситуации в душевные болезни? Как видно, вопрос этот не совсем прост. Может быть, вначале следовало бы подумать о раздельном содержании двух групп осужденных в пределах одного и того же исправительно-трудового учреждения. При этом место труда могло бы быть общим, а пребывание после окончания рабочего дня — раздельным. Во всяком случае, необходимы соответствующие эксперименты, причем достаточно длительные ввиду сложности самой проблемы и специфики данного контингента.

Надо также иметь в виду, что исправительно-трудовые учреждения создаются с учетом степени тяжести совершенных преступлений и того, какие преступления и сколько раз совершил преступник. Поэтому, например, психопатоподобных лиц, признанных особо опасными рецидивистами, вероятно, нецелесообразно помещать совместно с такими же лицами, но не являющимися особо опасными рецидивистами, хотя бы последние преступления тех и других и совпадали по своему характеру. Организационные трудности не должны служить препятствием для решения вопроса по существу, если это решение может принести пользу. Однако вопрос о полезности таких мер является дискуссионным.

В существующих условиях в исправительно-трудовых учреждениях, безусловно, должна быть усилена служба психологического и медицинского надзора. Принимаются меры к тому, чтобы увеличить число психологов, работающих в колониях. Во многих социалистических странах также создана соответствующая психологическая служба. Но это только начало. В местах лишения свободы должна получить широкое развитие и психиатрическая служба, с помощью которой можно было бы на ранней стадии распознавать усугубление аномалий, переход их в болезненное состояние или же, наоборот, констатировав улучшение состояния, способствовать его дальнейшему закреплению. Необходимо форсировать подготовку специальных кадров психологов и психиатров для работы с этим трудным контингентом людей.

Использование данных различных наук имеет особое значение для борьбы с пьянством и алкоголизмом. Нельзя опираться только на социальные меры в борьбе с этим злом; нужно искать и медицинские средства, учитывая, что в конечном счете алкоголизм превращается в болезнь, которая требует применения медицинских мер и методов [1].

---

[1] О том, что для успешной борьбы с алкоголизмом необходимо сочетание социальных и медицинских мер, в частности учет и соответствующее использование генетических особенностей человека, свидетельствует сообщение западногерманского журнала «Bild der Wissenschaft» (1986, № 3), перепечатанное журналом «Наука и жизнь» (1986, № 6, с. 49). Речь идет о Японии. По данным медицинской статистики, алкоголиков здесь значительно меньше, чем в других промышленно развитых странах. Исследования генетиков Гамбургского института генетики человека показали, что у половины исследованных учеными японцев вырабатывается мало фермента — альдегиддегидрогеназы. Вследствие этого после приема алкоголя в крови человека накапливается уксусный альдегид, вызывающий неприятные эффекты (затруднение дыхания, сбой пульса, тошнота, чувство жара в голове и груди), схожие с действием антабуса — средства, используемого для выработки отвращения к

Думается, можно сказать, что недостаточная эффективность медицинских мер борьбы с алкоголизмом (а еще больше это относится к лечению наркомании) в числе прочего объясняется неправильной позицией, сложившейся в течение длительного времени в социальной практике. Дело в том, что отрицательное воздействие алкоголя и наркотиков на социальную жизнь, на формирование личностных, в том числе биологических, качеств и свойств, проявляющееся подчас не сразу, а лишь в последующих поколениях, явно недооценивалось. А если это и вызывало тревогу, то искались (и, как многим казалось, находились) сиюминутные меры, односторонние по своему существу. Чаще всего это были меры чисто запретительные, включая уголовное наказание, не подкрепленное в должном объеме общесоциальными и медицинскими мерами. Но еще раз подчеркнем: не гены делают человека пьяницей или наркоманом, а алкоголизм и наркомания наносят непоправимый ущерб генофонду человека, приводя к рождению физически и психически неполноценного поколения. Первичной, таким образом, оказывается социальная практика, в которой недооцениваются вредные социальные последствия алкоголизма и наркомании.

Односторонней мерой в интересующем нас плане было бы применение лишь правовых средств борьбы с алкоголизмом и наркоманией (хотя и эти меры дают определенный эффект). Более того, мы полагаем, что недостаточная разработанность в науке медицинских мер борьбы с алкоголизмом и наркоманией является в значительной мере результатом упования лишь на силу репрессивных и запретительных рычагов.

алкоголю. Оказалось, что японцы, имеющие указанный «наследственный недостаток», почти не выносят алкоголя. Очевидно, что исследования подобного рода могут оказаться полезными не только для японцев.

Международное сообщество уже давно приняло конвенцию о борьбе с наркоманией. Ее подписали многие государства. Но наркомания расползается по континентам и странам все возрастающими темпами. Наркотический бизнес на Западе стал средством обогащения, на нем наживаются многие слои капиталистического мира.

В советском законодательстве ответственность за наркоманию в разных союзных республиках различна. В среднеазиатских республиках, например, законодательство отражает, так сказать, традиционный взгляд на проблему: строго наказываются как распространители наркомании — торговцы наркотиками, так и потребители. В значительной степени такой подход объясняется тем, что в этих республиках практически почти сразу воссоздали положения международной конвенции. В РСФСР, где уголовная ответственность за наркоманию введена позже, проблема была изучена глубже. Стало ясно, что потребитель конечно же должен нести ответственность, но ведь он — и жертва. Поэтому в РСФСР существует весьма суровая ответственность для распространителей наркомании — торговцев наркотиками (до 15 лет лишения свободы), но для потребителей уголовной ответственности нет. Предусмотрена ответственность административная, соединенная в необходимых случаях с принудительным лечением в специальных медицинских учреждениях. Не говоря уже о том, что это — подход гуманистический, он может и должен стимулировать научные исследования, направленные на поиски медицинских мер борьбы с наркоманией. То же самое относится и к алкоголизму. Только на этом пути может быть разрешен вопрос о социологизации биологических исследований, о чем говорилось выше.

В заключение остановимся еще на одной проблеме борьбы с преступностью лиц с психическими анома-

лиями. Речь идет о проблеме так называемой уменьшенной (ограниченной) вменяемости, под которой понимается промежуточное состояние между вменяемостью и невменяемостью, нередко приписываемое психопатическим личностям. Хотя в законодательстве многих стран этот вопрос решается достаточно определенно (порой весьма различно), проблема «уменьшенной вменяемости» остается во многом спорной.

В XIX веке сторонниками «уменьшенной вменяемости» являлись представители так называемой «социологической школы» уголовного права (Ф. Лист, А. Принс), считавшие, в частности, что от нормального реагирования на внешние и внутренние раздражители к ненормальному ведут многочисленные промежуточные ступени и что «некоторую помощь» в этом отношении оказывает понятие «уменьшенной вменяемости».

В русской дореволюционной юридической литературе против введения понятия «уменьшенной вменяемости» выступали такие ученые, как Н. С. Таганцев и Н. Д. Сергеевский. Сергеевский писал: «...если стоять на той точке зрения, что наказание есть институт, имеющий вполне определенную физиономию по сравнению с мерами предупредительными, то тогда придется признать, что лица с так называемой уменьшенной вменяемостью относятся к категории лиц невменяемых, раз в отношении их признается необходимым прибегать не к наказанию, а к другим мерам воздействия и в особенности к мерам охраны; уголовному праву непосредственно до них дела нет»[1].

В советской юридической литературе наиболее определенно по поводу необходимости введения понятия «уменьшенной вменяемости» высказывался Б. О. Оше-

---

[1] *Сергеевский Н. Д.* Русское уголовное право. Спб., 1904, с. 258.

рович, считавший, что нельзя ограничиваться категорическим утверждением: вменяем или невменяем, ибо суд руководствуется как медицинским, так и юридическим критерием. Вопрос о юридической вменяемости должен быть построен на началах, предусматривающих три возможности: невменяем, уменьшенно вменяем и вменяем. В соответствии с этим должна быть построена и степень виновности и наказуемости. В первом случае вина и наказание отсутствуют; во втором случае — уменьшенная вина и уменьшенное наказание; в третьем случае — виновен и наказуем[1]. При этом автор даже не ставил вопроса о необходимости лечения «уменьшенно вменяемых», ограничиваясь тем, что они должны нести пониженную ответственность. Однако вряд ли можно считать правильной позицию, связанную с игнорированием медицинской стороны вопроса и сведением проблемы к решению юридическому.

Сторонники введения понятия «уменьшенной вменяемости» имеются и сейчас. Они предлагают признавать уменьшенно вменяемыми тех, у кого наблюдается «промежуточное», «особое» состояние психики. Как правило, сюда должны попасть все или почти все лица, имеющие психические аномалии, а также дети и старики. К уменьшенно вменяемым относят обычно психопатов и психопатоподобных. Однако, как мы видели, эти люди осознают свои поступки и могут руководить ими. Естественно возникает вопрос: если это так, то почему им должно быть оказано снисхождение при назначении наказания? Не поведет ли это к нежелательному восприятию таких решений как безнаказанности за содеянное? Целесообразно ли с точки зрения социальной политики заранее санкционировать

---

[1] См.: *Ошерович Б. О.* К вопросу о степенях виновности.— Ученые записки ВИЮН. М., 1940, вып. 1, с. 58—78.

этим людям хотя бы частичное «отпущение грехов»? Вряд ли это улучшит их медицинские показатели, а также социальные качества.

С медицинской точки зрения едва ли возможно признавать человека наполовину вменяемым, если он и сознает, что делает, и может руководить своими поступками. Другое дело, если у человека имеется болезнь, аномалия. В случае совершения им преступления наряду с назначением наказания целесообразно и необходимо его лечить. Но отвечать за содеянное он должен в полной мере.

Нельзя не сказать и о расплывчатости, нечеткости самого понятия «уменьшенная вменяемость». Характерно, что еще никто не дал описания (определения) его границ. Д. Р. Лунц в этой связи справедливо замечал, что признание «уменьшенной вменяемости» означало бы в практике экспертизы уход от тщательной судебно-психиатрической оценки сложных случаев[1]. Исходя из сказанного, подавляющее число советских психиатров не разделяют идеи «уменьшенной вменяемости»; практика судебно-психиатрической экспертизы в нашей стране также не идет по этому пути[2].

Таким образом, очевидны теоретическая разноголосица и еще более организационная неподготовленность к столь ответственным решениям в уголовном законодательстве. Нельзя принимать заведомо неисполнимые законы, повторять неоднократно совершавшиеся ошибки.

[1] См.: *Лунц Д. Р.* Проблема невменяемости в теории и практике судебной психиатрии. М., 1966, с. 207. Юристы же (Н. Ф. Кузнецова, А. И. Долгова, И. Б. Михайловская и др.), будучи не в силах опровергнуть эти доводы, тем не менее настаивают на том, чтобы понятие «уменьшенной вменяемости» «получило место» в советском законе.

[2] В законодательстве ряда социалистических стран такое понятие существует. При этом обычно предусматривается снижение мер наказания и одновременно применение медицинских мер воздействия.

3. Предупреждение преступлений. Предпосылки и перспективы

Мы рассмотрели основные общесоциальные вопросы предупреждения преступлений в связи с общественной практикой, особенно в тех случаях, когда перед нами встает человек со всеми его особенностями, включая социально-медицинские аномалии. В заключение этого раздела вернемся к такой важной проблеме, как вопрос о судьбах исследуемого нами явления и перспективах совершенствования человеческой личности.

Сейчас, вероятно, ни одна наука не может стоять в стороне от рассмотрения перспектив исследуемых проблем. Однако прогноз в области общественных наук весьма труден, и, может быть, особенно в криминологии, которая имеет дело с отрицательным социальным явлением, существующим многие тысячи лет и «трудным» по самому своему существу.

Вместе с тем прогнозирование в криминологии возможно. Оно осуществляется на основе анализа преступности за достаточно длительный период времени, скажем за 5, 10 и более лет. В результате выявляются определенные закономерности, позволяющие сделать выводы о будущем состоянии преступности в целом или отдельных видов преступлений. В то же время такие прогнозы не могут быть абсолютными, с точностью до единицы, а являются относительными, вероятностными, выявляющими определяющие тенденции. Такое прогнозирование наиболее достоверно, ибо преступность не оторвана от общих социальных условий, а зависит от них. В практическом плане можно прогнозировать и поведение конкретных людей, если учитывать характер неблагоприятных микросоциальных условий, их изменение или, наоборот, статичность, перемены микросреды, в которой живет человек, изменения его чисто личностных условий и т. д.

Рассматривается наукой и сложный вопрос о судьбах преступности как отрицательного явления в целом. Уже говорилось, что ряд западных криминологов считает преступность вечным явлением и даже постоянно возрастающим по мере развития общества и научно-технического прогресса. Марксистско-ленинская криминология не разделяет столь мрачных перспектив. Разумеется, к проблеме преодоления преступности нельзя подходить поверхностно, облегченно. К сожалению, у нас предпринимались неоправданные попытки ставить несбыточные «сроки ликвидации преступности»: то в течение пяти лет хотели ликвидировать хулиганство, то собирались за 20 лет искоренить чуть ли не всю преступность и т. д. Подобные задачи ставились без учета реальных условий, связанных с уровнем развития общественных отношений, сознания самого человека. Конечно, такие «прогнозы» не сбылись, да и не могли сбыться.

При прогнозировании преодоления преступности советская криминология исходит из положений, высказанных В. И. Лениным, в частности в работе «Государство и революция», а также из современных теоретических положений нашей партии. Что касается перспективы, связанной с наличием преступности в социалистическом обществе, тенденциями ее развития, характером, то здесь нужно учитывать ленинское предвидение о том, что по мере строительства коммунизма «эксцессы неизбежно начнут *«отмирать»*»[1]. Как уже отмечалось, количество опасных преступлений, особенно насильственного характера, за длительный период обнаруживает тенденцию к снижению, отсутствуют те особо опасные формы преступности, которые были свойственны нашему государству на ранних ступенях развития. Вместе с тем наблюдается волнообразность

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 33, с. 91.

состояния преступности в зависимости от социальных изменений. Это создает основу для прогнозирования процессов, связанных с преступностью.

Конечно, решение проблемы преступности не может произойти в несбыточно короткие сроки. Вероятно, прежде чем преступность как массовое явление будет сведена до уровня эксцессов, будет происходить постепенное уменьшение количества отдельных видов преступлений. Если обратиться к прошлому нашего общества, можно увидеть именно такого рода тенденции, а также то, какие виды преступлений проявляют наибольшую «устойчивость» и по характеру, и по числу, а какие — меньшую. Отсюда следует, что можно прогнозировать и постепенность их уменьшения, преодоления, или, образно говоря, очередность. По всей вероятности, могут быть и «всплески» преступности. Кроме того, по мере развития общества и оценка — правовая и моральная — преступных явлений будет изменяться, в том числе с учетом их характера и количества.

Борьба со стяжательством и частнособственнической психологией должна вестись и путем поднятия материального уровня жизни, и путем совершенствования воспитания. Можно предположить, что данный процесс по мере дальнейшего развития общества будет убыстряться. На наш взгляд, именно для такого рода преступлений будет сужаться «материальная база», хотя, конечно, процесс этот непростой и достаточно длительный, ибо в значительной степени зависит от уровня и характера экономических отношений и функционирования хозяйственного механизма и связан с одновременным укреплением режима законности.

Преступления, связанные с насилием, чаще всего совершаются в состоянии опьянения. Уже сейчас очевидно, что настойчивая борьба за трезвость как норму

жизни приводит к снижению числа преступлений на почве пьянства, в том числе тяжких. Исходя из этого, можно строить и криминологический прогноз.

Преступления против личности будут изживаться с большими трудностями, поскольку они, как правило, совершаются на основе специфических межличностных конфликтов (ревность и т. п.), которые, наверное, будут существовать очень долгое время. И общество всем строем своего общежития должно будет смягчать их и преодолевать. Лишь в будущем обществе такое массовое явление, как преступность, может быть сведено до уровня эксцессов.

Высказывая все эти соображения, мы хотели бы подчеркнуть *постепенность* процесса преодоления преступности. Конечно же, прежде чем останутся только эксцессы, которые, возможно, будут регулироваться обществом без помощи права, будут существовать отдельные виды преступлений, т. е. деяния, предусмотренные уголовным законом, ибо и право в целом, и законы, в том числе и уголовные, тоже «отомрут» не сразу и не в полном объеме. Иные же антиобщественные проявления потому будут называться эксцессами, что изменится их правовая оценка, причем некоторый период времени они могут «сосуществовать» с явлениями, отнесенными к категории преступных.

Мы долго строили несбыточные планы «ликвидации» преступности, ставили «конкретные» сроки и, естественно, ошибаясь в своих прогнозах, довольно глупо выглядели в глазах криминалистов всего мира. Но справедливости ради необходимо сказать, что именно криминологи вели борьбу против «политического идеализма». И не случайно в новой редакции Программы КПСС нет формулировок, свидетельствующих о забегании вперед. Проблема преступности рассматривается не как что-то самостоятельное, что можно «ликвидировать» (при этом речь шла даже о «лик-

видации причин, ее порождающих» (!) — верх философской и политической безграмотности), а как составная часть проблемы совершенствования общественных отношений, без чего вообще нельзя достичь никаких позитивных результатов в социальной жизни.

Мы рассмотрели в предыдущем разделе вопрос о социальных мерах предупреждения преступлений и соответствующем воспитании людей. Очевидно, что вся работа в этом направлении, осуществляемая в социалистическом государстве и обществе, имеет своей конечной целью также и совершенствование всей системы общественных отношений, что повлечет за собой как улучшение жизни людей во всех сферах их существования, так и «улучшение» самого человека, его нравственного облика, социальной и культурной воспитанности. Ведь целью социалистического производства является человек с его потребностями. Человеческий фактор, о котором во весь голос было сказано на XXVII съезде партии,— это и человек, и условия его жизни в их неразрывной связи. Без понимания этого не может быть движения вперед. Наше будущее строят сегодняшние люди и будут строить те, кто придет на смену нынешнему поколению. Но человек, сущность которого социальна,— часть природы и вместе с тем ее преобразователь. Как природное существо, он испытывает на себе последствия изменений, происходящих на нашей планете, в частности в результате загрязнения окружающей среды, появления новых болезней и действия других факторов, отрицательно влияющих на самое ценное — генофонд человека. Но человек будущего не должен быть больным физически и неполноценным умственно. Поэтому каждый обязан сегодня бороться и за совершенствование социальных условий своей жизни, против негативных явлений, и за физическое и умственное здоровье. Далеко не последняя роль принадлежит здесь в числе прочих наук генетике.

4. Генетика и «человек будущего»

Развитие науки убедительно подтверждает, что человеку присуще сложное сочетание биологических свойств, выступающих в качестве предпосылок развития личности, которая формируется под определяющим влиянием социальной среды.

Учитывая все значение биологического в человеке, необходимо иметь в виду, что только неспециализированность, универсальность функций мозга обеспечивает возможность исторического развития надбиологического в человеке. Каждый человек рождается без готовых идей, без готовых задатков человеческих свойств. Сознание и все духовные особенности личности появляются в человеке после рождения как продукт его взаимодействия с социальным миром. Онтогенез человека сопровождается достройкой его биологических особенностей, в том числе под влиянием социальной программы. Врожденные, биологические черты индивида, составляющие предпосылки социального развития личности, оказывают определенное влияние на характер, темперамент и другие черты поведения. Однако во всех случаях это влияние проходит через горнило социального и уже в таком виде выступает как предпосылка тех или иных сторон человеческих качеств, социального и антисоциального поведения.

Учет роли врожденных индивидуальных черт человека не означает того, что его духовные интересы, воля, чувства в определенной степени уже содержатся в его генах, соединившихся в процессе оплодотворения, в исходной яйцеклетке, дающей начало индивидуальности бытия. А ведь именно это или подобное ему утверждение лежит в основе генетических программ «оздоровления человечества», включая ликвидацию преступности. «Мы должны отказаться,— писал Ч. Ломб-

роэо,— от современных сентиментальных отношений к преступнику, которыми заражены все наши криминалисты... где дело идет о спасении высшей расы от нападений и посягательств низшей, там не может быть места жалости»[1]. Социал-дарвинисты утверждали, что общественное положение человека отражает его биологические качества и является результатом естественного отбора среди биологически неравноценных людей.

Принцип, гласящий, что новый человек создается в процессе изменения общественных отношений, встречает сопротивление со стороны тех, кто опирается на абсолютизацию биологической стороны человека, на тезис о том, что духовный мир человеческой личности детерминируется генами. На основании этой концепции признается необходимость переделки генетической природы человека. В частности, К. Лоренц заявляет: на нашей планете нет человека гуманного; его можно будет создать только при условии изменения генетики человека.

Еще в прошлом веке возникла евгеника, поставившая своей задачей создавать высшие расы людей примерно так же, как скотовод создает породы животных, не задумываясь ни над какими этическими проблемами.

В течение почти всего XX века за рубежом в самых разных вариантах обсуждался вопрос о необходимости генетического совершенствования человека, поскольку полагалось, что природу человека определяют его гены и что здесь ничего нельзя добиться путем преобразования социальных условий. Наиболее мрачным эпизодом этого периода было использование ев-

---

[1] Цит. по: *Сергеевский Н.* Антропологическое направление в исследованиях о преступлении и наказании.— Юридический вестник, 1882, № 2, с. 212—213.

геники и расового учения в практике гитлеризма, когда геноцид — массовое уничтожение определенных групп людей и рас, имевших «плохие гены», был возведен в ранг государственной политики. Характерно, что сторонники биологизации человека нередко ссылаются на новейшие данные науки, заявляя, что успехи генетики якобы представляют собой научную основу для создания высших рас путем селекции людей.

Г. Мёллер, лауреат Нобелевской премии, начиная с 1929 года неоднократно выдвигал и развивал идеи об использовании выдающихся мужчин — лидеров человеческой породы в качестве производителей для передачи их генов многим потомкам. С этой целью он всячески пропагандировал искусственное осеменение женщин. Мёллер считал, что таким путем можно добиться «неограниченного прогресса генетической конституции человека». Он даже предложил список выдающихся людей, сперму которых следовало бы использовать [1].

Исходя из представления о биологической обусловленности надбиологического в человеке, на Западе делают выводы о том, что будто бы «высшие» классы обладают более ценными генами; что якобы существует генетическая основа для различий между «высшими» и «низшими» расами; что биологические различия людей требуют преимущественного размножения отдельных людей и групп, обладающих «ценными» генами. Будущее человечества с этих позиций представляется как планируемое размножение, регулируемое в мировом масштабе по генетическому плану.

Некоторые крупные биологи в наши дни вновь вызывают призрак евгеники. Э. Майр скорбит, что прошло время, когда отдельные лидеры-вожди племени с их

---

[1] *Muller H.* The Guidance of human evolution.— In: Studies in Genetics, 1962, p. 560.

«ценными» генами оставляли много потомков [1]. Ф. Крик заявляет, что младенца можно признать человеком только после проверки его генов. Новорожденный, не выдержавший такой проверки, должен лишаться права на жизнь.

Прогрессивные ученые Запада в настоящее время весьма обеспокоены тем, что «бихевиористские и психохирургические методы все чаще рассматриваются как средство решения тех проблем, которые в основе своей носят социально-экономический характер и требуют принятия политических решений» [2]. Это можно отнести и к евгенике. Есть вместе с тем и добросовестно заблуждающиеся ученые, которые считают себя гуманистами, приверженными к «благородной человеческой форме евгенизма» [3], с помощью которой «на добровольной основе», путем постепенных изменений генофонда человечества, через биологическую перестройку популяций будто бы можно добиться выведения «нового человека».

В свете учения о социальной сущности человека очевидно, что любые попытки обосновать возможность создания нового человека путем различных генетических проектов его селекции являются некорректными в естественнонаучном отношении и недопустимыми с точки зрения их практических последствий, о чем свидетельствует весь опыт истории человечества.

Как это нередко бывает с научными открытиями, разработка методов генной инженерии вызвала к жизни ряд фантастических проектов их использования, в том числе и для борьбы с преступностью. В одном из романов хирург-генетик говорит следующее: «Быть

---

[1] См.: *Майр Э.* Человек как биологический вид.— Природа, 1974, № 2, с. 42.

[2] *Чавкин С.* Похитители разума, с. 17.

[3] См.: *Тейяр де Шарден П.* Феномен человека. М., 1965, с. 277.

может, в будущем, в век полного гуманизма, люди сочтут более гуманным уничтожить не весь организм преступника, а то в нем, что делает человека преступным... Я имею в виду ту запись кодом жизни, которая позволила развиться у человека античеловеческим чертам». Далее он продолжает, обращаясь уже к самому преступнику: «Я изменю не только цвет ваших глаз, не только некоторые черты вашего лица, но и ваш преступный строй мыслей... Я переделаю вашу нуклеиновую основу...» [1]

К сожалению, подобные рассуждения встречаются не только в беллетристике. Подчас и в научных публикациях появляются советы бороться с преступностью путем искусственного синтеза генов и введения их в клетку, чтобы придать ее жизнедеятельности целенаправленный характер.

Действительные возможности генной инженерии и пределы ее использования подробно обсуждались советскими и зарубежными учеными на XIV Международном генетическом конгрессе, состоявшемся в Москве в 1978 году.

«Лично я не верю,— говорил французский генетик Ж. Лежен,— что когда-нибудь с помощью трюков генной инженерии будет создано суперчеловечество. Чтобы создать человека более умного, чем мы, мы уже должны быть умнее, чем мы можем быть. Медицина более скромна, но намного более эффективна» [2].

Советские ученые также связывают возможности генной инженерии применительно к человеку именно с медицинскими задачами. Как отмечал С. И. Алиханян, «применение генетической инженерии — это единственно возможный подход к лечению генетических заболе-

---

[1] *Казанцев А.* Льды возвращаются. М., 1981, с. 387, 430.

[2] *Лежен Ж.* Генетика и психическое здоровье.— Генетика и благосостояние человечества, с. 92.

ваний человека». При этом, подчеркивал он, «всякое генно-инженерное вмешательство в человеческий организм должно предваряться серьезным исследованием и решением соответствующих юридических, этических и моральных вопросов»[1].

На конгрессе отмечалось, что биологизаторский подход к человеку свидетельствует об отсутствии понимания его качественной специфики. А ведь именно в этой качественной специфике человека заключена его ценность.

Марксистско-ленинское учение в качестве одного из важных тезисов выдвигает положение о необходимости всестороннего развития человека. Этот тезис — один из основополагающих для воспитания человека социалистического общества. С учетом этого тезиса разрабатывается программа прогрессивного общественного развития в нашей стране, включая и формирование нового общественно-исторического типа личности. В условиях научно-технической революции особое значение приобретает вопрос о развитии и реализации человеческих способностей — этого золотого фонда производства, науки, культуры. На развитие способностей каждого человека должны быть направлены усилия школы, комсомола, профессионально-технических училищ, вузов, культурно-просветительных, спортивных и других учреждений. Эта проблема имеет комплексный характер. Необходимо развитие не только умственных способностей, но и эмоциональной сферы, а также физических возможностей человека; не менее важны закалка его воли, выявление творческих сторон личности, художественное и эстетическое воспитание. В практике коммунистического строительства все это неразрывно связано с формированием моральных ус-

---

[1] *Алиханян С. И.* Успехи генетической инженерии и их практическое использование.— Генетика и благосостояние человечества, с. 171.

тоев личности, мировоззренческой убежденности и идейно-политической вооруженности.

Всестороннее развитие человека предполагает максимальное выявление его индивидуальных особенностей. При этом важно учитывать, что нормальная (без патологии) генетическая программа человека является достаточно полноценной в отношении гармонического развития всех его способностей.

Развитие человеческого в человеке — одна из важнейших проблем современности. Задачи совершенствования и обновления социализма предъявляют свои требования к ее решению. Учение марксизма о законах функционирования и развития общественного материального и духовного производства является подлинно научной методологической основой для решения любых вопросов, возникающих в ходе исследований по проблеме человека. Никакие достижения в биологии или в других областях науки не могут умалить значения фундаментальных, основополагающих законов исторического материализма для понимания сущности человека. При любом уровне развития науки, в том числе и биологии, не может быть поставлено под сомнение значение этих принципов для понимания человека, потому что ни его сущность, ни его мышление изучать биологическими методами невозможно. Человек — это не некий абстрактный феномен, сущностные свойства и духовные возможности которого целиком детерминированы биологически от рождения. Человек появился в истории как продукт общественного материального и духовного производства, и в его сущности представлена вся совокупность общественных отношений.

Современная наука показала, что биологическое в человеке — всего лишь предпосылка для его социального и духовного развития, т. е. для того особого качественного явления, которое возникает лишь в условиях

общественной практики. Это положение выступает как одна из естественнонаучных основ диалектического материализма в его подходе к проблеме человека.

Иногда утверждают, что и в наше время человек подвергается процессам биосоциальной эволюции. При этом имеются в виду, в частности, крупные мероприятия, направленные на совершенствование системы здравоохранения, улучшение условий обитания человека, охрану природной среды. Однако создание условий для более совершенного физического развития человека, профилактика болезней, разработка способов продления жизни и т. п. — все это социальные программы, обеспечивающие полноценное биологическое развитие человеческого организма.

Следует ли из сказанного, что современная генетика не имеет никакого отношения к проблемам формирования всесторонне развитого человека? Нет, не следует.

Перед генетикой и психологией стоят огромные задачи по выяснению диалектики становления сознания, речи, проявления всех высших форм психики человека прежде всего при нормальном его развитии. Для людей, которые обладают неполноценной генетической программой, оказывающей прямое отрицательное влияние на развитие психики, необходима специальная восстановительная терапия, которую также нельзя разработать, не зная генетических основ, детерминирующих биологическую специфику поражения психики.

Среди проблем, возникающих на стыке социального и биологического (в данном случае генетического), важнейшее место занимает охрана здоровья человека. Эта проблема приобретает особое значение в связи с загрязнением мутагенами окружающей среды.

Очевидно, что в процессе изучения природных, биологических предпосылок человека необходимо объеди-

нение усилий целого ряда наук: генетики, молекулярной биологии, физиологии, биохимии, анатомии, этологии и т. д. Данные этих наук исключительно важны для охраны генетической информации человека; для медицины; для педагогики, особенно в отношении детей с пограничными степенями умственной отсталости; для определения влияния социальной программы в разные возрастные периоды; для профессиональной ориентации и т. д.

Прогресс науки, указывает Н. П. Бочков, позволяет найти эффективные пути помощи лицам с наследственными болезнями и их семьям [1]. Применение методов ранней диагностики и лечения болезней, медико-генетическое консультирование, дородовая диагностика и т. п. могут способствовать устранению ряда отрицательных последствий таких заболеваний. На очереди осуществление медико-биологических мероприятий, имеющих целью улучшение генотипической адаптации человека, создание наиболее благоприятных жизненных условий для людей с самыми различными биологическими особенностями. При этом, как справедливо отмечают советские ученые, развитие этих исследований и практических мероприятий «порождает не только биолого-генетические проблемы, но также целый комплекс этических, юридических, мировоззренческих проблем. Все это требует уже сегодня усиления связи между разными науками, так или иначе изучающими человека» [2].

Проблема использования биологических предпосылок для повышения устойчивости к заболеваниям, для

---

[1] См.: *Бочков Н. П.* Методологические и социальные вопросы современной генетики человека.— Вопросы философии, 1981, № 1, с. 54. См. также: *Фролов И. Т., Пастушный С. А.* Менделизм и философские проблемы современной генетики. М., 1976, с. 209.

[2] Философия и современная биология, с. 197.

профориентации, а также для решения задач, которые выдвигаются в связи с усилением воздействия человека на окружающую среду, освоением космоса, имеет исключительно важное значение. Соответствующие данные должны войти в организованную систему воспитания человека с первых дней после его рождения, имеющую целью создание гармонически развитой личности со всей полнотой развития интеллекта и эмоциональной сферы.

В перспективе методы генетики открывают большие возможности. Можно будет лечить наследственные болезни методами генотерапии. Исследуя структуру или биохимические особенности клеток, взятых из плода, можно будет задолго до рождения установить пол ребенка и наличие наследственных дефектов, что позволит осуществить контроль над рождаемостью наследственно отягощенных детей. Уже было произведено оплодотворение яйцеклетки человека в пробирке, и здесь же проходила первая неделя жизни эмбриона. Это открывает возможности глубокого изучения морфофизиологических особенностей в период эмбрионального развития. Позитивное значение таких открытий очевидно. Однако и здесь необходимо предостеречь против неоправданного вмешательства в генетическую программу человека.

Очевидно, что методы генетической инженерии в принципе могут охватить массы человечества. Тем более важна научная обоснованность этих методов как способов «генетического улучшения» свойств человека. Один из ведущих специалистов по молекулярной генетике, Ж. Моно, писал по этому поводу: «Современная молекулярная генетика не дает нам никакой возможности воздействовать на наследственность с целью обогатить ее новыми свойствами, создать генетического «сверхчеловека». Она говорит о тщетности этой надежды. Микроскопический уровень генома не допуска-

ет в настоящее время (и, вероятно, не допустит никогда) возможности подобных манипуляций»[1].

Генетическая программа человека, ее реализация в процессе развития людей, формирование общества и создание на его основе надбиологической сферы — это самые высокие, далеко еще не до конца познанные уровни биологической и социальной формы движения материи. Подлинно гуманное отношение к человеку как к уникальному творению природы и истории требует познать его генетическую сущность и заботливо оберегать ее. Хорошо известно, что и при имеющейся генетической программе человек способен к бесконечному изменению и прогрессу своих социальных свойств в ходе исторического развития общества. Важной задачей современной генетики является не переделка, а охрана наследственности человека, освобождение ее от дефектов. Полноценная наследственность существующего человека — это биологический фундамент его будущего длительного социального прогресса. Именно человек, будучи носителем общественно-исторических отношений, является субъектом и целью исторического творчества.

Отсюда следует, что необходимо взаимопонимание и сотрудничество представителей различных наук при развитии разных подходов к человеку. Такое сотрудничество может быть успешным только на основе глубокой философской, диалектико-материалистической разработки проблемы человека. Марксистско-ленинское учение о человеке как продукте истории и части природы, учение о социальной сущности человека является той методологической базой, которая позволяет поднять весь комплекс наук о человеке на качественно новую, более высокую ступень.

---

[1] *Monod J.* Chance and Necessity. N. Y., 1972, p. 164.

Заключение

1. Историко-материалистический подход к вопросам общественного развития, к природе, сущности и причинам различных социальных явлений — положительных или отрицательных, включая преступность,— несовместим с их биологизацией. Ни одно социальное явление не может быть объяснено с помощью биологических теорий. Положение марксистско-ленинской криминологии о том, что причины преступности имеют социальную природу, основано на материалистическом понимании закономерностей общественного развития. Достижения естественных наук, в частности генетики, не только не изменили указанного понимания этой проблемы, но, напротив, вполне его подтверждают и способствуют его развитию.

Попытки объяснить преступность биологическими категориями нельзя отрывать от объяснения биологическими причинами социальных явлений в целом и всего развития человеческого общества. Неприятие противниками марксистско-ленинской теории закономерностей смены общественно-экономических формаций, законов классовой борьбы тесно связано с влиянием теорий социал-дарвинистского толка, в которых представления о внутривидовой борьбе необоснованно переносятся на человеческое общество. В результате все

явления жизни общества и в том числе причины войн, революций, кризисов объясняются в конечном счете прирожденной агрессивностью человека. В этой связи нельзя не напомнить следующее высказывание В. И. Ленина: «Можно ли себе представить что-нибудь более бесплодное, мертвое, схоластичное, чем подобное нанизывание биологических и энергетических словечек, ровно ничего не дающих и не могущих дать в области общественных наук?.. На деле никакого *исследования* общественных явлений, никакого уяснения *метода* общественных наук *нельзя* дать при помощи этих понятий. Нет ничего легче, как наклеить «энергетический» или «биолого-социологический» ярлык на явления вроде кризисов, революций, борьбы классов и т. п., но нет и ничего бесплоднее, схоластичнее, мертвее, чем это занятие»[1]. Критикуя Богданова, Ленин отмечал: «Основа критики Ланге заключается у Маркса не в том, что Ланге подсовывает специально мальтузианство в социологию, а в том, что перенесение биологических понятий *вообще* в область общественных наук есть *фраза*. С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социологических выводов, от этого фраза не перестает быть фразой»[2].

Научно некорректными являются попытки некоторых криминологов построить концепцию, согласно которой причины преступности в целом являются социальными, однако поведение конкретного человека в значительной степени обусловлено биологическими причинами. Но ведь если преступление и преступность соотносятся как часть и целое, то у них не может быть разных причин: сумма биологических причин не в состоянии дать в итоге категорию социальную. Биологи-

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 18, с. 347, 348.
[2] Там же, с. 349.

ческие мутации могут изменить биологическую характеристику организмов, но они не могут, даже в массе, повлиять на природу и причины социальных явлений.

Неприемлемой является также встречающаяся иногда в криминологии позиция, согласно которой причины преступности в нашей стране до Великой Октябрьской социалистической революции были социальными, а после нее, особенно в настоящее время, их следует искать в биологических свойствах человеческой личности. Социализм не нуждается в такой «защите» от нападок наших идеологических противников. Подобная позиция как бы изолирует человека от условий его социального бытия. В. И. Ленин в работе «Государство и революция», говоря о судьбах преступности, о том, что с победой коммунистических общественных отношений она будет сведена до уровня эксцессов, подчеркивал ее социальную природу и характер. Исчезновение в условиях социализма таких коренных причин преступности, как эксплуатация, частная собственность, нищета, не снимает социальных причин преступности в целом, а изменяет их характер, создает предпосылки для ее преодоления.

Социализм как первая фаза общественно-экономической формации нового типа открывает дорогу совершенствованию общественных отношений. Но реальный социализм имеет свои реальные трудности и противоречия. Люди социалистического общества еще не свободны от того, что несет с собой предшествующий социальный опыт человечества. Закрывать глаза на существование противоречий в социалистическом обществе, объективных причин правонарушений — своеобразная попытка уйти от необходимости анализа этих противоречий, от вскрытия и преодоления недостатков и трудностей общественной жизни. Не в природе человека следует искать причины преступлений, а в со-

вокупности тех условий его жизни, воспитания, взаимодействия с другими людьми, особенностей его личности, которые в конечном счете определяют его поведение. Воспитание и совершенствование человека — важная практическая задача нашего общества, связанная с созидательной работой по совершенствованию социалистических общественных отношений, по перестройке всех сфер социальной жизни.

2. Значит ли сказанное, что применительно к проблеме преступности нет места для использования достижений биологической науки? Нет, не значит, особенно тогда, когда речь идет о формировании личности, о влиянии ее физического и психического состояния на развитие сознания и формы поведения. Биологические особенности личности неспецифичны; сами по себе они не порождают преступности, но оказывают влияние на динамику поведения человека, являются условием, морфологической и психофизиологической базой восприятия человеком социальной программы. Использование в криминологии достижений генетики и медицины должно способствовать не углублению «биологических заблуждений» о прирожденной преступности человека или предрасположенности его к преступлению, а, напротив, преодолению этих заблуждений, истинному пониманию соотношения биологического и социального в человеке и влияния того и другого на его поведение.

Не одна генетика изучает это соотношение; его изучают и другие биологические науки и ряд правовых дисциплин. Системные взаимосвязи естественных и правовых наук отчетливо прослеживаются и в криминологии, и в уголовном праве, и в криминалистике, и в процессуальном праве, и в праве гражданском, причем везде в специфическом преломлении. И это понятно, ибо субъектом права (как в значительной степени и предметом биологической науки) является

человек. Вот почему спор о значении биологии для правовой науки, как мы это старались показать, имеет вполне конкретное содержание и важный познавательный и практический аспект. Категории генетики, биологии, медицины не должны абсолютизироваться и гипертрофироваться представителями правовой науки, равно как биологи, медики и генетики в свою очередь призваны способствовать правильному пониманию взаимодействия социального и биологического в сфере общественных явлений. Известно, что бурно развивающиеся науки нередко оказывали заметное влияние не только на близкие к ним области знания, но и на другие, более отдаленные. Совместная работа юристов, психологов, педагогов, генетиков, психиатров может и должна помогать совершенствованию профилактической деятельности государства и общества, развитию индивидуального подхода к человеку при его воспитании, а также в случае совершения им правонарушений.

3. Союз биологической науки и медицины с правовыми науками открывает более широкие возможности для сочетания правовых мер с лечением людей, являющихся вменяемыми, но страдающих психическими аномалиями. Особое значение приобретает сочетание социальных и медицинских мер в борьбе против пьянства и алкоголизма, а также против наркомании. Поиски новых медицинских методов и средств здесь особенно необходимы, так как указанные пороки отрицательно сказываются и на здоровье людей, и на их наследственности. Важное значение имеет изучение личности и поведения таких людей, в том числе отбывающих наказание в местах лишения свободы. Это позволяет совершенствовать методы исправления и перевоспитания осужденных, соединяя их с мерами медицинского характера. Разумеется, основными должны быть меры социального характера — устранение

конфликтов, воспитание самого субъекта и его ближайшего окружения.

Преступность, конечно, нельзя сводить к поведению лиц, страдающих психическими аномалиями; да и не сами аномалии являются причиной преступного поведения. Если же эти аномалии приобретают более серьезный характер и начинают определять содержание поступков человека, то проблема переходит из правовой плоскости в медицинскую, психиатрическую. Борьба с опасными действиями душевнобольных, не будучи частью проблемы преступности, имеет самостоятельное научное и практическое значение.

4. При решении проблем, где объектом исследования является человек и его поступки, особое значение приобретают этические вопросы. В самом деле, постановка вопроса об углубленном изучении биологических особенностей человека, связанная, например, с попыткой возвести их в ранг причин преступности, подчас обосновывается носящей гуманный характер необходимостью учета особенностей личности преступника. Однако вторжение науки в сферу человеческой личности бывает на деле чревато печальными последствиями.

Из истории известно, что признание личности «преступной» нередко влекло за собой такие предупредительные меры, как превентивное заключение, стерилизация и т. п. Более того, вполне «логично» возникал вопрос и о физическом уничтожении «преступных личностей». Этические взгляды ученых, стоящих на позициях марксизма, разумеется, несовместимы с таким подходом к человеку, даже совершившему преступление, с принижением интересов и прав личности путем снятия или преуменьшения значения проблем социальной жизни. Не перекладывание ответственности на человека и тем более не вторжение в человеческий организм с целью его «переделки», а совершенство-

вание общественных отношений, улучшение условий социальной жизни наряду с повышением роли и ответственности самого человека, его воспитанием и самовоспитанием — вот истинно человечный подход. Выбор средств борьбы с преступностью во многом зависит от этических взглядов на человеческую личность. Понимание моральной стороны проблемы, подлинно научный подход к ней, а не эмоции должны господствовать в оценке всего сложного комплекса вопросов борьбы с преступностью.

5. Философско-методологические концепции, лежащие в основе изучения преступности, определяют и политическое звучание этого вопроса. Поиски преступных качеств в самом человеке нередко приводят к делению людей на представителей «первого» и «второго» сорта, на «элиту» и массу, а в конечном счете — к расистским концепциям в обществоведении и евгеническим теориям в генетике и биологии.

В современных условиях евгенические концепции развиваются людьми, далекими от понимания сущности человека, не принимающими во внимание факта существования социальной программы и всего значения генетического потенциала человечества. Между тем очевидно, что практика переделки генов была бы губительной для человечества, ибо современная генетика не может без селекции целенаправленно изменять гены в популяциях. Селекция же для человека невозможна, даже если оставить в стороне этическую ее недопустимость. Гигантский рост численности человечества ставит в этом отношении непреодолимые преграды. В случае же попыток такого рода можно без преувеличения сказать, что на человечество обрушились бы демонические силы науки. Потребовалось бы разрушение семьи, высоких чувств любви, поэтическая сущность бытия человека была бы уничтожена. Человечество превратилось бы в эксперименталь-

ное стадо. А что взамен могло бы оно получить? Практически ничего, кроме разрушения его бесценной, уже существующей наследственности, на которой базируется ныне и будет развиваться в будущем гений человека.

Сейчас мы понимаем всю сложность процессов, происходящих в популяциях человека. Опираясь на данные по генетике популяций, можно твердо сказать, что практические рекомендации, направленные на получение новой «породы человека», которые были предложены евгениками прошлого, да и нынешними евгениками, в научном плане являются необоснованными. Кроме того, возникает вопрос: каков идеал человека, который «надо создавать» генетическими методами? И еще: как избежать в такой работе влияния политических вкусов, субъективизма экспертов и неизбежной стандартизации человечества? Ответа на это нет. Очевидно, что предложения евгеников о создании лучшей «породы человека» — это не что иное, как попытка отвлечь современное человечество от насущных задач социального переустройства мира.

Современная общая и медицинская генетика человека видит свою задачу в том, чтобы максимально оберегать драгоценную биологическую природу человека. Подобно тому как медицина борется за здоровье существующего человека, так и генетика должна охранять его наследственность, не допускать ее нарушения. Можно обижаться на наследственность за то, что предки передали нам внешний облик, который нам не очень нравится, хотя он совсем не нарушает нашей генетической программы. Но если человек получил нормальную наследственность, то становление и развитие его личности определяется средой, воспитанием и им самим. Творчеством пронизана борьба за идеалы социализма, за перестройку. То же относится и к идеалам нашей собственной жизни.

Dubinin N. P.,
Karpets I. I.,
Kudryavtsev V. N.

GENETICS, BEHAVIOUR, RESPONSIBILITY

(The Nature of Antisocial Behaviour and Ways of its Prevention)

Summary

The book brought to readers' attention is a work in preparation of which the efforts of the representatives of social and natural sciences were combined.

Basing on the fundamental principles of materialistic dialectics the authors demonstrate that the nature of social phenomena cannot be understood and explained through biological categories. At the same time the authors maintain the idea that it is impossible to disregard the fact that the man is part of nature, a biological being. Proceeding from the fundamental proposition that the essence of a human being is not an abstract belonging to a separate individual but a whole complex of all social relations, the authors show the mechanism of the impact of biological characteristics of personality on its behaviour, especially on antisocial behaviour.

The problem of causes of antisocial behaviour in the authors' opinion is a part of more general, global problems and it often proves to be a key-stone determining the progressive or reactionary way of thinking of a scientist of a politician. The problems reviewed in the book are associated with humanistic approach to a human being as a conscious man who is acting at the same time within the limits of the definite macro- and microsystem.

The authors underline that it is unjustified and inhumane to attribute «hereditary» criminal propensities to a human being. They expose the so-called biological approach and rasism and the ideas resulting from them to devide people into the «elite» and other trash. They also critisize vulgar-social approach to a human being.

Proceeding from the concrete researches in criminology, genetics, psychiatry the authors strive to answer the principal questions within the framework of their research: 1) what is known today about hereditary predetermined human behaviour? 2) what is the correlation of social and biological factors affecting human behaviour including antisocial, criminal behaviour? 3) how does this correlation affect the responsibility of a human being to state and society? 4) how can social and biological factors be used for the purposes of prevention of antisocial human behaviour?

ОГЛАВЛЕНИЕ

CONTENTS

Николай Петрович Дубинин,
Игорь Иванович Карпец,
Владимир Николаевич Кудрявцев

ГЕНЕТИКА, ПОВЕДЕНИЕ, ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

(О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения)

Заведующая редакцией *Р. К. Медведева*
Редактор *А. Н. Голубев*
Младшие редакторы *Ж. П. Крючкова* и *Е. С. Молчанова*
Художник *С. В. Аладьев*
Художественный редактор *А. Я. Гладышев*
Технический редактор *Г. М. Новакова*

ИБ № 7519

Сдано в набор 17.08.88. Подписано в печать 16.12.88. Формат 70×108[1]/[32]. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. печ. л. 15,40. Усл. кр.-отт. 15,75. Уч.-изд. л. 15,41. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 7102. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Трудового Красного Знамени типография изд-ва «Звезда». 614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

...Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений.

К. МАРКС

...В истории общества действуют люди, одаренные сознанием, поступающие обдуманно или под влиянием страсти, стремящиеся к определенным целям. Здесь ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели.

Ф. ЭНГЕЛЬС

Теперь же... со времени начала социалистической революции, дисциплина должна создаваться на совершенно новых началах... дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе.

В. И. ЛЕНИН

Политиздат